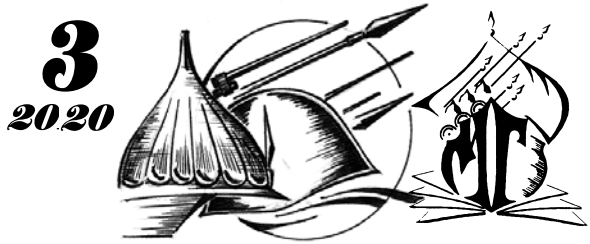
Россия, Русь! Храни себя, храни!



Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир БОЛЬШАКОВ. **Осторожно: либерализм!** 3
Вячеслав МАТУЗОВ. **Кто был главным по развалу СССР** 72
Светлана ЗАМЛЕЛОВА. **Детки в клетке** 128
Валентина НОВИКОВА (Чернышёва). **Феминизм: защита прав или?..** 135

ПРОЗА

Михаил ЗАРУБИН. **Потоп.** Повесть 24
Василий ВОРОНОВ. **Жар-птица.** Рассказ 83
Лидия ИВЧЕНКО. **Праздники и проза жизни.** Рассказ 142
Александр АНДРЮШКИН. **На родине.** Рассказ 159
Ирина ПРИЩЕПОВА. **Мир единственный и неповторимый.** Эссе 180

ПОЭЗИЯ

Александр НЕСТРУГИН. **Осокорник.** Стихи 67
Сергей АГАЛЬЦОВ. **Нежно цветёт облепиха…** Стихи 119
Александр ЛИСНЯК. **Сияй, Святая Русь!** Стихи 123
Анна ТОКАРЕВА. **Не устану ждать.** Стихи 169
Михась ПОЗДНЯКОВ. **Две руки… Две любви…** Стихи ... 175

РУССКИЙ МИР

Александр БУРЕНКОВ. **Быть русскими!** 196
Михаил ЛЕМЕШЕВ. **К гражданам России!** 205

ДОСЬЕ «МГ»

Анна КОМИССАРОВА. **Крупнейшая афера 90-х** 210

УРОКИ ИСТОРИИ

Валерий ГАБРУСЕНКО. **Троцкий и Сталин** 220

СИМВОЛ ВЕРЫ

Лариса КУДРЯШОВА. **Как остановить этот срыв?** 230

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Любовь ФЕДУНОВА. **«В мои глаза глядится Русь».**
О поэзии и судьбе Евдокима Русакова 236

ЛИЧИНЫ ДЕМОКРАТИИ

Сергей СПИРИДОНОВ. **Либеральные «хиви» укровермахта** 248

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО. **Первое условие спасения** 252
Роман ИЛЮЩЕНКО. **Выход пока еще есть** 256

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Валерий ХАТЮШИН. **Протуберанцы.**
Размышления и воспоминания. Продолжение 261

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Людмила ВОРОБЬЕВА. **«С годами видится простое…»**
О книге лирики Светланы Супруновой «Прошу тишины» 268

Владимир БОЛЬШАКОВ

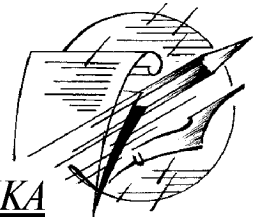
ОСТОРОЖНО: ЛИБЕРАЛИЗМ!

Почил ли он в бозе?

Мировую экономику, в которую, хоть и на птичьих правах, входит российская, постоянно лихорадит. Прогноз за прогнозом предсказывает мировой финансовый кризис. Очевидный кризис, спровоцированный неконтролируемой эмиграцией и резко ускорившийся автоматизацией производства, переживают демократические системы классически либеральных стран Евросоюза и США.

Развивающиеся страны в массе своей всё чаще отказываются идти по пути либерализма. И на этом фоне небывалые темпы развития и экономической экспансии Китая экономисты и политологи вполне логично объясняют тем, что в Поднебесной решительно отвергли либерализм.

Но есть и другой, не менее важный аспект в критике либерализма — духовный. В октябре прошлого года Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, выступая на вечере памяти митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима, назвал саму идею либерализма греховной. По его словам, либеральная идея предполагает «поставление в центр жизни самого человека, а не Бога» и подчеркнул, что либеральная



идея предполагала отказ от авторитетов и власти. На опасные последствия этого в свое время указывал наш великий писатель Достоевский: «Там, где Бога нет, всё дозволено». Новейшая история России убедительно доказывает, какой бедой эта вседозволенность оборачивается. Патриарх напомнил, что революции происходили в Петербурге, поскольку там был «очень высокий уровень согласия образованного интеллигентного населения с либеральной идеей». Тогда, в начале XX века, напомнил глава РПЦ, люди были очарованы либерализмом, однако, «пройдя 90-е, значительная часть образованного общества стала понимать, что это такое».

До недавнего времени в российских верхах к либерализму относились, как к некоей священной корове, которую даже в полудохлом виде нельзя тронуть пальцем. Но вот в июне 2019 г. президент Владимир Путин в интервью английской газете «Financial Times», которое появилось накануне саммита «Большой двадцатки» в Японии, заявил, что «современная так называемая либеральная идея, она, по-моему, себя просто изжила окончательно». По мнению российского лидера, на Западе уже признают невозможность внедрения ряда ее компонентов. Он привел в пример ситуацию с мигрантами, которые нарушают законы, а власти продолжают соблюдать их права.

В российских либеральных кругах это интервью Путина вызвало бурю негодования, о чём не преминули заявить публично их представители даже в правительстве Медведева. А пресс-секретарь Путина Д.Песков принялся успокаивать господ либералов и заверять их, что «президенту близки идеи либерализма, однако он против их принудительного навязывания». И трудно было понять: либо он в данном случае «нёс пургу», по выражению его «шефа», и выступил с заявлением, которое ему никто не поручал, либо его попросили специально разъяснить позицию Кремля по этому вопросу. Над этой интригой ломают голову многие обозреватели.

Сам Путин искренне удивился, что это его интервью вызвало такой резонанс. Очевидно, что его приговор либерализму многих задел за живое.

По словам Путина, в лице канцлера ФРГ Ангелы Меркель либерализм не смог справиться с миграционным кризисом в Германии. «Либеральная идея предполагает, что ничего не нужно делать, — не без сарказма продолжал свою мысль Путин, живописуя мультикультурализм как одну из составляющих нового либерального порядка в странах ЕС. — Убивай, грабь, насилуй — и ничего, ведь права мигрантов надо защищать».

Путину поспешил ответить глава Европейского совета Дональд Туск, заявив, что не либеральная идея изжила себя, а «авторитаризм, культ личности и олигархия, даже несмотря на их кажущуюся порой эффективность. Тот, кто говорит, что либеральная демократия устарела, также утверждает, что устарели свободы, устарело верховенство права и устарели права человека», — подчеркнул Туск.

Словно предвидя такого рода упреки, Путин в своем интервью оговорился: «Либеральную идею тоже нельзя уничтожать, она имеет право на существование, и даже поддерживать нужно в чем-то». Этот его реверанс в сторону им же «похороненного» либерализма легко объясним: в российском правительстве во главе с Д.Медведевым либерал на либерале сидит и либералом погоняет. Да и в администрации президента эта публика прочно обосновалась. Вредоносность такого засилья либералов Путин понимает. Отсюда и вторая его оговорка по поводу либеральной идеи: «Не надо считать, что она имеет право на абсолютное доминирование, и забывать об интересах «основной части населения».

К чему засилье либералов приводит, Путин предпочел проиллюстрировать на примере политики западных либералов, доминирующих в США и странах Евросоюза. По его словам, они пытались навязать всему миру свою волю, что привело к череде трагических последствий (Ливия, Ирак, Сирия), не говоря уже о кровавом расчленении Югославии, череде «оранжевых революций» на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве.

Выступая на Генеральной Ассамблее ООН 27 сентября глава МИД РФ С.Лавров продолжил эту мысль Путина и отметил, что «ведущие западные страны пытаются воспрепятствовать формированию полицентричного мира, вернуть себе привилегированные позиции, навязать другим стандарты поведения, основанные на узкой западной трактовке либерализма. Если коротко: «Мы — либералы, нам можно всё», — сказал Лавров.

Любопытно, что одним из первых еще на «Двадцатке» в Японии Путина поддержал Дональд Трамп, президент США, где либерализм доминирует и во внешней, и во внутренней политике, оставаясь со времен провозглашения их независимости и ведущей идеологией, и формой общественного строя, и основой гражданского общества. Он сказал, что заявление его российского коллеги не лишено оснований. В качестве примера Трамп привел Лос-Анджелес и Сан-Франциско, многие проблемы которых, по его словам, вызваны «губительным воздействием чрезмерного либерализма».

В свою очередь, итальянский премьер Джузеппе Конте заявил, что хотя либеральные ценности и важны, либерально-демократические системы сегодняшнего дня «тесны». «Путин, — отметил он, — по сути дела, говорит о том, что наши либерально-демократические системы не могут эффективно истолковывать нужды, опасения и неуверенность людей. Но эта проблема не столько самих либерально-демократических систем, сколько руководящих классов, элит».

Возвращаясь к корням

Политики (и Путин с его критикой либерализма тут не исключение, а, скорее, подтверждение правила) чаще используют в полемике ярлыки, чем научные категории. Либерализм критикуют и справа, и слева не как идеологию, а как основанные на ней экономику, политику внутреннюю и внешнюю, культуру и куда реже — общественный строй. В результате нередко либерализм Вольтера, Руссо, Локка и Гоббса отождествляют с либерализмом всесветного проходимца и сиониста Сороса. В этой связи небесполезно напомнить о том, откуда и как появился либерализм и чего добивались его основоположники.

Если в период Средневековья в общественном сознании всё еще доминировала концепция Божественного происхождения власти монархов, то в эпоху Нового времени, когда в самом центре философских споров и исследований оказались вопросы власти и властных отношений, необходимости легитимности власти, вольнодумцы-просветители отказали власти в Божьем благословлении. Рационализм и свободомыслие возобладали. И хотя идеи о договорном происхождении власти возникли еще в древности и отражены не только у Платона, но и раньше в философии Эпикура (341—270 гг. до н.э.) и Тита Лукреция Кара (99—55 гг. до н.э.), только в XVII—XVIII веках, в период между публикацией «Левиафана» Томаса Гоббса (1651 г.) и труда Эммануила Канта «Метафизические элементы справедливости» (1797 г.) была окончательно выработана теория общественного договора, которая и легла в основу идеологии либерализма. Суть этой теории заключается в добровольной передаче власти народом государству при сохранении суверенитета народа, т.е. его воли. В разных вариантах эту теорию изложили в своих трудах философы: Гуго Гроций, Барух Спиноза, Джон Локк, Вольтер и Жан-Жак Руссо, хотя в своих выводах они заняли практически противоположные позиции: Гоббс защищал авторитарную монархию, Локк — либеральную, в то время как Рус-

со ратовал за либеральный республиканизм. Руссо полагал, что свобода возможна только там, где в законодательстве народный суверенитет неделим и неотделим. Труды этих просветителей легли в основу Французской Декларации прав человека и гражданина, а также государственного устройства Французской Республики после Великой Французской революции и в основу Декларации независимости США как части американской конституции. Эти документы по сей день остаются основополагающими для всего западного мира и всей западной цивилизации, хотя далеко не всегда их лидеры им следуют.

Наиболее дальновидные правители всегда пытались прийти к консенсусу с гражданским обществом и сделать его частью государства либо отождествить его с ним. Власть в разные эпохи воспринимала гражданское общество то как нормальное зеркало, в котором отражались все ее достоинства и недостатки, то как зеркало кривое, в котором эти недостатки преувеличивались, а достоинства уменьшались. В государствах тиранического и диктаторского типа гражданское общество, если и существовало, то в глубоком подполье, где и готовило уничтожение враждебного ему государства. Эти потенциальные возможности гражданского общества побуждали тирании и диктатуры подавлять всё, что с ним связано. С другой стороны, именно этот его потенциал всегда привлекал оппозицию власти — как революционеров, так и контрреволюционеров, которые использовали потенциал гражданского общества и его организационные возможности для свержения существующего строя. Соответственно, и гражданское общество трансформировалось со временем с учетом требований и вызовов эпохи.

В эпоху Нового времени, с которым напрямую связано возникновение гражданского общества, и в пору становления буржуазной демократии в Западной Европе после Великой Французской революции (1789—1794 гг.) ему была делегирована роль посредника между семьей и государством и между государственной властью и естественным безвластным состоянием.

Либерализм по Ротшильду

В России сторонником общественного договора и либерализма объективно выступал предтеча русских революционеров Александр Николаевич Радищев (1749—1802), автор антимонархического и антикрепостнического «Путешествия из Петербурга в Москву» (1790) и эссе «О человеке, его смерт-

ности и бессмертии» (1792). Либеральных взглядов придерживались и многие русские мыслители XIX—XX веков — как западники, так и славянофилы. Вряд ли кто из них догадывался, чем либерализм для России может обернуться. Наверняка тот же либерал Герцен не предполагал, что Ротшильд финансирует его «Колокол» в Лондоне не для приближения светлого будущего России, а ради ее развала и уничтожения. Только в ночном кошмаре могли увидеть тогдашние *Веры Павловны*, что их либеральные «сны» обернутся на практике Октябрьским переворотом, цареубийством, Красным террором, Гражданской войной, расстрельными подвалами чрезвычаек, сословным геноцидом, осквернением храмов и всероссийским Гулагом. В школе нас учили, что сны Веры Павловны о светлом будущем всё-таки сбылись. В чём-то — да. Но какой ценой! И можно ли было добиться того же, но малой кровью, если бы не сгорела Великая Россия, набравшая к началу прошлого века небывалые силы, в огне революции? История, конечно, не имеет сослагательного наклонения, но все ставшие теперь известными факты говорят о том, что можно было. Нашего двуглавого орла в 1917 году подстрелили на взлете. И те же самые Ротшильды в этом заговоре мировой закулисы сыграли далеко не последнюю роль.

Любопытную деталь из истории становления либерализма приводит Еврейская энциклопедия. Цитирую: «В глазах тех слоев, которые пострадали от ломки традиционных общественных устоев, система экономического либерализма, особенно в ее радикальных формах (так называемое манчестерство), служила корыстным интересам евреев-плутократов. Недовольство политикой экономического либерализма стало одним из источников антисемитизма Нового времени. Отрицательные последствия неограниченной конкуренции критиковали представители раннего социализма, многие из которых так же ставили знак равенства между капитализмом и еврейством. Во всех странах, где либералы выступали сторонниками еврейского равноправия, евреи активно поддерживали либеральные партии, которые в течение первой половины XIX в. вели ожесточенную борьбу с консерваторами и превратились в серьезную политическую силу. Евреи были в первых рядах борцов за политическую свободу и гражданское равенство».

Остается к этому добавить, что и в наши дни как в США и других странах Запада, так и в России евреи в массе своей массово поддерживают либерализм. Особо наглядно это проявилось в годы перестройки, которая, по сути дела, и была построена на идеологии либерализма, и в годы либеральной

олигархической диктатуры при Ельцине, а также в первые годы президентства Путина. Цвет либеральной интеллигенции отметился в позорном «Письме 42», поддержав фашистский расстрел парламента России в 1993 году по приказу Ельцина. После этого либеральная оппозиция, которая свой этнический состав радикально не поменяла, неизменно выступает против любых мер по укреплению российской государственности, против поддержки Русской Православной Церкви, а также против русского патриотического движения, насаждает западнизм и угодничество перед Западом, проповедует поклонение золотому тельцу, мультикультурализм, космополитизм и вседозволенность под маской «толерантности» и свободы слова и творчества.

По канонам классического либерализма, автономия гражданского общества от государства не отменяет их взаимосвязи, а наоборот, способствует взаимоконтролю и взаимоограничению государственных и негосударственных структур. Так, мол, стимулируется движение к правовому государству. Но это в идеале. А на практике одна из важнейших задач гражданского общества — добиться, чтобы государство не вторгалось в частную жизнь граждан, а наоборот, охраняло ее, до сих пор остается недостижимой как в странах «Большой двадцатки», включая Россию, так и в остальном мире. Один из основных принципов либерализма заключается в том, что сфера личной жизни должна быть недоступной для любого политического властного вмешательства, за исключением случаев, когда закон допускает это в целях охраны безопасности. Но даже в этом случае должны охраняться определенные личные права. Степень воплощения этого императива в реалиях публичной жизни — важный показатель существования гражданского общества. Если это имел в виду Путин, говоря о том, что не всё в либерализме следует отвергать, его можно только поддержать. Но, увы, чаще всего именно этот императив и игнорируют власти предержащие как на Западе, так и в России, беспардонно попирающие базовые принципы сосуществования гражданского общества и государства всюду, где восторжествовал либерализм.

«Глубинное государство»

В значительной степени гражданское общество и его основы подрывает в наши дни элитарность, с тем самым его «свинским принципом», который сформулировал Джордж Оруэлл в своей пародии на советскую партократию «Скот-

ный двор»: «Все животные равны, но некоторые более равны, чем другие». В первую очередь этот принцип исповедуют и реализуют на практике олигархи, разложившееся чиновничество и другие привилегированные слои общества, наделенные властью либо крупным капиталом. Эти «элитарии», присягнувшие либерализму, который утверждает и освящает их право наживаться за счет ограбления народов, и правят миром. Они создали в США, а также в других странах Запада свои мощные структуры влияния — то, что президент Трамп назвал «глубинным государством», нечто вроде того самого «малого народа» по Шафаревичу.

Элитарии от либерализма захватили власть на Западе не только в экономике, но и в политике, в средствах массовой информации и в культуре, а теперь сделали ставку на захват мировой власти. Всё это весьма наглядно проявилось в противостоянии президента США Дональда Трампа с либеральным истеблишментом, тем самым «глубинным государством», которое с момента его избрания не дает ему в полном объеме осуществлять президентские полномочия и держит его на коротком поводке под постоянной угрозой импичмента. Такого в истории США еще не было. И это только усугубляет всемирный кризис либерализма и его дискредитацию.

В глобальных масштабах этот «малый народ» всячески поддерживает либерализм в экономике, под которым имеет в виду полную свободу рук и отсутствие контроля со стороны гражданского общества, но отвергает либеральные идеи, когда речь заходит о прогрессивном налоге на прибыль и налогах на недвижимость и землю.

В России действует именно такой элитный либерализм — точнее, его олигархическая разновидность. За годы его существования после развала СССР в «новой России» произошло чудовищное ограбление народа. Приведу несколько цифр, это подтверждающих. По данным Высшей школы экономики и Института исследований и экспертизы ВЭБ, в 2018 году на 3% богатейших россиян приходилось 89% всех активов, 92% срочных вкладов и 89% наличных сбережений — это больше, чем в США (76%) и Китае (60%). Число долларовых миллионеров в России увеличилось с 14 тыс. человек в 2010 году до 246 тыс. человек в 2019 году.

Создан новый класс чиновников-капиталистов, доходы которых не уступают, а то и превышают доходы олигархов. Так, официально российский премьер-министр Дмитрий Медведев получает 35 тыс. руб. в день, но, судя по источникам неофициальным и результатам независимых расследований, он уже давно миллиардер. Содержание главы Газпро-

ма обходится госбюджету РФ в 114 млрд. рублей в год. Это 4800 лет работы учителем, 3800 лет работы врачом, 3700 лет работы шахтером, 2400 лет работы профессором вуза. Аналогичные цифры приводятся и по доходам глав других госкорпораций. Доход главы Роснефти Игоря Сечина в 2017 году, по данным Forbes, составил 13 млн. долларов (около 830 млн. рублей по нынешнему курсу).

Каждый год растут доходы госчиновников, депутатов всех уровней и сотрудников силовых ведомств. При этом некомпетентность чиновного аппарата просто зашкаливает. Так, в период с 2014 по 2018 г. Россия потеряла 25 трлн. рублей из-за некомпетентной политики Центробанка. Такое заявление сделал советник президента России Сергей Глазьев на Санкт-Петербургском экономическом форуме 2019 г. Правда, после этого он вынужден был покинуть свой пост. Разумеется, по собственному желанию.

Россия занимает одно из первых мест в списке наиболее коррумпированных стран. По данным Генпрокуратуры РФ, общая сумма взяток в 2018 г. по всем выявленным делам по ст. 290 УК РФ («Получение взятки») составила 1,8 млрд. рублей, а средняя сумма взятки в России превысила 600 тыс. рублей. Коррупция в российской властной среде бьет все рекорды (ТАСС, 18.12.2018). В 2019 году зафиксирован случай взятки в 100 млн. рублей. И это только то, что удалось выявить.

Директор Московского Института проблем глобализации Михаил Делягин утверждает, что Запад еще до развала СССР сделал всё, чтобы наша элита существовала только ради денег. «Таким образом, — говорит он, — из нас просто делали колонию, а существование ради денег и есть самая суть современного либерализма», т.е. либерализма по Ротшильду.

Либеральный фашизм

В западном мире, где либерализм восторжествовал повсеместно после Второй мировой войны, с тревогой говорят о том, что он быстрыми темпами превращается в тоталитарный элитаризм. Ньют Гингрич, бывший спикер Палаты представителей США, отметил, что в Америке «возникла некоторая элитарная моральная тенденция, позволяющая определенной группе людей считать, что они имеют право распоряжаться жизнями других людей. Мы заменили божественное право королей божественным правом самоуверенных групп». Эти группы элитариев сформировали то самое «мировое правительство» (термин Д.Рокфеллера), которое на практике намерено внедрить в политику в глобальных масштабах ев-

генику — реакционное «учение» о селекции людей с целью улучшения их наследственных свойств, разработанное Френсисом Гальтоном, двоюродным братом Чарльза Дарвина, и поставить этот эксперимент над всем человечеством. В результате такой евгенической селекции, по планам мирового правительства, которые уже не скрывают, население Земли, достигшее в 2019 году 7,7 млрд. человек, будет сокращено с помощью искусственного интеллекта и армии роботов до 1—1,5 млрд. человек. В этом суть людоедской идеи «золотого миллиарда», идеи, по сути дела, фашистской, во многом повторяющей планы Гитлера по созданию нации сверхлюдей.

Опасность трансформации либерализма в фашизм нисколько не преувеличена. Американский политолог Джона Голдберг в своей книге «Либеральный фашизм» пишет: «Если фашизм действительно придет в Америку, то примет форму «фашизма с улыбающимся лицом», хорошего фашизма. Это так. Но дело в том, что фашизм по большому счету не просто уже пришел, он здесь уже почти целый век. То подновленное здание американского прогрессизма, которое мы называем либерализмом, фактически стоит на фундаменте фашизма и является одним из его проявлений. При этом он вовсе не то же самое, что нацизм. И близнецом итальянского фашизма его считать тоже нельзя. Тем не менее прогрессизм как политическое движение — родной брат фашизма, а сегодняшний либерализм — сын прогрессизма. Можно продолжить аналогии и заявить, что либерализм — по сути, исполненный благих намерений племянник фашизма».

Кто владеет миром?

Под штандартами воинственного либерализма Запад, как отметил С.Лавров в своем выступлении в ООН, «всё чаще и навязчивее рассуждает о «порядке, основанном на правилах».

Цель концепции такого «порядка» очевидна — ревизовать переставшие устраивать Запад нормы международного права, подменить его «правилами», приспособленными под свои корыстные схемы, которые формулируются в зависимости от политической целесообразности, а сам Запад, и только Запад, объявить неоспоримым источником легитимности. Например, когда выгодно — право народов на самоопределение имеет значение, а когда нет — объявляется «незаконным», — сказал глава МИД РФ. То есть независимость Косова приветствуется, а воссоединение Крыма с Россией в результате общекрымского референдума осуждается и не признается. На каком основании?

Структура управления современным миром гораздо сложнее, чем это представляют себе конспирологи. Прежде всего это координированное управление мировой экономикой, в котором участвуют как международные организации, так и международный капитал, прежде всего крупные финансисты, как отдельные государства, так и объединения ведущих держав мира. Либеральный фашизм осуществляет свое господство над миром благодаря небывалому сосредоточению мирового богатства в руках супербогачей, в большинстве своем граждан США. В 2011 г. эксперты Цюрихского университета, проведя скрупулезный математический анализ связей ведущих корпораций и банков планеты, пришли к шокирующим выводам. Они обнаружили, что всеми процессами на планете, связанными с экономикой, руководит, по сути, одна гигантская корпорация. Распутав обширную паутину собственности, команда ученых установила, что большинство финансовых цепочек идет в направлении «суперанклава» из 147 компаний. Их активы пересекаются друг с другом, фактически являясь общей собственностью, что обеспечивает этому негласному финансовому конгломерату контроль над 40% глобального корпоративного богатства и над 60% мирового богатства. Однако «это не простые компании и работают там не простые люди, — заявили в Швейцарии. — Анализ выявил связь руководителей этих супергигантов мировой экономики и тайных обществ, а именно масонских лож. Некоторые из указанных компаний напрямую были основаны членами масонских организаций, а некоторые при их непосредственном участии». Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

Крах мирового порядка

Если бы Гоббс и Руссо могли себе представить, до чего дойдет в своем развитии либерализм, они бы задушили это свое дитя в колыбели. Сегодня результатом деградации их идей периода Нового времени стала вся мировая капиталистическая система, где главенствуют несколько семей, сосредоточивших в своих руках львиную долю мирового богатства и власть над миром и продолжающих нещадно грабить человечество. Сама по себе эта система нежизнеспособна, ибо она приводит к всё большему накоплению богатства в руках узкой прослойки космополитических сверхбогачей. Непрерывное накопление капитала в руках всё сокращающегося числа собственников ведет к всё большему обнищанию народов, а саму систему и построенный ею миропорядок неиз-

бежно приведет к такому же концу, к которому пришел мифический Мидас: он получил от богов уникальный дар. Всё, к чему этот царь прикасался, превращалось в золото, в том числе вода и любая пища. В результате Мидас умер в одиночестве от голода и жажды. Та же судьба ждет и так называемый «однополярный мир» с его либеральным фашизмом. Перспектива такого краха не может не вызывать беспокойства политических лидеров и идеологов западного мира.

Так, президент Франции Эммануэль Макрон возразил Путину после его интервью в «Financial Times», заметив, что либерализм жив. Но уже в своем прошлогоднем сентябрьском выступлении перед французскими дипломатами Макрон поставил под вопрос не только либерализм, но и сами основы модели современного западного общества: «...Нельзя не признать, что эта модель заржавела в результате того, что деградировала сама система демократии, — сказал Макрон. — А также потому, что сам капитализм деградировал и сошел с ума, так как мы сами же порождаем те проявления неравенства, урегулировать которые мы затем не в состоянии...»

Макрон далеко не левый политик. Он выпестован в структурах семейства Ротшильдов, которые и привели его к высшей власти во Франции. И если уж он заговорил о системном кризисе рыночного капитализма и выступил в качестве реформатора не просто либеральной модели, но и всего мироустройства как такового, — значит и в этих структурах пришли к тому же выводу, что и Путин. Либерализм действительно изжил себя, превратившись в свою противоположность. К этому неизбежно приходит любая идея, доведенная до абсурда, как предупреждал еще Дицген-младший, которого любил цитировать Маркс.

«Мы видим конец западной гегемонии в мире, — признает Макрон. — Обстоятельства меняются... Мировой порядок переживает беспрецедентный кризис. Мир живет в эпоху кризиса рыночной экономики и огромных потрясений в технологическом и экологическом плане. Европейской цивилизации необходима новая дальновидная стратегия».

Вопрос только в том, достаточно ли она жизнеспособна, чтобы выдержать такие потрясения в условиях уже начавшегося столкновения цивилизаций. А объявленный исламскими экстремистами «всемирный джихад», начатый с создания Исламского государства и терактов на всех континентах, а также миграционный кризис в Европе, стена Трампа на границе с Мексикой и мощная экспансия Китая по всем азимутам — только начало этого столкновения, которое перевернет мир.

Трансформации либерализма в политический и экономический тоталитаризм — по сути дела, в фашизм, вызывают тревогу даже у тех, кто еще вчера провозглашал наступление «конца истории» в связи с крушением коммунизма и началом «золотого века либерализма». Одним из них стал американский философ и политолог Фрэнсис Фукуяма, профессор Стэнфордского университета (США), один из ведущих экспертов в вопросах либеральной демократии, автор нашумевшей книги «Конец истории и последний человек», выпущенной в 1992 году издательством Free Press. В ней он утверждал, что падение советской системы как последней альтернативы либерализму лишает исторический процесс политического и идеологического содержания. Согласно Фукуяме, после этой геополитической катастрофы человечество будет решать не политические, но технологические, экономические, экологические и культурные проблемы в рамках «единого мира», который будет представлять собой глобальное «открытое общество», состоящее из граждан мира (без этнических, религиозных, государственных, классовых и иных дифференциаций), управляемое демократически избираемым «мировым правительством» и безоговорочно принимающее догматы либеральной рыночной экономики.

Усомнившийся пророк

Фукуяма и близкие к нему политики и идеологи реанимировали идею «плавильного котла» наций, опробованную на практике переселения эмигрантов из Европы в США, которые по замыслу ее авторов должны были потерять, прибыв в Новый свет, свои этнические корни и стать просто американцами без роду и племени.

В полном соответствии с идеями либерализма Фукуяма в своей книге предрекал, что в новом «плавильном котле» человечество станет единым, культурно, этнически, информационно однородным; все отличительные признаки постепенно сотрутся окончательно. В этом, по его прогнозу, должен был воплотиться весь исторический опыт развития западной цивилизации, пиком которой являются США и либерально-демократический строй; конфликты и трения интересов будут перенесены исключительно в рыночную область — в сферу экономической конкуренции; не будет войн, классы отомрут и всё человечество станет однородным и однотипным. (Это всё, конечно, отдает утопическим коммунизмом, но в современной западной политологии, занятой поисками спасения мировой либеральной системы, даже обращения к социальной практике реального социализма не редкость.)

Фукуяма одним из первых сам понял, что это — утопия, т.е. попытка выдать желаемое за действительное. К концу прошлого века идеологи глобализации замыслили создать новый плавильный котел в Европе путем интенсивной эмиграции в Старый Свет с Ближнего Востока, из Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии. Для того чтобы согнать с насиженных мест уже не сотни тысяч, а миллионы людей, во всех этих регионах были спровоцированы гражданские и религиозные войны, «цветные революции», развязана кровавая междоусобица в Сирии. В тех же целях использовались и исламские террористы из Исламского государства (деятельность организации запрещена на территории РФ. — **Ред.**), действовавшего на огромной территории от Ливана до Афганистана.

Массовая эмиграция в Европу из Азии и Африки, в том числе нелегальная, была взята под контроль крупным капиталом, в частности, все теми же Ротшильдами, Рокфеллерами и транснациональными корпорациями. Дерасинизация, т.е. отрыв национальных корней этих людей от своих родных стран потребовался крупному капиталу для создания трудовых армий, которые можно перебрасывать из страны в страну и с одного континента на другой: туда, где возникает потребность в рабочей силе как квалифицированной, так и рядовой, необученной. Этот мрачный прогноз манкуртизации человечества подробно описал в своей книге «Краткая история будущего» идеолог современного либерального фашизма, бывший советник президента Франции Ф.Миттерана и бывший президент Европейского банка реконструкции и развития Жак Аттали. Он также автор книги «Евреи, мир и деньги. Экономическая история еврейского народа». Аттали утверждает, что глобализация порождает «новых номадов» — тех кочевников, оторванных от своих национальных корней, которые готовы согласиться на любую работу в любой точке земного шара, чтобы выжить. И не только глобализация этому способствует. В еще большей степени — автоматизация и роботизация производства, которые «поедают» рабочие места. Сокращение занятости и бесконечная погоня капиталистов за сверхприбылью, в свою очередь, ведут к сверхэксплуатации, сокращению заработной платы и обнищанию трудящихся. В России впервые появилась категория работающих нищих, чья зарплата ниже уровня бедности. Это — высшее «достижение» современного либерализма.

Фукуяма не согласен с тем, что либерализм изжил себя, и считает, что «Путин фундаментально ошибается» в своей оценке его возможностей, игнорируя заложенное в этой идеологии гуманистическое и демократическое начало, так как

в России и Америке по-разному понимают, что такое демократия. Но как ученый он не мог не признать, что глобализация встречает активное сопротивление и в Европе, и в Азии, и в Латинской Америке, и даже в самих США со стороны национально-патриотических сил.

«Например, Шотландия или Каталония не хотят участвовать в глобальном сообществе, а хотят жить по национальным традициям. Я не знаю, где мы в конечном итоге окажемся, потому что оба эти процесса обладают большим потенциалом. Сначала двигаемся в одном направлении, потом — в другом. В период между 1970-ми и 2010-ми мы уверенно шли к глобализации, открытости и мобильности. А сейчас повернули назад, — сказал Фукуяма в интервью «Новой газете». — То же самое происходит сейчас в США, где Трамп постоянно говорит о необходимости вернуть Америке былое величие. Это большая беда».

Увы, Фукуяма видит беду там же, где и главари «глубинного государства», всерьез планирующие децимацию человечества, хотя и признаёт, что «люди не хотят гомогенизации», т.е. тотальной стандартизации. В массе своей люди, независимо от того, чьи они подданные, не признают либеральный фашизм и противостоят ему, так как «хотят жить в сообществах с корнями в их собственной истории и продолжать говорить на своих языках». Да, прогноз Фукуямы не состоялся в первую очередь потому, что народы ищут свою идентичность, держатся за нее, чтобы сорвать зловещие планы «мирового правительства», чтобы не пропасть в «плавильном котле» глобалистов и не затеряться бесследно в цивилизации «перекати-поле», в толпах новых номадов, в этих трудовых армиях капитализма — по сути, манкуртов без корней и основ. В этом залог того, что «конец истории», предсказанный Фукуямой, будет совсем иным. У либерализма в его современном варианте нет будущего. Он, действительно, изжил себя и обречен. А за светлое будущее человечества еще предстоит нелегкая борьба.

В этой борьбе, по мнению С. Хантингтона, автора знаменитой книги «Столкновение цивилизаций», основным источником конфликтов будут уже не идеология и не экономика. Наиболее важные границы, разделяющие человечество, и преобладающие источники конфликтов будут определяться *культурой*. Конечно, культура не может быть полностью свободной от идеологии. И Хантингтон имеет здесь в виду в первую очередь уровень развития цивилизации, возможности манипулирования общественным сознанием, в частности, воздействия на умы средствами массовой информации. Это как раз та сфера, где либерализм восторжествовал в после-

днее время, т.е. как в США, так и в России. Либеральный дискурс стал не только средством общения единомыслящих, но и действенным оружием либералов в противостоянии с патриотическими силами и в своей борьбе за власть. Не случайно, в этом дискурсе первейшим объектом либеральной агрессии стала семья, которую Ф. Энгельс справедливо назвал «ячейкой государства».

Господа — это либералы, среди которых задают тон деятели нетрадиционной сексуальной ориентации, добившиеся в последнее время на Западе не только признания нормальности гомосексуализма, лесбиянства, трансгендерства, однополых браков и прочих трендов, прежде считавшихся извращениями. Они фактически поставили вне закона такие понятия, как «мать» и «отец», т.е. само понятие «семья». И тех, кто против этого протестует и не признает нормальной подобную «толерантность», могут даже лишить родительских прав, отдать их детей на «воспитание» геям, что сплошь и рядом происходит в США и странах Евросоюза, где каноны современного либерализма соблюдаются куда строже, чем моральный кодекс строителя коммунизма в СССР.

Теперь эти каноны неолиберализма пытаются навязать всему человечеству, и во главе этого либерального «крестового похода» выступают Соединенные Штаты, страна торжествующего либерализма с его «глубинным правительством».

«Соединенные Штаты — «миссионерская страна», движимая верой в то, что даже народы, не принадлежащие к западной цивилизации, должны будут рано или поздно заявить о своей приверженности западным ценностям... и воплотить эти ценности в своих государственных институтах, — пишет С.Хантингтон. — Решения, принятые Советом Безопасности Организации Объединенных Наций или Международным Валютным Фондом и отражающие интересы Запада, подаются мировой общественности как соответствующие насущным нуждам мирового сообщества. Само выражение «мировое сообщество» превратилось в эвфемизм, заменивший выражение «свободный мир». Оно призвано придать общемировую легитимность действиям, отражающим интересы США и других западных стран. По сути дела, Запад использует международные организации, военную мощь и финансовые ресурсы для того, чтобы править миром, утверждая свое превосходство, защищая западные интересы и утверждая западные политические и экономические ценности. Так, по крайней мере, видят сегодняшний мир незападные страны, и в их взгляде есть значительная доля истины» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций).

Чтобы победить в том историческом противостоянии с либерализмом, претендующим на мировое господство, и не допустить упадка традиционных ценностей, православной веры и развала России — давней мечты либерального интернационала — руководству России необходимо сделать, наконец, бесповоротный выбор в пользу патриотических сил. Пока что в российских властных верхах продолжают как бы сидеть между двумя стульями. С одной стороны, критикуют либерализм, как Путин в интервью «Файненшиал таймс», а с другой — всячески с либеральной публикой заигрывают, как тот же Путин и его ближайшее окружение, и объективно поддерживают и поощряют либерализм в экономике, что ведет к дальнейшему ограблению и обнищанию и без того разоренного олигархами народа, не говоря уже о политике и культуре. Последствия этого для экономики России поистине плачевны. Мы экспортируем газ в Европу и Китай, а в России до сих пор не завершена газификация даже в Подмосковье, не говоря уже о той же Сибири. А «Газпром» по 100 раз на дню, проплачивая дорогущую рекламу, позиционируют как «народное достояние». Ни для кого не секрет, что большую часть богатейших природных ресурсов нашей страны контролирует иностранный капитал через свои банки, биржи и Федеральную резервную систему США. Вопиющий тому пример — действия компании «Водоканал», которая поставляет воду в ряд городов Сибири: Тюмень, Барнаул, Красноярск и др. Фирма эта на 100% принадлежит, как выяснилось, люксембургской компании «Вентенг холдинг». Деньги, которые через счета ЖКХ наши сибиряки платят за нашу русскую воду, вместо того чтобы вливаться в российскую экономику, утекают из России в герцогство Люксембург! Как правильно заметили эксперты, раскрутившие эту историю в Интернете, подобный либерализм местных властей вполне подходит под статью 275 УК РФ (Государственная измена). А сколько таких историй пока еще малоизвестных!

Либералы создали в России свое «глубинное государство», прочно окопались в администрации президента, куда проникли даже масоны, и захватили ключевые экономические ведомства, такие как, например, Центробанк. Они занимают важные посты в правительстве, подмяли под себя практически все ведущие средства массовой информации. На местном уровне эти господа действуют откровенно гангстерскими методами, занимаясь неприкрытым воровством бюд-

жетных средств (одна московская перманентная операция по замене тротуарной плитки и бетонных бордюров стоит того, чтобы войти в учебники для будущих следователей как классический пример беспардонного бюджетного воровства), и нагло фальсифицируют результаты выборов, чтобы только остаться у власти и у кормушки. Уверенные в своей безнаказанности, они потеряли страх и совесть.

Правящий класс, так называемая «национальная элита», не имеют ничего общего с русским народом. Эта элита антинациональна, ушла корнями в Израиль, США и страны Евросоюза. Это опасно для самого будущего России, ибо речь идет о людях, принимающих жизненно важные решения для России и ее народа.

Всем известны списки «народных избранников» и государственных чиновников, имеющих двойное, а то и тройное гражданство, свою недвижимость и офшорные фирмы за рубежом, свои виноградники в Италии и замки в Германии, Швейцарии и Франции. Дети и внуки многих наших «элитариев» давно уже живут и работают за рубежом. Один даже закончил военный колледж в США и принял воинскую присягу. С учетом положения родителей этих уже ненаших граждан в российских эшелонах власти такая смена лояльности таит в себе огромные риски для самого будущего России. На Западе ведется строгий учет таких перебежчиков. Их там закономерно рассматривают не только как уже своих граждан, но и как своих агентов влияния, потому что, принимая иностранное подданство, они объективно отреклись от России и присягнули на верность другому государству. Ни в одном нормальном государстве такого не допустили бы никогда.

Не менее тревожно положение в российских СМИ. Российское телевидение — самое мощное средство влияния на умы, заполонили люди с двойным гражданством, выкормыши западных «мозговых центров», напрямую связанных со спецслужбами. Мало того, в разного рода «ток-шоу», регулярно сотрясающих российский эфир по два-три раза в день, привлекают откровенных сионистов, включая руководителя израильской разведки, руководителей Российского еврейского конгресса (РЕК), сотрудников антироссийских подрывных центров и оголтелых русофобов, бандеровцев и польских «ультра», в чем особо усердствует телеведущий и патрон целой серии «ток-шоу» и авторских программ Владимир Соловьев. Недавно он даже был внесен в Книгу рекордов Гиннесса за самое долгое пребывание в телеэфире в течение одной недели. За семь дней он побывал в эфире в общей сложности 25 часов 53 минуты 57 секунд. Подобная востребованность

этого «дежурного пропагандиста», бывшего члена руководства РЕК, на российском телевидении поистине поражает. Свою карьеру он начинал в либеральной тусовке вместе с такими ее звездами, как нынешний идеолог Кремля Владислав Сурков и теперь уже миллиардер Михаил Фридман, один из самых щедрых жертвователей в казну международного сионизма и член руководства РЕК. В 1990 году Соловьева пригласили преподавать экономику в Алабамский университет в Хантсвилле (США). Там он начал заниматься бизнесом. С 1991 года был вице-президентом компании Wild Boys Land and Cattle Company и состоял в Комитете предпринимателей Америки. Вроде бы «казачок-то засланный». Но по всем официальным показателям — записной патриот.

В 1992 году Соловьев вернулся в Россию, где создал собственный бизнес в сфере развития высоких технологий. Как он говорит сам: «...у меня заводы были свои в России и на Филиппинах». Он купил виллу в Италии. И, говорят, не одну. Выступал с пеной у рта за «либеральные ценности» и против воссоединения Крыма с Россией. И вдруг — поворот на 180 градусов с уклоном в патриотизм. С чего бы?

Соловьев умело подстраховывается от обвинений в двойной игре. Нельзя не признать, что в его шоу время от времени выступают люди с незапятнанной репутацией, которые высказывают вполне разумные вещи с позиций безупречного патриотизма. Не поэтому ли в последнее время российские либералы, включая К.Собчак, объявили войну Соловьеву за излишнее усердие в пропаганде патриотизма. Они даже потребовали от правительства Италии лишить его вида на жительство или гражданства, которое он отрицает, и нарекли его «русским Геббельсом». Ну, Геббельс он положим, не русский, так как едва ли не в каждой передаче напоминает о том, что он еврей, как и большинство постоянных участников его передач. Но то, что свой «патриотизм» он вместе со своими подельниками артистически доводит до абсурда, превращая его в свою противоположность и тем самым дискредитируя саму русскую патриотическую идею, — это факт.

Мимикрия либералов под консерваторов и «истинных патриотов» нам хорошо известна по советским временам. Только с началом перестройки они, как по команде, перекрасились в оголтелых антисоветчиков. Один Коротич, главред «Огонька» и автор верноподданнических поэм о Ленине, чего стоил! На роль карикатурного «русского патриота» Соловьев регулярно приглашает своего соплеменника Владимира Жириновского, который при посещении Израиля ратует за расширение территории «еврейского государства» путем ан-

нексии «библейских земель» в Сирии, Иордании и Ливане, а в России выступает с патологически антисемитскими книжками. В ток-шоу Соловьева Жириновский не раз призывал к оккупации и разделу Украины и ликвидации ее как государства. В любом парламенте мира за подобные демарши этакого экстремиста лишили бы депутатского мандата на следующий день. А у нас никакой реакции в Госдуме после таких скандальных заявлений лидера ЛДПР не отмечено ни разу. Молчат и господа-либералы — ведь как-никак возглавляемая Жириновским партия не только либеральная, но еще и демократическая! Молчат, потому что дежурный и карикатурно гипертрофированный «патриотизм» подобных господ есть не что иное, как оборотная сторона русофобии.

О том, что российское государство, которому принадлежат контрольные пакеты акций ведущих телеканалов, утратило над ними контроль, говорят регулярные выступления руководителя Первого канала Константина Эрнста (гражданина Великобритании, по данным телеграмм-канала «Кремлевский безБашенник»), в том числе по радиостанции ЦРУ «Свобода», в защиту полной независимости этих каналов от государства, а также регулярные призывы к «свободному эфиру» на страницах либеральной прессы. И они своего добиваются, последовательно превращая Центральное телевидение в зомбоящик и общероссийскую помойку сплетен, слухов и дешевых сенсаций.

Но вот еще один факт. После того, как президент Путин на последнем Валдайском форуме покритиковал российские телеканалы за раздувание антиукраинской истерии и вражды к народу Украины, он тут же получил публичный «отлуп» от ведущего ток-шоу «60 минут» Евгения Попова: «Если мы не будем говорить об Украине, о ней заговорят солдаты НАТО», и его жены и партнерши Скабеевой: «Мы никого не очерняем». Подобная неслыханная «независимость» для госслужащих может объясняться только тем, что их устами «господа» либералы вновь поставили ультиматум власти: «Вещаем, как хотим. И не вмешивайтесь в наши дела!» И в Кремле это проглотили. А Путин вновь принялся оправдываться за свою критику либерализма: «Вы, наверное, обратили внимание, — заявил он в конце октября, — пытаются там меня пощипывать по поводу того, что я говорил о либерализме. Ничего против либерализма не имею, но у нас есть свои традиции...» и т.д.

Не надо быть провидцем, чтобы догадаться, чем может обернуться такое всепроникновение либералов. «Используя

эти рычаги, — предупреждает Делягин, — они готовят государственный переворот», чтобы окончательно утвердить свое господство в России. Не надо думать, что, совершив это очередное преступление, господа-либералы пощадят тех, кто способствовал их окончательному триумфу в России. Тем, кто питает такие иллюзии, напомню, как Горбачев в один день выкинул из ЦК КПСС сразу 100 человек, заменив их тут же на своих «реформаторов». Ветераны ЦК смолчали и тем подписали смертный приговор не себе, а Советскому Союзу. Боюсь, что то же самое может произойти с Россией. Российский либеральный фашизм будет действовать еще жестче и никакого либерализма ни по отношению к русским патриотам, ни к тем кремлевским постояльцам, которые с ним заигрывают, не проявит. Пока еще есть время и возможности эту пятую колонну остановить, руководству России следует решительно отмежеваться от либерализма, который отвергают, согласно опросам общественного мнения, от 80 до 90% россиян. Да и русским патриотическим силам пора сплотиться перед нарастающим натиском либералов вне и внутри России, оставив в прошлом взаимные упреки и разборки. Пора нам, братие, всем миром подняться на эту борьбу во имя спасения России.

Михаил ЗАРУБИН

ПОТОП

ПОВЕСТЬ

Вот чем певец лишь избранный владеет,
Вот в чём его и признак и венец!
А. Фет

Альфа и омега, начало и конец, исток и устье — категории одного ряда, символичные координаты любой жизни и судьбы. Это те две точки во всякой жизненной истории, через которые, в нарушение законов геометрии, нельзя в пространстве провести одну, прямую, идеально ровную линию. В жизни мы наблюдаем иное правило: от рождения до смерти, от возникновения до завершения почти всегда процесс имеет незакономерный характер, зависящий в природе от множества внешних условий, а в человеческом обществе — от свободы выбора, от наличия совести, от степени любви.

1

Петляет, извивается серебряной змейкой речка Тушама. Куда она спешит? Где ищет свою судьбу? Над ней, стремительной, плутающей в таёжной глуши, всегда ощущается благоухание, букет которого скла-

дывается из запаха прогретых июльским солнцем трав, разомлевшей на жаре хвои, головокружительных ароматов таежных цветов, которые облюбовали эти края с доисторических времен. Кажется, что здесь, в глубине сибирской тайги, время останавливается на отдых, прячется от шумного бытия, чтобы потом с новыми силами обрушиться на всякое существование и обязательно привести его к концу, к завершению. Тушама тоже стремится к своему устью, к слиянию, к растворению в другом: исконная женская судьба. Поплутав в тайге многие километры, кружась вблизи омутов, разливаясь по широким плесам, за «утиным» полем она наконец сливается с полноводным Илимом. Сначала они идут рядом: хрустальная чистота вод Тушамы оттеняет тусклый поток Илима, но постепенно он поглощает тело Тушамы, они становятся едины, и у песчаного яра уже не видно сияющей красоты Тушамы. Каких только ни бывает историй любви...

На берегу реки занимались рыбацкими делами двое мальчишек. Один, что выглядел постарше, помужественней, забрасывал в речку закидушки, второй, мечтательный, сосредоточенный, сидел у костра и чистил только что выловленных ельцов и ершей для ухи. Это были Сашка Бугров и Юрка Макаров, два дружка, как говорится, не разлей вода. Рыбацкое место на Тушаме они присмотрели давно. За многие походы сюда оборудовали кострище, добротный шалаш, заготовили дровишек и бересты для растопки. В их отсутствие на этом месте бывали и другие рыбаки, однако, уходя, всегда наводили порядок. Так что этот заветный уголок оставался естественной частичкой природы.

Сегодня мальчишки на рыбалку приплыли на лодке. Шли вдоль берега Илима, путь оказался трудным: Юрка греб изо всех сил, Сашка, отталкиваясь от дна шестом, подправлял и выравнивал движение их немудреного судна. Ребята спешили, так как времени на дорогу у них ушло больше обычного, и они боялись, что скоро стемнеет.

Солнце пошатнулось и, как на чаше огромных вселенских весов, стало медленно оседать за Шальновский хребет, продолжая посылать в подлунный мир свои последние, остывающие лучи. А на противоположной чаше весов, с другой стороны, от Игнатьевского камня, постепенно восходила в красках ночи луна. Небо над Тушамой, казалось, сгущалось, его дневные оттенки выцветали, прежние звуки становились глуше, тише. Земля готовилась к ночному отдыху и подгоняла своих обитателей.

— Саш, заканчивай, уха готова, — закричал Юрка.

— Иду, иду, — нехотя ответил увлеченный ловлей рыбы приятель.

Но Юрка настаивал:

— Второй раз звать не буду.

— И не зови, я уже здесь. Ну, что тут у тебя? — потирая ладони, нацелился на ужин Сашка.

В котелке аппетитно булькало нехитрое варево, Юрка стал его помешивать, но обрызгался, потому что слишком много напихал рыбы, и ее было не провернуть.

— Юр, а ты картошку положил в уху? — поинтересовался проголодавшийся друг.

— Конечно. Свежей взял, куст в огороде попортил.

— Поди, убьют? — встревожился Сашка, зная нравы в нуждающейся семье друга.

— Да вряд ли. Ладно, садись на чурбан, хлебать из котелка будем.

Юрка снял котелок с огня, закрепил его между двумя камнями. Казалось, вся округа, комары и мушки, цветочки и травки, облака и ветерок устремились к этому пиршеству — такой насыщенный и сытный аромат исходил от похлебки.

— Юрка, ну хватит, чего дразнишь. Давай скорее, только репчатый лук на четвертинки порежь, — скомандовал удачливый рыболов, стряхивая с себя рыбьи чешуйки.

— Потерпи, пусть остынет немного. Есть захотел? Я тоже. Я, кажется, всегда есть хочу. По-моему, с тех пор как родился, — мечтательно причмокивая, признался Юрка.

— Ты лук-то чего не берешь? С ним вкусней, — сочно вгрызаясь в ломоть луковицы, посоветовал Сашка.

— Лук? — замотал головой приятель. — Нет, не хочу лука. В свое время объелся.

— Разве можно луком объесться? Чего-то не пойму.

— Чего тут не понять. В конце войны совсем жрать нечего было. Дня три ничего не ел. Бросил учебу и пошел в Большую деревню к тетке. Пришел, а дома никого нет. Искал хоть какую-нибудь корочку хлеба, ничего не нашел, только три луковицы. Съел их, внутри всё жжет, катаюсь по полу, воду пью, а в животе словно пожар. Кое-как утихло. С тех пор только увижу лук — сразу боль в животе чувствую.

— Ты не придумывай. Лук полезен.

— Чего придумывать, попробуй натощак съешь луковицу.

— Нет уж, воздержусь, у нас в доме всегда есть что пожевать. Мама заботится.

Ребята долго и сладко поглощали наваристую уху, умело разбирались с рыбьими косточками, обсуждали вкус и повадки разного рода рыбешек, попавших в котелок. Казалось,

их радости не будет конца, и будущая жизнь виделась такой же удачной, благодатной, как этот вечер.

Ночь наползала незаметно и неотвратимо. Устойчивы законы жизни, и вот уже ребят, сидящих у потрескивающего костра, обнимает ночной покров, расшитый золотым светом звезд. Темнота сжимает свои объятья так, что поскрипывают деревья, но из темноты вырывается река, стремящаяся поспеть вслед за уходящим солнцем. Юрка подкинул хвороста в огонь, сухие ветки мгновенно занялись пламенем, и костер стал похож на игрушечную звезду, которая легко подчинялась воле этих двух маленьких сибиряков.

— Вместо чая будем пить молоко, — сказал Сашка.

— Молоко? Вот здорово. Откуда оно?

— Из дома, мать налила в бутылку. А чай попьем утром.

Заботливый Юрка сбегал к речке, набрал в котелок воды, покидал туда ложки и разместил на таганке.

— Пусть покипятится, остатки от ухи смыть надо, — пояснил он другу свои навыки, приобретенные в небогатой семье.

Парнишки, блаженно потягиваясь, разлеглись у костра.

— Донки, Саш, снимать поутру будем? — не успокаивался хозяйственный Юрка.

— Конечно, и морды* тоже, — зевая, отвечал приятель.

— Тогда давай поспим, дровишек я заготовил, на ночь хватит, — уточнил положение дел Юрка.

— Хватит. Ночи сейчас теплые.

— Да, с майскими, зябкими, не сравнить.

Разговор прервался, но сон не шел. Молчание прервал Юрка.

— Саш, ты в Тулун собрался уезжать? — мечтательно спросил он друга.

— Да, в Тулун, в техникум, — нехотя ответил Сашка.

— Значит, в восьмом классе учиться не будешь?

— А зачем? Расходы на учебу такие же, как и в техникуме, зато там получишь специальность, а здесь десятилетку заканчивать надо, и опять перед тобой тот же техникум.

— Почему техникум? После десятилетки можно и в институт поступить.

— Поступить-то можно, только на что жить?

—А какую ты специальность выбрал?

— Землеустройство.

— Чего?! — удивился Юрка.

— Землеустройство. Да это не я, отец выбрал.

— Что, работа хлебная?

---

* Морды — рыболовная снасть.

— Да не знаю я, какая она. В Тулуне в техникуме тётка работает, приезжала, в красках всё рассказала, советовала.

— И какие это краски? У нас землемер всё лето ходит с деревянной меркой, похожей на циркуль. Чего ее мерить-то, землю-то?

— Тетка говорит, что землеустроитель определяет права на землю, готовит землеотводные документы.

— Может быть, и так. Но я считаю, что лучшая специальность — механизатор или, на худой конец, — агроном. Я землю свою люблю. Я ее как живую чувствую, — не стесняясь своего признания, открылся Юрка.

— А мне всё равно, какая профессия, ты ведь знаешь, я летчиком хочу быть.

— Так кто мешает? Тебя возьмут в училище, ты боевой товарищ, — подчеркивая уважение к другу, посоветовал Юрка.

— Но в училище берут только после десятого класса. А два школьных года на мое содержание тоже потребуют денег, — возразил дальновидный паренек.

— Но ведь учеба в техникуме тоже расходов требует.

— Да, но тут специальность у меня будет. Ладно, чего всё обо мне да обо мне? У тебя-то какие планы?

— У меня всё просто, буду работать.

— Как работать? Кто ж разрешит малолетке?

— А кто запретит? Лето — сенокос, осень — уборка хлеба, зимой уйду на охоту с дедом.

— А как же учеба?

— Выучился уже, семь классов за плечами. Пора семью кормить.

— Неужели твоя мать не против?

— Против, не против, мне решать, один я мужик в доме остался.

— А дед?

— Дед уже стар, чтобы решения принимать.

— Но ты же сам говоришь, что он охотник.

— Охотник он хороший, семье помогает, но годы свое берут.

Разговор опять прервался. Ярко полыхал костер, от этого округа казалась темнее. Юрка подбросил еще несколько сухих веток, костер развеселился, дунул в лица парней раскаленным воздухом.

— Хватит подбрасывать, — посоветовал Сашка, — а то и мы вспыхнем и сгорим.

— Не сгорим, я слежу за огнем.

Юрка, обняв руками колени, внимательно смотрел на пламя, дивился диковинным пляскам огненных языков.

— Саш, пойдем завтра на Красный Яр, — оторвавшись от своих дум, неожиданно предложил приятель.

— А чего мы там забыли? — удивился Саша.

— Ты же знаешь, что все, кто уезжает в другие места, ходит на Красный Яр прощаться с родными краями.

— Но я ведь не навсегда уезжаю, летом вернусь, летом в техникуме каникулы.

— А мне хочется сходить. Кто знает, что нас ждет.

— Тебе-то зачем, ты ведь здесь остаешься? — не понимая душевного движения друга, сопротивлялся Саша.

— Но я ведь скоро тоже уеду — на сенокос, потом уборка хлеба, потом пахота яровых, а по первому снегу с дедом на охотничьи угодья к Шальновскому хребту надумали. Так что тоже до лета здесь не появлюсь.

— Раз тебе так хочется, я согласен, давай сбегаем на Яр, только не завтра, а дня через два, — добросердечно согласился друг. — А сейчас я пошел в шалаш, спать охота.

— Иди, Саш, я всё там прибрал. Похоже, что с прошлого раза никого не было. Траву расправь, я ее кучкой бросил.

Одна ночь осталась в округе хозяйкой, обняла и Качинскую сопку, и Шальновский хребет, и знаменитый Красный яр, и полноводный Илим, и вертлявую Тушаму. По-матерински всех убаюкала, утишила лесные чащи. Лишь кузнечик не унимается, да рой мотыльков, похожий на облачко, греется вблизи остывающего костра.

Только в следующий выходной Юрка с трудом уговорил Сашку сходить на Красный Яр, сделав вид, что обиделся на друга, не сдержавшего обещание. Сашка согласно махнул рукой.

— Ладно, давай, только по-быстрому: туда и обратно.

— На Яр по-быстрому не бегают, по крайней мере — туда, — резонно поправил друга Юрка.

— Не привязывайся к словам, иду только ради тебя.

Юрка насупился, но не нашелся, что ответить приятелю.

У каждого городка, села или деревни есть свои вековые доминанты, символы малой родины, ее эпицентры, которые никогда не забываются, а вдали от них снятся по ночам, дают ощущение опоры, незыблемого основания, жизненного ориентира. С детских лет, как только он что-то начал понимать, для Юрки Макарова Красный Яр стал олицетворением его деревенского мира.

Высоченный, почти вертикальный уступ, видный издалека, был похож на каменную стену, вытесанную неведомым исполином. Она, вырастая из земли, нависала над рекой на окраине села.

Даже могучий Илим, пытаясь спрямить свой путь, не смог за тысячи лет пробить стену, в которую вгрызался всей полнотой своих вод, и был вынужден повернуть на север почти под прямым углом. Когда идешь вдоль основания Красного Яра по берегу, высота, размеры стены и восхищают, и подавляют. Взглянешь вверх и кажется, что сосны растут в небе, высоком, бесконечно глубоком, а сам ты чувствуешь себя песчинкой. Но вершина Красного Яра не остроконечная, но манящая, потому что на ней расположилась просторная поляна, как будто природа позаботилась о людях, указав им здесь место для размышлений и праздников.

И юные сельчане, и старожилы не пропускают гуляний, посвященных окончанию посевной, а в начале лета вся округа на этой поляне отмечает праздник Троицы. Не найти такого места в других деревнях, по всей округе, где могло бы разместиться столько людей.

А в конце учебного года вся поляна на Красном Яре охвачена ликующими голосами мальчишек и девчонок. В школе прозвучал последний школьный звонок. И уже сооружается большой шалаш-костер. Теплой майской ночью летят от него искры высоко в небо, и разносятся по округе веселые пионерские песни.

Уезжая надолго, все старались побывать на вершине, чтобы еще раз взглянуть на округу и запомнить душой и зрением родные места.

Вот и сейчас Саша с Юрой медленным шагом, с краткими остановками для того, чтобы отдышаться, поднимались по крутому склону. Тропинка шла по краю обрыва, петляя. На каждом повороте Юрка останавливался, разглядывал любимое село с высоты, на которой летают птицы. Внизу всё было знакомо, только виделось сейчас в другом масштабе: в таком виде мальчишки будут вспоминать свои родные края, находясь от них за многие тысячи километров. Вот извивающаяся змейкой длинная центральная улица рассекает село на две половины. Вдоль домов деревянные тротуары, с высоты они напоминают светлые полоски утрамбованного песка. Уютная площадь около чайной: сейчас время обеда, несколько грузовиков стоят возле этого заведения, сладко пахнущего свежей выпечкой.

— Юрка, ну чего тормозишь? — подгоняет его еще не уставший Сашка. — И так тяжело идти после дождя. Поспешай.

— Да куда торопиться? Посмотри, какая красота открывается. Мы за ней сюда и пришли, — непонятные Сашке доводы приводил друг.

— Ты тогда смотри, а я ускорю шаг, с вершины больше можно увидеть.

— Хорошо, Саня, я догоню.

С высоты Юрка залюбовался большим двухэтажным домом, что стоял в самом центре села. В сторону Яра располагалась большая открытая веранда на втором этаже. Осанистые широкие ворота были раскрыты, сверкали на солнце окна без ставен с резными наличниками. По центру фасада, как раз под карнизом вальмовой крыши, развевался красный флаг. Это управление всем хозяйством.

— Юрка, — закричал нетерпеливый Саша, — хватит оглядываться, не то я поверну назад.

— Сейчас, сейчас, Санек, — ускоряя шаг и растирая по лбу капли пота, ответил Юрка.

Наконец, вершина покорена. А в награду — красота. Поляна, как маленькими солнышками, расцвечена одуванчиками. Сосенки-деточки протягивают мальчишкам свои мягкие лапки, предлагая познакомиться. Солнце в зените. Тени ребят короткие, четкие их очертания отчетливо видны на блестящей траве и на желтых цветах. Отбрасывал тень и сосновый бор, обрамленный, как кружевом, тоненькими беленькими березками и с резными листочками осинками. Отовсюду слышались ликующие голоса птиц.

Юрка подошел к краю обрыва, обхватил рукой искореженную непогодой сосну, которая крепко вцепилась в земляной покров поднебесной поляны, и, наклонившись, заглянул вниз.

— Каждый раз, Саня, когда я смотрю на округу отсюда, у меня дух захватывает, сердце как окрыляется, я как будто становлюсь другим, более значимым, что ли, любящим весь мир. Но вижу, что и весь мир любит меня. И это такое счастье, ведь так хочется взаимной любви. Здесь я ее только и нахожу.

— Наверное, это от высоты у тебя головокружение начинается, — пропуская мимо ушей слова друга о любви или не понимая их, Сашка попытался выразить свои ощущения. — Я тоже, когда подхожу к краю обрыва, чувствую внутри холодок — то ли от страха, то ли от радости родства с этим миром.

— Конечно, высота играет свою роль, но главное — красота наших мест, наверное, самых красивых в мире.

— Юрка, да что ты заладил — красота, красота?! На этой огромной планете есть места покраше наших. Я на картинках в учебниках видел.

— Не знаю, в других местах не был. Дед прошел всю Европу, он сказал мне, что краше родных мест не встречал. Уходя на войну, он поднялся на Красный Яр, чтобы запомнить род-

ные места, чтобы воевалось смелее за Родину, которая осталась в его памяти такой, какой мы видим ее сейчас.

— Но ведь он на войне был, какая там красота: бомбы, пули, окопы, дым. Как он мог сравнивать? Мой отец тоже на войне был, рассказывал про разрушения.

— Нет, Санёк, красоту всегда заметить можно. А красота родины незабываема. Дай мне руку.

— Чего ты опять придумал? — подавая руку, неуверенно спросил Сашка.

— Да ничего, давай поклянемся сберечь эту красоту, — торжественно произнес романтичный подросток.

— Ну, Юрка, ты даешь. От кого сберечь? Кто ее тронет? Не по силам это никакому человеку.

— От врагов.

— Не придумывай, какие враги сюда могут прийти. Война окончилась, врагов мы победили.

— Давай поклянемся беречь нашу землю, Саня, — сказал Юрка, не отпуская руку друга.

Сашка хотел высвободить пальцы, но передумал, залюбовавшись раскинувшимся в долине селом, далекими лысыми сопками, просторным Илимом, вдоль которого стеной стояла тайга, бесконечная и великая.

И крепко сжал Юркину ладонь.

Юрка выпятив грудь, расправив плечи, вдохновенно произнес:

— Я, Юрка Макаров, — и ткнул друга в бок — Повторяй.

— Я, Саня Бугров, — тихо произнес Саша.

— ...клянемся беречь нашу родину от злых врагов, — проговорили друзья в один голос.

Неожиданно ребята развеселились и, стараясь перекричать друг друга, стали выкрикивать:

— Клянемся! Клянемся! Клянемся!

Им вторило эхо, отражаясь от стены Яра, оно летело ввысь, к небу, и вниз, к Илиму, как смелая птица, залетало в родную деревеньку, касалось крылом глади Илима. И не было помехи этому согласному крику-клятве, и казалось, что вся округа вторила ему.

Когда они немного успокоились, Саня в изнеможении простонал:

— Пошли домой, Юрка.

— Домой? Ты чего, давай еще побудем на вершине. Обойдем поляну, посмотрим во все стороны, отсюда видно пять деревень, при желании еще две увидеть можно.

— Ты, Юрка, как ребенок. Чего на них смотреть, деревни да деревни. Честно говоря, хочется в город, в другие края, где

людей много живет, где тебя оценить по твоим талантам и заслугам могут.

— Не торопись, Санёк, еще скучать будешь по такой красоте. По себе знаю, как только немного оторвусь от родного дома, появляется тоска, тяга какая-то непреодолимая.

— Что за тяга?

— Увидеть.

— Деревню, что ли? И что, от ее вида легче становится?

— Легче. Бывает, идешь с охоты, подходишь к деревне, а сердце внутри уже прыгает, радуется, что знакомый вид увижу, избы, Илим.

— Юрка, Юрка, фантазер ты. Пора, пойдем вниз.

— Саш, пойдем еще раз к краю нашего Яра.

— Ну ладно, пойдем, — нехотя согласился друг.

Ребята подошли к обрыву, держась за руки. И вдруг Юрка произнес такие странные слова, от которых Сашка оторопел:

— Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!», Я скажу: «Не надо рая, дайте родину мою».

— Это ты сочинил? — остолбенело спросил Санек.

— Нет, не я.

— А кто?

— Вырастешь, узнаешь.

Но сейчас, сибиряку Юрке Макарову, казалось, что эта мысль всегда была в его сердце, а Сергей Есенин только облек ее в такие верные и высокие слова.

2

Больше десяти лет с той поры не то что прошли — пролетели, промелькнули. Река Ангара стала известна, наверное, каждому человеку, живущему в огромной, набирающей силу и мощь стране. Гигантская бетонная плотина встала у Иркутска и поднималась, подобная ей, среди тайги вблизи Братска. Десант первопроходцев нацелился на Усть-Илимск.

В далекой Москве решалась судьба илимских деревень. Спорили специалисты азартно. Одни говорили: вот здесь перегородим реку; нет — твердо возражали другие. Деревни переносить надо — убеждали первые. А зачем их переносить? — махали руками другие, — спалить их надо, подумаешь, чалдоны живут, пусть цивилизацию увидят. К их же благу переселим коренной народ.

Но к единому мнению ученые и строители не приходили, решали судьбу трех десятков деревень и великого Илима с его речками и родниками, походя, случайно, тыча пальцем в карту. Попали в два островка, которые, словно малые лося-

та, пытаются переплыть Ангару — здесь отвесный берег, выступающий из зеленой тайги. Вот здесь быть плотине! — поставили точку в далекой Москве. Двадцати километров не хватило Илиму, чтобы спасти от потопа свои берега и веси.

...В просторном кабинете председателя райисполкома Николая Степановича Белобородова за длинным столом, расположенном вдоль глухой стены, сидели двое: хозяин кабинета и его заместитель Иван Перфильевич Куклин.

— Иван Перфильевич, пришла наша пора. Вчера из облисполкома получил бумагу. Написано много, всего не перескажешь, позже прочитаешь сам. Главное в ней — надо закрепить ответственных лиц по работе с жителями в связи с их переселением. Ты мой заместитель, поручаю это дело тебе. Для организации эффективной работы нужно создать районный отдел по подготовке дна водохранилища будущей гидроэлектростанции. Во главе отдела нужно поставить коммуниста, желательно местного, лучше помоложе, поездок будем много. У тебя на примете кто-нибудь есть?

— Николай Степанович, я бы поставил во главе отдела районного землемера, тем более что службу опять переводят под управление в Братск.

— А ты его хорошо знаешь?

— С детских лет знаю, с его отцом дружим, — широко улыбнувшись, пояснил зам.

— А отец из местных?

— Ну а как же, его в районе каждый охотник знает.

— Надеюсь, что районный землемер подойдет. Как его по фамилии?

— Бугров Александр Павлович.

— А этот Бугров — член партии? — строго спросил начальник.

— Заканчивается кандидатский срок, — с гордостью за своего протеже, отметил этот факт его биографии Куклин.

— Кандидат, говоришь. Хорошо. Вот и дадим ему это задание как партийное поручение.

— Правильно, Николай Степанович, — мгновенно согласился заместитель.

— Ты, конечно, как положено всё проверь, по всем каналам. Отец фронтовик — это хорошо, но и сын по всем статьям должен подходить.

С заместителем председателя райисполкома Куклиным Александр столкнулся в коридоре.

— Это куда ты собрался? — показывая на чемоданчик-балетку, спросил зампред.

— В Братск, начальство вызывает.

— Какое начальство? — удивился Куклин.

— Так ведь после очередной реорганизации наши отделы объединили в один, а руководство всё там.

— Тебя машина ждет?

— Нет, обычно с попутками туда добираюсь.

— С попутками-то не просто. Сколько же времени уходит?

— По-всякому, иной раз за день справляюсь, а другой раз и суток не хватает.

— И часто приходится ездить?

— Как минимум раз в месяц, если срочности какой не бывает.

— Александр, ты задержись немного, зайдем ко мне, разговор есть.

Через несколько минут исполнительный Бугров был в кабинете Куклина.

Иван Перфильевич взглянул на специалиста доброжелательно, встретил улыбчиво.

— Давненько я тебя не видел, выглядишь хорошо. Как дома, здоровы ли отец с матерью?

— Всё хорошо, Иван Перфильевич, у отца иногда раны ноют.

— Раны?

— Это он так говорит. Пять ранений получил за войну.

— Да, да, эти-то зажили, а рубцы в душе остались, всю жизнь будут ныть. Как личная твоя жизнь, Саша?

— Отлично. Скоро свадьба будет, вы знаете мою избранницу, она из местных, медсестрой в больнице работает.

— Хорошо. Всё как положено. На свадьбу не забудь пригласить.

— Не забуду.

— Так вот, Саша, какой у меня к тебе разговор. То, что в наших краях гидроэлектростанцию строить будут, слыхал, наверное? Из этого никаких секретов нет, и радио, и газеты каждый день сообщают, перебивая друг друга. Но то, что большая площадь должна уйти под воду, сегодня как-то не принято говорить. И случится скоро, что все деревни на Илиме под водой окажутся.

— Все до одной? — удивился молодой геодезист.

— Я в точности не знаю, но, похоже, все. Может, Шестаково сохранится, а от Илимска до Симахинского порога ни одной не останется, это уж точно. Поэтому принято решение — организовать районный отдел по подготовке водохранилища, а начальником этого отдела предложено быть тебе.

— Мне?

— Тебе, уважаемый Александр Павлович.

— Но я ведь простой землеустроитель.

— Ну и что из того? А я по специальности агроном.

— Иван Перфильевич, я же не знаю, что делать.

— Саша, ты думаешь, я знаю?! Вот будем вместе узнавать, уму-разуму набираться.

— И что — подумать даже нельзя?

— О чём думать — соглашаться или не соглашаться?

— Да.

— Я тебе так скажу, твоя кандидатура согласована с бюро райкома партии, и должность начальника отдела — партийное поручение. Я знаю, что ты — кандидат в члены КПСС. Так что нет у тебя выбора, — хоть и доброжелательно, но категорично заключил зампред.

Водворилась тишина. Иван Перфильевич сквозь оконное стекло засмотрелся на ель, раскинувшую длинные ветки-лапы. Они шевелились под ветром и, казалось, комментировали состоявшийся разговор: ель как будто страстно отмахивалась от ужасающей перспективы...

— Сколько ж тебе лет? — неожиданно проговорил Куклин.

— Мне? — удивленно спросил Александр.

—Нет, это я елку эту спрашиваю. Уж больно разумна, красива, величественна, как будто собеседник в нашем разговоре.

— Да не меньше ста, наверное, — предположил Александр и усмехнулся.

— Сто лет, говоришь? Может быть. Время бежит быстро. Это для человека сто лет много, а для ели — начало зрелого возраста. Так ведь, Саша, ель конечно не дуб, но лет триста проживет.

— Есть экземпляры, что и по пятьсот лет живут.

— Ух ты, по пятьсот! Представить невозможно! — по-мальчишески восхитился начальник.

— По пятьсот живут, но не у нас. Здесь уж больно климат суровый, ветер хлесткий, мороз трескучий.

— Да, эта ель, пожалуй, ровесницей нашему селу будет.

— Нет, Иван Перфильевич, думаю, моложе. Похоже, ее во дворе посадили при строительстве дома.

Оба собеседника, залюбовавшись прекрасным деревом, символизирующим время и их родной край, задумались над неразрешимыми вопросами бытия.

— Так, Саша, — вздохнув, заговорил Куклин, — давай, планируй поездку в Братск на завтра, а я позвоню, чтобы тебя переводом к нам направили. Договорились.

Александр встал по стойке смирно:

— Есть, товарищ начальник.

Молодой землеустроитель вышел из кабинета начальника в сомнении и скверном настроении. Не понимая новой должности, он чувствовал, что быть начальником этого «очистительного» отдела не такая уж великая честь.

Название — «по подготовке водохранилища» мало о чём говорит, но понятно, что подготовка будет связана с очисткой земли от живущих на ней людей, с отрывом их от родных мест, от родительских могил, от прежнего жизненного уклада. Александр, представляя масштаб и суть своей будущей деятельности, расстроился еще больше.

Тревогу пришедшего с работы сына заметила мать.

— Саша, что с тобой? По работе чего или... — она кивнула головой на фотографию в красивой рамочке, где счастливый Саша был запечатлен рядом с красивой невестой.

— Да ничего, мама, всё нормально, — отмахнулся сын от материнской заботы, граничащей с любопытством.

— Ой, мать не обманешь, вижу, что-то мучает тебя, — продолжала она приставать к великовозрастному своему ребенку.

— Ты о чём, мать, причитаешь? — спросил вошедший в комнату отец.

— Да вот, спрашиваю Сашу, чем он так расстроен.

— Ты последняя, кто этого не знает, все уже знают, что его мучает.

— Что же это? — предчувствуя неладное, ужаснулась женщина.

— А вот то: он будет людей с насиженных мест сгонять и на другие земли переселять.

— Зачем? И что, против воли людской? — всплеснула руками мать.

— А зачем ему воля, подъедет, на лодку посадит их, как дед Мазай зайцев, и всё тут, — вроде в шутку, но в целом правильно и неодобрительно, объяснял суть будущей деятельности сына отец.

Александр возмутился.

— Батя, ну ты-то хоть ничего не придумывай.

— Ой, Саша, Саша, фамилию нашу позоришь. Ванька Куклин вокруг пальца обвел тебя.

— Паша, Ванька же твой друг с самого детства. Может, ты ошибаешься? — в оправдание случившегося вставила слово мать.

— Да, друг, но видишь, что друзья могут сотворить. Всю жизнь Бугровы трудились на благо родного края, ведь наши предки и деревню образовали, и имя она до сих пор носит наше. И вот — всё под корень. Кто решил? Зачем?

— Отец, это распоряжение из Москвы, из ЦК. Мы обязаны его выполнять, — пояснял безвыходность ситуации Александр. — Ты так говоришь, будто я лично водой Илима деревни заливать буду.

— Да если бы ты это сделал, я бы своими руками тебя задушил.

— Паша, прекрати разговор в таком тоне, а ты, сынок, пока не поздно, иди, откажись, — примиряюще проговорила мать.

— Не могу, мама, это партийное поручение.

— И чего?

— Ничего особенного, мать, в партию не примут нашего сына, если откажется.

— И что же теперь нам делать? — всхлипнула огорченная женщина.

В это время в избу вошел Иван Перфильевич Куклин.

— А ты откуда? — неприветливо зыркнула на него Ульяна.

— С улицы. Вы тут так орете, что на берегу слышно.

— Тут не орать, выть хочется, — сердито, не глядя на приятеля, сказал как будто самому себе Павел.

— Так сразу и выть? Сын-то перед вами в чём провинился? Он плотину строит, и от него зависит, где море будет?

— Ваня, — уже спокойнее сказал Павел, — ты ведь понимаешь, что не было в роду Бугровых людей, кто бы против односельчан пошел, а тем более стал людей с родного Илима сселять.

— И в Куклинском роду тоже не было. Ты что — хочешь, чтобы кто-то из посторонних пришел и занялся этим и дров наломал? А кто людей лучше знает, и кого люди знают, кому поверят — ты об этом не подумал? Тут ведь не просто переселение, тут ведь местные отношения знать нужно: кого — куда, кто со скотиной, а кому деревенский труд в тягость. Нужно знать, где новый посёлок разместить, как к нему добраться, что сделать, чтобы люди время не потеряли, а сразу прижились и за дело взялись. Планов — море, работы — тьма, и мы понимаем, что благодарить за нее не будут.

— За что ты, Иван, Сашку на такое неважное дело сподвиг? Неужели никого другого не нашлось? — тщетно пытался спасти сына отец, закалённый в военных баталиях.

— Ульяна, ну хоть ты пойми! Я твоего сына не на какое-то худое дело подбиваю. Скажу тебе по секрету, нет никого лучше, честнее, грамотнее твоего Александра. Только такие должны быть на этой должности. Чужак всё порушит-погубит так, что осколков не соберешь. А Сашка многое может спасти, восстановить, а главное, старину нашу на новую почву бережно пересадить.

Отец вздохнул, склонил голову и, уставившись на сучок в половице, обиженно вздыхал.

— Ну что ты вздыхаешь? — с учительской интонацией обратился к приятелю Иван Перфильевич. — Что такого плохого совершил твой сын? Помочь ему нужно, чтобы домой с радостью бежал, знал, что вы всегда и поймете, и выслушаете его, и посоветуете. Тягот у него на работе немало будет. И зря ты словами разбрасываешься, на великое дело твой сын идет, на свою, современную войну. Еще гордиться будешь и за него, и за фамилию Бугровых. И я тебе не враг, со школьной скамьи вместе, войну прошли, оба живы остались. И дальше будем вместе за родину стоять. Только стояние это разным может быть. В минувшем времени остаться нельзя, и жить только воспоминаниями о прошлом — невозможно.

— Паша, подними голову, — строго сказала Ульяна, — Иван ведь дело говорит.

— Ой, Иван кого хочешь заговорит, — не глядя на приятеля, продолжал настаивать на своей правоте Павел. — Главное не то, что Иван хочет, а что люди скажут. Наш с тобой сын с насиженных мест их ведь выселять будет.

— Ну, опять по тем же кочкам, — разочарованно махнул рукой Иван Перфильевич и вышел, не закрыв за собой дверь.

За всё время разговора Александр не произнес ни слова. Он понимал справедливость слов отца и в тоже время был согласен с Иваном Перфильевичем.

Мать подошла к сыну, посмотрела ласково, стряхнула пылинку с плеча рубахи.

— Как жить-то будем, Саша? — словно не сына, а саму себя задумчиво спрашивала женщина.

Александр взял ее руку, прижал к своей груди и не очень уверенным голосом ответил:

— Всё нормально, мама, всё будет как надо. Не волнуйтесь. Ну а люди... — он задумался на мгновение. — А людям будем объяснять, разговаривать с ними и не обижать.

Мать внимательно посмотрела на своего умного сына, который уже давно стал и для нее авторитетом. Взгляд ее голубых, еще не выцветших глаз, видевших много невзгод и лет, казалось, одобрял сына. И слова нашлись:

— Да, может быть, люди работу увидят и поймут тебя и начальников твоих, и заботу государства о них поймут. Ведь речь идет о лучшей жизни, к которой мы не привыкли. Всё за коряги да развалины цепляемся, свою бедность бережем, а жизни людской и не видели.

— Ты бы помолчала, мать, ведь говоришь не своими словами, — сурово прервал диалог матери с сыном отец, отстаи-

вая свою точку зрения. Это даже была не «точка», а вся его жизнь. Отец из прошлого, пусть даже героического, не мог рассмотреть новизну отношений будущего. Хотя его нравственная позиция была неоспорима.

— Люди, говоришь, поймут? Может быть, но в начале они нашу родову по косточкам разберут. Одно дело, когда чужаки такими делами занимаются, другое — когда друзья-старожилы. Каждое движение, каждое слово под лупой проверяется.

— Ну уж ты наговоришь страстей, прямо роман какой-то, — отмахнулась от этих доводов жена.

— Может быть, Ульяна, может быть. Но очень я не хотел, чтобы наш сын такую работу исполнил, — непререкаемым тоном постановил глава семейства.

— Отец, я что, всё время землеустройством заниматься буду? Мне же производственный рост нужен, опыт нужен. А здесь получу и то, и другое.

— Эх, сынок, жаль, что понять не можешь одного... — не успел договорить отец, как его возмущенно перебил сын.

— Чего же я не могу понять? Что — я должен отказаться от своей профессии или спрашивать на всё разрешения твоих старожилов?

— Чего тут спрашивать, если ты собрался людям вред делать?

— Ну ты и скажешь, отец, — обиделся Александр.

Отец на несколько секунд пресек поток своих бесспорных доводов, немного сбросил пар негодования и смягченным тоном продолжил:

— Не знаю, Саша, однако работа предстоит тебе сложная. Надо быть жестоким и податливым, порой стоять твердо, а порой идти на уступки. И всё время искать компромиссы. Где та грань справедливости, как ее найти?

— Отец, сейчас же не крепостное право, почувствую, что не могу найти эту твою грань, — откажусь от должности, уйду в лесничие. Но сейчас я согласился, отступать не буду.

— Иди, попробуй. Знай только, что я против. Я считаю, что это предательство родины, — жестко заключил разговор фронтовик.

В старину сказали бы, что отец не дал благословения сыну, а сын пошел против воли отца. Страшный это был грех.

3

Работы с первых же дней навалилось не просто много, а неподъемно, на несколько жизней, как горько шутил Александр. Всё что касалось водохранилища и переселения, на-

ходилось в сфере его личной ответственности. Никто, даже непосредственное начальство, толком не знало, куда и как будут переведены предприятия района.

Да и с переселением людей оказалось не лучше. В каждой бумаге, приходящей в район свыше, содержались общие указания руководства, которого не интересовало, что многое из требуемого выполнить невозможно.

Кроме километров бумаг были километры дорог, почти ежедневные посещения обреченных деревень. Встречи с людьми — самая тяжелая процедура. Александр стал для них «вестником смерти».

В июне, после спада уровня воды в Илиме, Александр на катере смог добраться к истоку Илима. В деревне Зарубкина (так ее прозвали по фамилии председателя), узнав о его приезде, в местный клуб поспешило все население. Многие уже смирились с неизбежным, молодежь даже радовалась, волновал вопрос — куда перенесут деревню.

Выслушав объяснения Александра, председатель колхоза — умнейший человек, опытный руководитель, фронтовик, коренной местный житель — Иван Андреевич Зарубкин вступил в обстоятельный разговор.

— Вот послушай меня, Саша, никак не могу взять в толк, почему за нас всё продумали, распределили, куда нам переселяться, при этом с нами даже словом не обмолвились. Не спросили — хотим мы или не хотим. У нас же власть народной называется, а про народ не думает. Ясно же, что как только мы уйдем на новое место, деревня перестанет существовать. Ни колхоза не будет, ни привычной жизни, ни прежнего деревенского уклада. Молодежь разбежится, а старики от тоски помрут. Этого, что ли, власть желает?

— Ну что вы, Иван Андреевич, — с особым почтением к собеседнику отвечал Александр, — власть, наоборот, делает, чтобы стало лучше людям.

— Оно и видно, — проворчал председатель колхоза.

— А что вы предлагаете, Иван Андреевич?

— Я не понимаю, зачем нам куда-то переезжать за тридевять земель, если можно остаться поблизости, перебраться, например, на Николаеву заимку, там стоят девять домов, добротных и еще новых, можно занять, потом перевезем остальные, наши.

— Иван Андреевич, я знаю, где эта заимка. Если помните, когда я работал в районном земельном отделе, мы вместе с вами покосы на этой заимке выделяли.

— Да, верно, это та самая заимка.

— Тогда давайте взглянем на карту и посмотрим, где новые берега у водохранилища будут.

Александр раскрыл карту, где было размечено новое море. Даже с задних рядов люди привстали, чтобы лучше видеть и слышать. Кто-то подошел вплотную к столу, на котором была развернута карта.

— Вот она, Николаева заимка, — уверенно указал пальцем Александр.

— Ага, вот наша деревня, а вот заимка, — водя ладонью по карте, будто поглаживая живое существо, довольно проговорил председатель.

— А вот берег будущего водохранилища, — показал Александр, медленно проводя по отмеченной линии четырьмя сомкнутыми пальцами.

— Где, где, покажи?

— Вот эта синяя линия — это берег, — как трудную задачку ученикам, Александр разъяснял сельчанам сложившуюся ситуацию.

— Так она же посередине заимки проходит, почти пополам ее режет, — удивился председатель. — Послушай, Александр, а вы правильно берега нанесли, их еще нет, а вы уже всё тут режете пополам. Может, еще не поздно отступить, скорректировать?

— Нет, Иван Андреевич, здесь экспедиция работала, там же отличные специалисты, они больше нашего понимают, — постарался утешить председателя молодой начальник.

— Да видели мы этих специалистов, сутками не просыхали. Послушай, Александр, а где на карте этой мудрёной можно увидеть Большую Елань?

— Вот она, рядом с заимкой, — сразу показал искомую область Саша. — Здесь всё полностью под воду уходит, там же река Россоха, она поднимается, и залив километров на пятнадцать вглубь территорий уходит.

— И что, ничего не остаётся? — оторопел председатель колхоза.

— К сожалению, все пахотные земли и покосы оказываются под водой, — на вид бесстрастно ответил Александр, чувствуя, как его сердце от этой данности будто пошатнулось, а потом затрепетало, забилось, как подбитая птица.

«Неужели это я? — подумал в этот момент Бугров. — Неужели так спокойно могу говорить о вопиющей трагедии природы и горе тысяч людей, в числе которых я сам, и мои родители, и будущая моя семья?» Через несколько секунд молодой мужчина совладал с собой и отчетливо расслышал крик женщины с последнего ряда.

— Как же так, они что, не знали, что мы здесь живем, почему под воду все земли пустили?

— Но ведь это же плотина, электричество, цивилизация, новые города, школы, институты, больницы, театры... — патетично начал отвечать Александр, но вновь выкрикнула та женщина.

— Не нужна нам эта ваша плотина, дайте спокойно умереть на родной земле!

На нее наперебой зашипели бабы.

— Ты язычок-то, Фёкла, спрячь, — выкрикивала одна.

— Неровен час, неприятности схлопочешь, — пугала другая.

— Чего мне боятся, ну и схлопочу, — гордо выпятив увесистую грудь, как будто нарочно провоцировала народ Фёкла. — Пора мне схлопотать. Четверо сыновей вместе с мужиком на войне полегли. От врагов чужую землю очищали, а свою не уберегли. — И разрыдалась несчастная Фёкла так жалостно и так искренне, что уже никто не посмел с ней спорить.

Председатель колхоза Иван Андреевич разрядил обстановку. Повернувшись к жителям, он спокойно сказал.

— Перестаньте кричать, не для этого собрались. Послушаем власть, а после пособображаем, что нам делать, — и, повернувшись к Александру, спросил: — Так куда нас переселять собрались?

— Вашу деревню и колхоз намечено переселить в Прибылово. Это место находится на берегу будущего моря. Сейчас там изыскивают земли, пригодные под пашню.

— Только начали изыскивать? — удивленно спросил кто-то из собравшихся.

— А с домами как? — послышался вопрос с другой стороны.

— С домами? — осекся Александр, понимая, о чём идет речь.

На мгновенье воцарилась тишина.

— Знаете... — докладчик помедлил с ответом, потом рубанул рукой и решительно продолжил, — да, здесь самая главная несправедливость к колхозникам. Объясню, почему. Колхозные строения — это кооперативная собственность, а совхозные — государственная. Поэтому все государственные строения переносятся из зоны затопления силами государственных организаций и за государственный счет, а дома колхозников переносятся владельцами строений своими силами по утвержденной смете.

— Это правда? — Иван Андреевич недоверчиво посмотрел на Александра.

— Что?

— Мы свои дома должны переносить сами?

— Так прописано в законе, — сочувственно проговорил докладчик.

— Это что же за закон такой-переэтакий! Что б его леший побрал! Ты посмотри, Саша, на нас — много молодых-то? Нету их, война взяла, а те, что после войны подросли, разбежались, кто куда — всякими правдами и неправдами. Где ж найти силы? Тут же одни старики да калеки остались.

— Не знаю, Иван Андреевич, это тот вопрос, на который у меня пока ответа нет. Не знаю, — грустно заключил свои пояснения землеустроитель.

— А кто знает? — зло, как к врагу, стал обращаться к представителю власти председатель.

— Будем просить руководство области оказать вам помощь, — беспомощно оправдывался Александр.

— Эх-ма!.. Будем просить... Так это кто кого просит? Они меня? Они нас — просят! — всё больше волновался председатель. — На новое место они меня со всем колхозным скопом перенести должны и домики новые поставить. И поблагодарить, что согласились пожертвовать землей и могилами предков. Ты взгляни на наши дома: их разобрать можно, но уже не соберешь. По сотне лет некоторым, а фермы — их же только тронь, они в труху превратятся.

В зале загудели, опять раздался резкий голос Фёклы.

— Да пошли они знаешь, куда! Не поедем! Помрем до единого. Пусть дожидаются, а потом свой потоп тут и устраивают.

— Ты уж помирай одна, Фёкла, а нам пожить охота, — одернул ее мужичок в круглых очках, плотно прижатых к широкому носу и бровям.

— Чего ты вякаешь, очкастый? — начала заводиться не на шутку Фёкла. — У тебя сил в сортир сходить нету, а туда же: жить хочу!

— Ну-ка, прекратите ругань! Фёкла, умерь свой пыл, а то я вас обоих... — строго, но беззлобно пригрозил председатель.

— Чего ты, Иван, постоянно мне рот затыкаешь. Я тебе столько наговорю, что имя свое позабудешь.

— Да, тяжелый случай, тебя не заткнешь, но помолчи, пожалуйста, мы ничего еще не решили, — с улыбкой обратился Иван Андреевич к деревенскому витии в юбке.

Фёкла что-то тихо продолжала бурчать, доказывать, прислушиваясь к разговору.

— Скажи, Александр, — Иван Андреевич для солидности откашлялся, понизил голос, — где же будут жить люди, если дома останутся здесь? Или как они будут перевезены?

— Планом предусмотрена следующая схема переселения. Пенсионерам, по их желанию, могут дать квартиру в многоквартирном доме. Кто желает работать в совхозах, переедут в совхозные дома. О колхозах говорить нечего, тут всё

понятно — получится, как получится. Кто сможет — забирайте свои дома с собой, кто не сможет — выбирайте из предложенных вариантов.

— Значит, вашими планами предусмотрено всю деревню разбить на части, разделить людей, порвать дружеские и родственные связи? Жили все вместе — и старики и молодые, а сейчас их надо разделить по возрасту, по силам. Но это же невозможно, мы же одна семья. Она неделима как сердце, — буквально взмолился председатель колхоза, понимая, что его детищу на этом собрании, по сути, был вынесен смертный приговор.

— А как вы, Иван Андреевич, предлагаете?

— Я? — председатель не нашелся, что ответить, долго молчал, задумчиво смотря на красную скатерть стола, гладил ее шершавой ладонью. Люди, затаив дыхание, не мешали ему думать. — Знаешь, Александр Павлович, — наконец собрался с мыслями Зарубкин, — будь моя воля и власть, перенёс бы я нашу деревню на новое место целиком, все дома и постройки, переселил бы всех сельчан, поставил бы ее у реки, в крайнем случае, на берегу вашего моря, но название ей бы не менял. Это как имя человека — даётся на всю жизнь.

— Ты как сказку сказываешь, председатель, — вздохнула женщина в первом ряду.

— Очень жалко, что такое только в сказке бывает. Не могу знать, кто такие законы придумал, но нам на части делиться никак нельзя, мы ведь едины. Это как тело человека на кусочки разделить — и не будет человека.

— Как это, Иван Андреевич, вся деревня — одна семья? Что, все — родственники? — удивился Александр.

— Да, вся деревня. А ты, Александр, что, не заметил, что у всех одинаковая фамилия? Только жены из других деревень, а мужской род один. Вот ты говоришь: старикам-пенсионерам отдельную городскую квартиру, — всё более распалялся председатель. — А он к ней привыкать будет до самой смерти и не привыкнет. Много там особенностей: как включить электроплиту — вопрос, унитаз шумит, как паровоз, подвала нет — где же кладовую оборудовать? Холодильник — мечта молодых, запись на очередь, потом жди годы, когда она подойдет, когда этот холодильник сделают. Многим старикам не дождаться. Да и сама квартира, чего говорить, — клетка, ни воздуха нет, ни простора. А в деревенском домище всем места хватает. А тут — ни бани, ни погреба.

— Иван Андреевич, я ведь законы не пишу. Что есть, то и предлагается. Да и война разрушительная не так давно отгремела — не мне тебе напоминать, — резонно оправдывал ситуацию молодой начальник.

Председатель, вспомнив военные годы, посуровел, склонил голову, согласился с доводами специалиста, годящемуся ему в сыновья. Сначала согласно покачал головой, потом помотал ею из стороны в сторону, как будто отрицая свою же мысль.

— Да, я понимаю. Только трудно понять мне, что в великой Сибири места не найдется для нашей деревеньки.

Александр не ответил, спорить с Иваном Андреевичем об этом не стал. А тот продолжал трудную тему, выражая силой голоса силу своих переживаний.

— Александр Павлович, ты там нашей власти расскажи о нашей просьбе. Ежели нас деревней не перевезут в любое место, то мы порознь не поедем. Вообще никуда не поедем, — с нажимом на последние слова вынес свое решение председатель.

Александр обвел взглядом лица людей, затененные сизым дымом от самокруток. Люди доверчиво и пытливо смотрели на него как на человека ответственного.

— Конечно, про вашу просьбу скажу, но нет этого в законе, чтобы целиком деревни на новое место переносить. Это прямо-таки археологическая операция какая-то будет. Сложно, дорого, нерационально.

— Так пусть выпустят такой закон, — опять встряла в разговор Фёкла.

— Тише ты, чего кричишь, и так всё слышно и понятно, — утишила ее соседка.

— Будем ждать, так и передайте, — выкрикнув еще громче, подвела черту под заседанием борющаяся за справедливость Фёкла.

Расходились затемно, по дороге толкуя о новых местах, о переезде.

«Одно хорошо, сельчане не отвергли категорически переезд. Не обрадовались ему, конечно, но начали обдумывать ситуацию, которую не по их силам переменить», — подумал Александр.

Вечером в доме председателя, отпивая чай из граненого стакана с подстаканником, Александр спросил:

— Иван Андреевич, а если не разрешат переезд, как вы хотите, — что делать будете?

— Плохо, конечно, если не разрешат. Что-нибудь придумаем, нельзя нам порознь. Войну пережили вместе, зачем сейчас-то нас разрывать по живому.

С этими словами надолго задумался председатель о том своем, что никогда в его жизни не отделялось от государственного. Его судьба и судьба страны — для него едины.

Река Илим — великая река, жизненно важная артерия в организме России. До окончания строительства Московско-

го тракта — это основной путь на Восток, вглубь Сибири, к берегам Тихого океана. По Илиму шли лодки, дощаники, струги Ермака, Семена Дежнева, Ерофея Хабарова, Витуса Беринга, многих переселенцев и изыскателей. А славный град Илимск появился на географических картах до возникновения Иркутска. Он развивался как самостоятельное воеводство, как центр пушного промысла, пашенного земледелия, важный пункт на путях движения людей и грузов в Восточную Сибирь, Монголию и Китай. Илимск — это история России, сотканная из многих славных побед и известных имен.

Илим, как и деревня Зарубкина, располагающаяся в его устье и состоящая из одних родственников, тоже имеет множество речек-родственниц, которые справа и слева по течению впадают в его мощный поток, направляющийся к Ангаре. А та, капризница-красавица, не желая смешивать свою прозрачную, мягкую воду с илимской, тяжелой, известковой, медно-красной, много повидавшей на своем пути, устроила Симахинскую запруду. Однако с Илимом не поспоришь, не укроешься за порогами. Он прорвался к Ангаре шумно, каменистую преграду преодолел, дробя ее на мелкие камни, сам дробясь в брызги. Это самый большой и самый мятежный приток Ангары.

Александр Павлович, работая землемером, не раз проходил этот порог, направляясь в ангарские деревни Невон, Кеуль и Ката. У него и сейчас перед глазами стояла завораживающая картина природной мощи, неподвластной человеку. Какая-то неведомая сила изгибала Илим, бросала его на огромные валуны, рассекающие водный поток. Здесь всё бурлило, пенилось, брызгало и шумело. И виденная однажды эта картина оставалось в памяти навсегда, как один из впечатляющих портретов природы.

Проснувшись в доме председателя колхоза, позавтракав нехитрой деревенской снедью, Александр спросил гостеприимного хозяина:

— Иван Андреевич, а лоцман на пороге в Симахина на месте?

— А ты чего, на Ангару собрался?

— Да, на Ангару, у меня дела есть и почты много.

Иван Андреевич, не ответив, задумался.

— Так что — его нет там? — повторил вопрос Александр.

— Вода упала в Илиме, отпросился он на неделю.

В разговор вмешалась жена председателя колхоза.

— Иван, там же у самого порога в рыбацком доме живет бригадир рыбацкой бригады.

— А ты почем знаешь об этом? — ревниво заинтересовался этой неизвестной ему подробностью Иван Андреевич.

— Но люди же знают, говорят.

— И что из этого? Нашему гостю надо ведь через пороги пройти, а не рыбу там ловить.

— Но он, говорят, и через пороги проводит катера и лодки, — как школьная отличница решила трудный вопрос жена председателя.

— А кто ответ держать будет, если что случится?

Жена потупила взор и замолчала.

— Вот то-то. Нечего тебе ответить. А отвечать буду я, голубушка, — ласково, но непререкаемо ответил жене Иван Андреевич.

— Почему отвечать будете вы? — удивился Александр.

— Лоцман приписан к нашему колхозу, а без него через порог ходить нельзя. Закон. И против него не попрешь, — улыбнулся Иван Андреевич.

— А давайте так решим эту задачку: я дойду до порога и постараюсь там договориться, чтобы почту отправили на Ангару, — рассудил свои действия Александр.

— Ну если так, Саша, то даю добро. Только будь осторожен, не хитри, чтобы от меня отвязаться. Симахинский, он шумом бьет по голове, а за ним Затейский — самый кровожадный, сколько там народу потонуло — не счесть.

— Иван Андреевич, ходил я через эти пороги, когда землеустроителем работал. Твоя правда, с лоцманом ходил. Но и сейчас не боюсь. Даст Бог, к вечеру вернусь, — радостно проговорил гость.

— Не зарекайся, Александр, — по-матерински предостерегла молодого мужчину жена председателя.

Только во второй половине дня Бугров и моторист добрались на катере до рыбацкого дома. Действительно, вода в реке упала, потому шли потихоньку, чтобы не налететь на отмели, которые порой занимали половину ширины реки. Из-за темного цвета воды было трудно определить фарватер.

Наконец под днищем зашуршала прибрежная галька, и катер остановился в нужном месте. Александр спрыгнул с носа, пытаясь оказаться на суше не замочив ног, но немного не дотянул и со всего маху плюхнулся в воду, окатившую его веером брызг. Из дома, выстроенного на самом берегу, вышел молодой мужчина, приветливо щурясь, пошел навстречу приезжим. Он был высок, рост увеличивала копна волнистых волос, в которых виднелись проблески седины. Небольшая темная борода, закрывающая скулы и подбородок, придавала изысканность всему облику.

Его шаг был твердым, уверенным, казалось, что этот мужчина был когда-то военным. Руки его не болтались плетьми, а двигались в такт шагов.

Александр, смахивая капли воды с брюк и куртки, поджидал хозяина дома на берегу.

— Важные гости, вижу, к нам пожаловали, — подходя, басовито проговорил мужчина и, скривив губы в подобие улыбки, подчеркнуто холодно добавил: — Очень рад. Даже не представляете, как рад вашему приезду.

Александр удивленно и внимательно посмотрел на незнакомца, в приветствии которого не почувствовал дружелюбия.

— А что, мы с вами знакомы?

Молодой мужчина скривил улыбку еще раз и пожал плечами.

— Может, вы меня с кем-то перепутали, уважаемый? — замечая в мужчине знакомые черточки, продолжил сопротивляться Александр.

— Нет, Александр Павлович, я вас ни с кем не спутаю, ваши портреты в нашей газете печатаются почти еженедельно.

— А... Вы про это. Да, печатаются, такая популярность связана с моей работой.

Таинственный хозяин, перекрикивая гудящий порог, пригласил посетителей в дом.

— Пойдемте, гости, под защиту стен и крыши, а то через пять минут глотки сорвем.

В доме было умиротворяюще тихо, шум порога не мог пробить толстые бревенчатые стены и тройные рамы окон, которые не снимали даже летом.

Когда расположились по лавкам возле длинного, сколоченного из досок стола, хозяин дома с подчеркнутым уважением спросил приезжих:

— Чай? Или желаете подкрепиться покрепче?

— Только чай, — сдержанно ответил Александр. — Но сначала давайте познакомимся.

— Давай, Саня.

— Саня? — удивился Александр. — Так меня только в детстве звали.

— Вот видишь, значит, не забыл.

— Но я-то тебя узнать не могу, — от беспамятства стукнул ладонью по столу Александр Бугров.

— Наверное, я подрос, и бородой обзавелся. Ладно, томить не буду: звать-величать меня Юрий Макаров.

— Кто? — Александр даже подскочил на месте. — Не может быть. Юрка, это ты?

— Да, я.

— Столько лет не виделись! — радостным тоном вскричал Александр.

— Ну уж не так и много по меркам вечности, — снисходительно и явно недоброжелательно произнес Юрий.

Александр подошел к другу детства, раскинув руки для объятий, но тот сделал вид, что нежного жеста не заметил.

— Ты чего? Сердишься на меня? — попытался уточнить обстановку Александр.

— Саня, спасибо скажи, что при встрече по морде не дал.

— Это за что? — опешил мужчина.

— А то ты не знаешь?

Александр, пожав плечами, удивленно посмотрел на Юрия.

— Тем хуже для тебя, что не знаешь, что делаешь, — голос Юрия приобрел металлические нотки, и Александр почувствовал, что дело действительно может дойти до драки. Он подавил все свои негативные эмоции и всё еще дружелюбно попробовал уточнить:

— Что же я такого делаю?

— Врагам нашей родной земли служишь! — выкрикнул Юрий, насупившись.

— Не пойму я нашего разговора, Юра, объясни, — всё еще учтиво и сдержанно Александр пытался спасти беседу.

— Не понимаешь, тогда пей чай.

Юрий поставил на стол большой пузатый чайник, расписанный крупными синими и красными цветами и веточками с золотыми листочками. Приоткрыл крышку. Сладко пахнуло разнотравьем и ягодами. Александр определил иван-чай, малину, смородину. Вместе с кружками хозяин принес из закутка, где стояла русская печь, похожую на распластанную камбалу тарелку с шаньгами и пирогами.

— Ты что, сам стряпней занимаешься? — с улыбкой спросил хозяина моторист катера.

— Мне нет нужды этим заниматься. Утром деревенские принесли, угощайтесь. Пироги вкусны, начинки разные — и капуста, и ягода, и рыба.

Юрий заботливо налил всем, включая себя, душистого чая, гости молча наслаждались напитком и деревенской стряпней.

Александр, однако, чувствовал нарастающее волнение, он не любил недомолвок, поэтому, не закончив чаепитие, поставил кружку на стол и, глядя прямо в глаза друга детства, спросил:

— Юра, а каким врагам я служу?

Тот как будто бы ждал этого вопроса, ответил мгновенно:

— Тем, кто рушит наш исконный мир — Илим, деревни, что прожили на белом свете больше трехсот лет. Тем, кто пашни, луга сенокосные намеревается потопить.

— Но откуда ты взял, что это враги? Они наши соотечественники, такие же советские люди.

— Ты думаешь, что советские люди не могут быть врагами своей родины. Разве у нас мало предателей сидит в лагерях и тюрьмах?

— Но это другие случаи. Это печальные исключения из русского народа.

— Да такие же. Полицейские, что служили у фашистов в войну, были тоже советские люди.

— Так ты меня сравниваешь с этими палачами? — вспылил Александр, и его лицо от возмущения и обиды запылало.

— Не сравниваю, а отвечаю на твои вопросы. Зачем ты согласился и пошел им прислуживать? Они ведь знали, кого брать в услужение. И ты не отказался, согласился нашу красивую землю губить.

— Это ты метафорами мыслишь, знаю твои поэтические пристрастия. А у меня обычная работа. Нелегкая, всё время командировки и встречи с людьми в домах, сельсоветах, клубах, на фермах, порой на полях и сенокосных угодьях.

— Пусть бы это делали чужие люди, но не ты, человек, которому я верил, — сердито выпалил Юрий.

— Но я ведь сделаю это лучше, бережнее, с любовью к своей земле и ее людям, — смягчив интонацию, попытался объяснить ситуацию Александр.

— А другие, неумелые, не смогли бы ничего сделать и потоп бы остановили, — категорично парировал Юра.

— Потоп не остановить, это государственное решение, и он не зависит от того, кто будет агитировать за переселение.

— Ты ошибаешься, Саня, всё зависит от людей, от каждого из нас. Как можно помогать тем, кто решил где-то там, в Москве, твою землю уничтожить, — упрямо не сдавался друг детства.

— Неужели, Юра, ты не понимаешь?

— Чего я не понимаю?

— Когда построят электростанцию, появятся новые города, железные дороги, расцветет наш край, возмужает, — вдохновенно убеждал его Бугров.

— Расцветет, говоришь? А меня об этом спросили, со мной посоветовались, а мне нужны твои города такою гибельной ценой, — со слезами на глазах отстаивал свою правду оппонент.

— Решение приняли на самом верху, там всё оценили, работали ученые.

— Ты просто чужие слова пересказываешь по привычке. Или присутствовал, когда они оценивали?

— Да ну тебя, Юрка, я тебя не узнаю, — с сожалением проговорил Александр.

— Не нравится, Саня, терпи. На собраниях, которые ты проводишь, таких слов не услышишь. У нас начальства боятся, вот и помалкивают наши бедные земляки.

Бугров почувствовал правоту в словах друга детства. Конечно, таких откровенных разговоров не было, стычек и скандалов тоже, но кто-то однажды прострелил борт его лодки. Александр и сам всегда испытывал чувство вины, мысленно оправдывая свою работу и себя; те, кому он помогал, переживали за себя и свои личные потери, а ему приходилось переживать за всех: и за себя, и за каждого человека. Кому нужны его объяснения и переживания? Даже Юрка, старый приятель, после долгой разлуки расспрашивает не о семье, не о здоровье, а сразу врагом называет.

А ведь в эти трагические времена Илим и деревни на его берегу стали роднее и любимее, чем прежде. Их беззащитность была настолько очевидна, что Александр неоднократно ставил под сомнение свою миссию. Слова друга сильно его задели и обидели.

Он, отодвинув чашку, молча встал из-за стола, вышел на улицу, сел на завалинку у входа. Юрка так же молча вышел следом, опустился рядом. Взоры друзей, устремленные на реку, скрестились, как шпаги, на ее волнах. Стиснутый берегами Илим пытался выбраться из западни, будто цирковой силач из цепей. Плевался белой пеной, кидался камнями, шумел так громко, что перекрывал все другие звуки.

— Пошли, Саня, в дом, — крикнул Юра, — здесь не поговоришь.

— Иди, я сейчас приду, остужу немного сердце и голову от твоей критики, — прокричал в ответ Александр.

— Уже месяц как вода в Илиме упала, — пояснил Юрий, когда все вновь собрались в избе, — поэтому, если необходимо перейти порог на катере, я постараюсь помочь, но за счастливый итог не ручаюсь. Могу перейти на своей казанке. И свозить куда надо. Если у вас почта в ангарские деревни, то утром оттуда будут рыбаки, вместе пойдем на ямы сети ставить. Они утром почту заберут и развезут по деревням.

Общим советом решили порог не переходить.

— После хорошего дождя приезжайте, — со смешком посоветовал немного успокоившийся Юрий.

При расставании Александр все-таки поинтересовался судьбой друга детства.

— А ты-то как здесь оказался?

— Где здесь? — переспросил тот, затягивая ответ. — В этом рыбацком доме я временно. Мы дежурим по очереди. Вот как тебе приехать — аккурат моя очередь подошла.

— А в эти края как попал?

— Это еще проще. Ушел в армию, взяли на флот, прослужил больше четырех лет. Пока служил, мама и дед померли. Сестры замуж вышли и улетели вить счастливые гнезда в большие города. Пришел я из армии, ужаснулся разрухе. И дом в деревне, и зимовье в ухожье вот-вот рухнут. Стал порядок наводить. Встретил Аню Карнаухову, ты должен ее помнить, ведь в одном классе учились.

— Аню, конечно, помню, — искренне порадовался счастью друга Александр.

— Ну вот, поженились и уехали к ее родителям в Кеуль. Учитывая мой морской опыт, стал командовать рыболовецкой бригадой. Сейчас сынок родился, Сашкой назвали.

— Сашкой! — восторженно воскликнул Бугров.

— А ты чего, против?

— Мне-то зачем против быть. Наоборот, в радость такого тезку заиметь, — широко улыбаясь, ответил Александр.

— Вот так и живем, газеты читаем, там ты иногда нам рассказываешь, как будет хорошо илимчанам в Железногорске, в Рудногорске. А ведь они народ битый: и с белогвардейцами Каппеля сражались в Гражданскую, и фашистов били в Отечественную, и погибали безропотно за Родину. Больше всего их погибло под Москвой и Ленинградом, в Сталинградской и Курской битвах, под Орлом и Смоленском.

Юрий задумался, помолчал, потом продолжил свой монолог:

— Хорошо, что мы в твои планы не вписываемся. Правда, и у нас могут наступить перемены, про Богучаны речь пошла. Но нескоро, надеемся. Хотя Ангара там заманчивая, широкая, как море. А как ты, Саня? Что про себя не рассказываешь?

— Ты же говоришь, что про меня всё в газетах написано.

— Я про личную жизнь спрашиваю.

Александр заметил неподдельный интерес друга.

— Да у меня с этой работой всё перемешалось: и личное, и общественное. Иногда хочется всё бросить и уйти. Но не могу, Юра. Работа моя связана не только с переселением людей. Мне приходится заниматься отводом земли для леспромхозов, для горно-обогатительного комбината. Трудно, но интересно. И дома всё ладно. Молодая жена радуется нашим коротким встречам, она меня понимает и не оспаривает мой выбор. Так-то.

— А ты про нашу клятву на Красном Яру помнишь? — понизив голос, выразительно спросил Юрий. — Для меня это одно из самых памятных событий в жизни.

— Помню, конечно, наше глупое детство, и тот день не забыл, — смущенно откликнулся Саша.

— Нет, Саня, я тот день не связываю только с детством. Мы тогда из детства уходили, вступали во взрослую жизнь. И я этой клятве верен. А ты?..

Приятели опять замолчали, минут пять не глядели друг на друга, ничего не говорили. Моторист с матросом уже занесли пакеты и мешки с почтой в дом.

Не дождавшись ответа своего успешного в карьере и в жизни друга, Юра, удрученно вздохнув, стал прощаться.

— Пора, Саня. Дай Бог, встретимся еще.

— Будь здоров! Теперь я знаю, где ты. В случае чего за помощью обращусь. Не откажешь? — как будто повеселев в связи с окончанием неожиданного свидания с прошлым, спросил Александр.

— Через порог провести, почту доставить до ангарских деревень — в таких делах всегда можешь на меня положиться, — сдержанно пообещал друг.

На прощание друзья все-таки обнялись.

В здешних краях времена года сменяются резко, быстро, мелькают, как картинки в калейдоскопе. Лето коротко. Осень — ненастна. Зато зима хозяйствует почти полгода, расталкивая осень и весну своими острыми ледяными локтями. Еще нежишься в солнечных лучах, а первые снежинки уже нацелились на землю, ночные заморозки тащат вслед за собой устойчивые дневные морозцы.

Илим дольше всех борется с зимой за свою свободу, сопротивляется изо всех сил. Но и его в конце октября укрощает белая льдистая пелена. И образуется для всех широкая, ровная дорога, соединяющая деревни, заимки, покосы, весь здешний мир.

Командировки у Александра в это время стали постоянны. Бывало, неделями его не видели дома. И всё это время: встречи, переговоры о домах, пригодных к переносу, о пенсионерах, о новых колхозах и совхозах. Однажды, по возвращении из очередной поездки, Бугров был вызван к председателю райсовета. Тот кивнул головой, вместо «здравствуй» спросил:

— Александр Павлович, вы давно в колхозе Зарубкина были?

— У Зарубкина бываю. Разговор о переселении вели летом, потом перед ледоставом заезжал. Правда, жители все на

хозяйстве — на гумне и скотном дворе. С председателем перекинулись парой слов, и я уехал на Ангару.

— Ушли люди из Зарубкина, все ушли, — сообщая это известие, начальник поморщился, как от лимона.

— Что значит ушли? — оторопел Бугров.

— Об этом я тебя хотел спросить, чем же они были так недовольны, что ни в райком, ни в райсовет с жалобой не пришли, а встали и ушли? Чем ты их так застращал?

— А куда ушли? — продолжал задавать односложные вопросы расстроенный Александр.

— Можем только догадываться. Одно могу сказать — не к Черному морю потопали, а на север, в Якутию, подальше от нас. Органы сейчас уточняют.

— И что, никому не сказали о своем уходе?

— Нет, почему же, председатель Иван Андреевич Зарубкин зашел в райсовет, передал ключи, документы, печать и был таков. Скот они соседнему колхозу отдали. Технику, что другие хозяйства не взяли, заперли в сарае. С государством они по всем статьям рассчитались. Честные люди.

— А разве так можно?

— Что можно?

— Встать и уйти.

— Кто его знает? Можно — нельзя? Ушли-то одни старики, молодые раньше разлетелись.

— А вернуть их нереально?

— Догони, поверни, предложи взамен дворцы.

— Они просили-то малость: всю деревню переселить на заимку. Хотели все вместе жить до самой смерти, — жалостливо оправдывал своих подопечных вконец расстроившийся Бугров.

— Ну вот теперь они все вместе, как хотели, до самой смерти, — с издевкой проговорил начальник и тут же строгим тоном приказал:

— Александр Павлович, прошу посетить деревню в ближайшее время.— Хорошо, — ответил Бугров, не задавая лишних вопросов.

На другой день он отправился в деревню Зарубкина.

Всю дорогу ему не давала покоя мысль: почему? зачем они так поступили? Неужели это он виноват: не поговорил с людьми по душам, рубанул с плеча, запугал стариков? Добрался Бугров до деревни в полдень, оставив лошадь внизу, у реки. Накинув поводок от узды на корягу, к которой летом привязывали лодки, с трудом поднялся по скользкому угору на деревенскую улицу.

Вьюга утрамбовала снег, мороз превратил его поверхность в гладкий, зеркальный наст, слепяще отражающий солнце. Искристые лучики источали и клочки снега, зацепившегося за ветки деревьев, и разлегшегося на крышах домов и амбаров. Чистейшее сияние и звенящая тишина заполнили пустые улицы, уже занесенные снегом. Деревня казалась прекрасной покойницей, укрытой белоснежным саваном.

«Красиво сверкают на солнце заснеженные деревья, — отметил про себя Александр и с огорчением подумал: — Но чего же я хочу здесь увидеть? Зачем мне надо было сюда ехать, когда всё ясно, не осталось никого. Как же это они так быстро смогли подняться и исчезнуть без следа? По-партизански. А ведь среди жителей деревни немало участников войны, наверное, навыки оттуда, с боевых полей», — оправдывал себя Александр, наслаждаясь красотой и тишиной. Он хотел было уже возвращаться к реке, как в конце улицы заметил идущий из трубы дым. Даже не дым, а светлую тоненькую витиеватую ленточку над заснеженной крышей. По опыту Бугров знал, что так горят в печи березовые дрова. Значит, в доме есть живая душа. А вдруг беглые? Уж с ними-то встреча совсем не к месту.

Александр, поскрипывая морозным снегом, не спеша, пошел по улице, предусмотрительно оглядываясь по сторонам, понимая, что на фоне белого снега он виден хорошо, как летний заяц. «Удобная я сейчас мишень для любого охотника», — усмехнулся про себя Бугров.

Навстречу к нему с лаем подбежала собака. Но вместо того, чтобы вцепиться в незваного гостя, только прыгала вокруг, звонким лаем нарушая тишину. Скрипя подошвами огромных валенок по морозному снегу, из калитки появился старый дед, дребезжащим голосом прикрикнул на собаку.

Та, поджав хвост и повизгивая, попятилась к хозяину, не упуская из вида незваного гостя.

— Иди, иди, защитница, — замахал дед рукой на собаку.

Та скрылась во дворе, время от времени показываясь в проеме калитки.

— Ты чего, испугался моей псины, что ли? — поддел дед Александра. — Заходь, гостем будешь. Видишь, как нас замело? Так что гости для нас как праздник.

— Добрый день, дед, — поздоровался Александр, перешагивая порог избы.

— Добрый, добрый, проходи, рассказывай, с чем пожаловал, — проскрипел дед.

Изба была небольшая, состояла традиционно из залы и отгороженной перегородкой кухни. К боку русской печки

притулилась чугунная буржуйка, топилась только она, пропуская в комнату слегка горьковатый дым. Было тепло, но из-за закрытых ставнями окон темновато. К радости и удивлению Александра дед в избе был не один. Из кухоньки вышла худенькая старушка в платке и толстой вязаной кофте. Она быстро просеменила к столу, зажгла керосиновую лампу. При свете лампы Александр увидел застеленные пестрыми половиками полы. На стене между окнами висели часы в резном деревянном обрамлении, над часами расположился репродуктор — большое круглое колесо, обтянутое черной тканью. Еще довоенный.

— Присаживайтесь, — дед указал искореженной от трудов кистью руки на лавку. — Звать-величать-то как?

— Александром, я у вас был прошлым летом, в клубе собрание проводил. Помните?

— Не помню я, головенка моя совсем варить перестала, — ответил без жалости к себе дед и сел напротив гостя, по-птичьи остро, внимательно и осторожно поглядывая на него.

— А чего в деревне пусто, где люди-то? — нетерпеливо задал мучивший его вопрос Александр.

— Так ушли все, — безразлично ответил дед.

— Куда ушли-то?

— Черт ее знает, куда? Далеко, сказывали, собираются.

— А вы почему остались? — глядя с восхищением на смелых зимовщиков, поинтересовался Бугров.

— Некуда нам идти, да и за деревней пригляд нужен.

Александр заметил, как разгорается в старике сила голоса, формируется в голове ясная мысль.

— Как же вы одни-то? Боязно, поди? Да и в чём ваш пригляд состоит? — продолжая удивляться и восхищаться, Александр засыпал вопросами своих новых знакомых.

— Кого боятся, кому мы нужны? Соседи из Симахиной приглядывают за нами, смотрят, живы ли, керосинчику, муки и рыбешки подбрасывают. А мы за деревней смотрим. Если от нее глаз человек отведет, она сразу осядет, загрустит, как потерявшийся ребенок, заплачет и упадет на землю. А с нами ей веселее. Да что разговоры разговаривать, давай, молодец, чайку попьем.

Александр радостно кивнул головой, надеясь, что за чаем дед расскажет историю исхода людей из деревни.

— Пелагея, — крикнул дед, глядя в сторону кухни, — ставь чайник на стол.

Бабулька, сидевшая рядом, кокетливо ткнула деда острым локотком.

— Чего кричишь, Илья, я у тебя под боком устроилась.

— Прости меня, не заметил. И к чаю красную рыбку не забудь, милая.

— Хорошо, хорошо, всё, что хочешь, принесу, — мелодично, по-девичьи произнесла старушка.

— А рыбка красная откуда? — продолжал удивляться Александр.

— Ангарская стерлядочка, вкусная. Это нам Юрка Макаров гостинцы с попутчиками присылает. Сам раза два был, но сейчас домой в Кеуль укатил.

— Макарова я знаю, — обрадовался Александр той мысли, что вот так неожиданно пустота наполнилась людьми, связанными между собой любовью и заботой.

— Юрку все знают и на Илиме, и на Ангаре, он мужик стоящий, — разговорился дед Илья. Но бабка Пелагея со своими женскими заботами вклинилась в разговор:

— С молоком чай-то будем пить, али как?

— А чего ты меня спрашиваешь, гостя спроси.

Александр понял, что требуется его согласие, развел руки, как будто собрался обнять старичков:

— Да я любой чай люблю, какой вы пьёте, такой и мне сгодится.

Через пять минут на столе появился видавший виды большой медный чайник, из носика которого струился витиеватый пар.

«Как тот дым, что вьется над трубой, — подумал Александр. — Всё-то в этом мире связано, потому, наверное, и прочно».

Посередине стола расположилась тарелка с бруснично-красными ломтиками деликатесной рыбы. Даже в избяном полумраке они искрились, как снег на улице. Аромат, исходивший от рыбы, тоже напоминал запах лесных ягод. А на самом деле это был аромат таежной реки, настоянный на травах, пропитанный духом прибрежных пшеничных полей. Всё закольцовывалось в этом чудном мире, всё связывалось накрепко, на века.

— Ну, чем богаты, тем и рады, — смущенно пригласил дед Илья к чаепитию.

И все-таки Александру не терпелось расспросить стариков об ушедших людях, но он робел, понимая, кто в этом доме хозяин.

Дед Илья и начал:

— А ты куда, мил-человек, путь держишь?

— До деревни Ката нужно добраться.

— Да, путь неблизкий. Бывали времена, когда и мы на Ангару проскакивали, но это если вода на порогах позволяла. Я тогда помоложе был, у меня в Кате приятель живет, Савелий Карнаухов. Увидишь, привет от меня передай.

— Конечно, дед Илья, обязательно передам, я там бываю. Но, однако, скажите мне, куда все-таки деревенские девались, и почему вы остались?

— Мы-то? Я же сказал — деревню сторожим, — и тихо, проникновенно добавил: — А еще Михаила ждем, сына нашего.

— А где он?

— Знали бы где, сами за ним пошли. В фронтовой повестке написано, что без вести пропал на войне. Повестка пришла, но не верю я, не такой у нас Мишка. Ждем. Трое сыновей у нас было. Двое погибли под Сталинградом, а Мишка позднее ушел.

— Столько лет, дед Илья, после войны прошло! Не напрасно ли ждете? — горько вздохнул Бугров.

— Нам торопиться некуда. Пока живы, ждем и ждать будем. Зачем нам уезжать, а вдруг он вернется, а нас нет. С сыном на родной земле нужно встретиться, а не на чужбине.

Старик устало прикрыл глаза покрасневшими веками, из-под которых показалась слеза.

— Кто же в деревне еще остался?

— Никто. Мы одни. Все ушли с Ванькой.

— А куда ушли-то?

— В Якутию, на Лену. Там пустая деревня стоит, — дед подробно, как на уроке в школе, спокойно разъяснял гостю недавнюю историю гибели этого старинного поселения.

— А чего здесь-то не остались, до затопления еще далеко?

— А леший их знает. Решились после приезда начальства из района. Наши-то просили перевезти дома на Николаеву заимку, не разрешили. На Большую Елань хотели, тоже отказом ответили. Сказали, что будут всех расселять поодиночке. Стариков в городе поселят с ванной и горячей водой, молодежь по колхозам и совхозам распределят. Как же можно так, рвать на куски деревню, тут, почитай, все родственники? Не понимаю, почему на такой богатой сибирской земле места поближе не найдется, куда дома можно перевезти? Обязательно надо за тридевять земель угнать, да еще и разделить. У каждой семьи хозяйство, огород и скотина. Что ж так не по-людски, пойдите навстречу людям, если так вам приспичило потоп устроить.

Дед Илья, опять сомкнув веки, обиженно замолчал. Александр задумался. Бабка Пелагея пододвинула ближе к гостю скромную трапезу.

— Илья, не заговаривай гостя, а то у него совсем чай остыл, — сделала выговор деду супруга.

— Пей, пей, мил-человек. Я не заговариваю, он спросил, я ответил, — корявой трясущейся рукой дед указал на медный, еще не остывший чайник.

Александр молчал, чувство негодования на свое участие в этой человеческой трагедии разрасталось в сердце. Сначала он хотел поспорить с дедом, объяснить всё производственной необходимостью, светлым будущим, произнести заученные фразы, обелить начальство. Но вдруг понял, что дед Илья прав. Что виноваты бессердечные люди, районные власти, для которых свои намеченные на бумаге планы дороже людских судеб.

— Не страшно вам здесь одним, дед Илья?

— Да вроде ничего. Только волки покоя не дают. Хорошо, хлев надежный, силенок не хватает у них раскатать его. Парочку пристрелил. Скоро весна наступит, отстанут, в лесу еда появится. Я бы с ними своими запасами поделился, подкормил, тоже ведь живые существа, но у нас у самих нет ничего лишнего, — покачивая в такт своих слов головой, объяснял свое житье дед.

Александр не переставал удивляться милосердию этих обездоленных людей, запасу их терпения и любви, на которой только и держится Русская земля. Ему хотелось обнять этих стариков, выразить свое к ним уважение. Но он почему-то не смог сделать и этого.

— Ну что, хозяева дорогие, спасибо вам. Пока светло, до Симахиной доеду. Проводи меня до лошадки, дед Илья, у меня там заварка чая хорошая, магазинная, и хлеб «кирпичный» из районной пекарни. Думаю, вам пригодится.

Попрощавшись с бабкой Пелагеей, Александр вышел на улицу, дед Илья загонял собаку в амбар.

— Ишь, раздухарилась, — добродушно поругивал ее старик, — показухой занимается, делает вид, что сторожит хозяйский дом. А как волки завоют, хвост поджимает и в угол прячется.

Они вышли на улицу умирающей деревни. Вдруг тишина как будто лопнула от резких оглушительных выстрелов.

Александр вздрогнул, остановился, прислушался в направлении прозвучавших звуков.

— Что это, дед Илья? Кто это стреляет?

— Мороз, мил-человек, мороз стреляет. Завсегда так, от мороза лопаются стволы деревьев. Неужели никогда не встречал такого? Ты же сибиряк. Знать, молод еще.

— Да встречал, конечно. Просто от неожиданности подумал о выстрелах.

Они попрощались, договорившись, что на обратном пути Александр побывает у стариков.

— Будем ждать, мил-человек, будем ждать. Обязательно приезжай, — с детской доверчивой улыбкой сказал дед Илья. Но вдруг, сделав шаг в сторону угора, повернулся, вплотную подошел к Александру и прошептал: — Послушай меня, мил-человек. Неужель, земельки у нас на Илиме мало?

— Земли много, дедушка... — ответил Александр.

— Тогда ж чего нашу деревню рядом-то с морем или водой не поставить?

— Деревню-то, может, и поставишь, место можно найти. А как дороги, как покосы, пахотные земли, их-то откуда возьмешь?

— А там, куда переселяют, они есть?

— Там делают.

— И тут и покосы, и земли можно найти, для этого не экспедиции, а нас бы попросили, мы всё знаем. А насчет дорог, Илим у нас был главной дорогой, триста лет мы на его горбу ездили — ничего, выдержал.

Александр промолчал. Что скажешь умудренному жизнью человеку?.. Они еще раз попрощались, и сани заскользили и заскрипели по льду Илима.

Зимой день короткий, за несколько километров до Симахиной солнце скрылось за горизонтом. Но воздух был еще прозрачен, небо темнело не спеша. Медленно, как лампочки в театре, разгорались звезды. Луна заигрывала с Илимом, повторяя на небосводе его земной путь.

Александр, сидя в санях под теплым тулупом, ощущал холод. Но он шел не снаружи, а изнутри, из его озябшей от вины души. Получается, что он, Александр Бугров, отличный специалист, работающий на износ, всем сердцем любящий свою сибирскую землю, виноват в бегстве людей из деревни, в человеческих трагедиях. Вспомнилось то роковое собрание: колхозники слушали его, интересовались, спорили, а думали, оказывается, иначе.

А он отмахнулся, решил, что объяснение о невозможности разлучиться — это придумка, хитрость, чтобы остаться на родной земле. А оказалось, истинная, глубинная, святая правда. Он как представитель власти должен был со специалистами проверить возможность перевоза домов на Николаевскую заимку или Большую Елань. Тогда такая мысль даже не пришла ему в голову, потому что он работал по утвержденной программе, по распоряжениям всяких главков. То есть работал только по карте, а о том, что должен был работать для

людей, что за бумажной картой стоят реальные судьбы, не подумал.

Нет, государственники со своими прожектами не виноваты, они далеко, они теоретики. Виноват тот, кто не прочитал в глазах своих земляков мольбу о милосердии, не услышал крик их сердец о помощи. Значит, виноват только он, сибиряк Александр Бугров.

4

С чувством вины и понимания своих прежних ошибок Александр Бугров остался работать на прежней должности. Сначала хотел всё бросить и уйти, уехать в другие места. Потом подумал, что на его место может прийти неизвестно какой сорвиголова, захочет выслужиться перед начальством, таких дел натворит, что никто и никогда не сможет исправить. Решил остаться. Что-то изменилось в его отношении к миру, к людям. Может, совесть стала управлять им, а не он совестью. Да и к илимчанам пригляделся повнимательнее. В своем большинстве — это народ молчаливый и терпеливый. Врать — боится, просить — не обученный. Люди уже свыклись с мыслью, что под воду уйдут больше тридцати илимских деревень вместе с пахотными и луговыми землями, лесами и кладбищами. И всё, что здесь срасталось, поливалось потом и слезами, более трех веков жило целесообразной, выверенной, подчиненной природным и человеческим законам жизнью, станет илистым дном рукотворного моря...

Бугров научился спорить с начальством, отстаивать интересы своих подопечных, которым предстояло пережить самое страшное — увидеть, как сжигают их дома.

В райсовете у заместителя председателя Александр долго отстаивал свой план работ, уговаривал, пояснял, спорил о составе бригад по сожжению деревень.

Иван Перфильевич не понимал перемены, произошедшей в молодом человеке.

— Ну чего ты, не пойму я тебя. Когда деревни сжигали под дно Братского моря, наняли бригады зэков, и всё было сделано вовремя, без слёз и соплей.

— Но ведь зэки только дома палили, — парировал Бугров, — а я о кладбищах беспокоюсь, и люди переживают, хотят забрать с собой могилы предков. Захоронения обязательно нужно перенести на новое место, чтобы родственники хоть иногда могли наведываться.

— Долго думал, паренек? Это ты мне предлагаешь кладбищами заниматься? Может, по косточке скелеты переносить станем?

— Если понадобится, станем, — жестко парировал черный юмор начальника Александр. — Вам известно, что в Братске многие оставленные кладбища размыло, и плавали гробы по морю?

— Брось ты ужасы старушечьи повторять. Может, и был один-два таких случая, но нельзя устраивать из них вселенскую трагедию.

— Надо чтобы не было ни одного подобного случая, — Александр продолжал на повышенных нотах разговор с начальником.

— Необходимо бульдозерами хорошо загладить это место, тогда не размоет, — убедительно пробасил «битый» управленец.

— Иван Перфильевич, но это же наши люди! — вскричал Бугров. — Они просят самое необходимое, чтобы по-людски, по совести всё было сделано.

— Не бомби меня высокими словами. Не забывай, что есть план, есть деньги под него, и лишние затраты никто нам не позволит. Каждая копеечка на счету, — бил своей «правдой» доводы Бугрова начальник.

— Иван Перфильевич, по затратам я с дирекцией ГЭС договорюсь, а по времени уложимся. Сам контролировать буду — не за счет рабочего дня, а за счет сна и выходных.

— Ишь ты, какой хваткий у нас стал. Председатель райсовета с дирекцией не может договориться, а ты... — Он высокомерно посмотрел на Александра, но тот вдохновенно продолжал:

— Я договорюсь, но при этом мои условия надо выполнить.

— Еще и условия? Ты мне ставишь условия? — рявкнул начальник.

— Я решил, что бригаду санобработчиков возглавит зам. начальника милиции Погодаев Николай Васильевич.

— Он-то об этом знает?

— Конечно. А в бригаде будут все местные мужики. Поджоги и перенос кладбища они выполнят бережно и в срок.

— Ой, Александр, загонишь ты меня в гроб раньше времени, — прикрылся банальной фразой начальник и с сожалением добавил: — Сейчас времени уйма уйдет на определение новых мест захоронений. Везде опоздаем, всё задержим, сроки нарушим. Достанется нам всем от... — он пальцем показал в потолок, точно не представляя, от кого могут последовать наказания.

— Да нет же, эти места уже определены, и земли отведены, как и положено по закону.

— А опросы, кто желает перенести, кто не желает, сделаны?

— Иван Перфильевич, всё сделано.

— Тогда — вперед. Смотри, не подведи, — с облегчение окончил беседу начальник.

Первая деревня, которая оказалась на пути прогресса, была деревня Бугрово: родина предков Александра, да и сам он провел там немало времени у дедушки с бабушкой. Деревня была красивая, старинная, стояла на высоком берегу. Она была первым опытом регулярной, с учетом особенностей местного ландшафта, застройки. Вдоль реки протянулась одна ее улица, на которой не тесно расположились дома, срубленные надежно, на века, украшенные добротными глухими воротами с козырьками, на них для красоты делался филенчатый рисунок, на каждой створке и калитке разный. По одну сторону от ворот — дом, по другую — амбар, а в глубине — хозяйственный двор с постройками для скота и, конечно, с сеновалом. Деревня казалось похожей на все илимские поселения, однако они отличалась друг от друга. Люди вкладывали в украшение своего быта все свои таланты, душу, любовь.

Александр шел по деревне со щемящим чувством невозвратной потери, с настроением вечного прощания. Вот дом его деда, ему, наверное, больше ста лет. А рам в окнах уже нет, растащили. И смотрит дом на наследника пустыми глазницами окон, жалостливо, с укором.

Подошли соседи. Поздоровались с земляком.

— А вы как здесь оказались? — без привычной улыбки, грустно спросил Бугров.

— Мы приехали для решения дел по перезахоронению.

— Да, да, правильно, — безразличным тоном ответил Александр, думая о том, с чего начинать плановое разорение родного гнезда.

Позвал бригадира.

— С чего начнем, Николай Васильевич? — заторможенно спросил Александр.

— Известно с чего, с кладбища, — бойко ответил бригадир.

— Тогда начинайте, — распорядился Бугров, добавив: — без меня.

— Справимся быстро, — сказал Николай Васильевич. — Могилки все подготовлены, осталось старые вскрыть. Думаю, до вечера управимся.

— Пожоги единовременно делать будем? — спросил Бугров, осекшись: в горле встал ком, слёзы обожгли веки. Он

вовремя отвернулся от собеседника, который продолжал рассказ о плане работ.

— Нет, Александр Павлович, деревню запалим завтра утром.

Ранним утром небо заволокло черными дымами, потянуло гарью. Это горело Бугрово. Александр взяв факел у рабочего, решил поджечь родовой дом сам. Но бригадир вовремя его остановил.

— Ты чего, Александр Павлович, охренел, что ли? Нельзя губить свой дом самолично, вечно не простишь себе. Иди к реке. Здесь будет жарко.

Александр, ссутулившись, пошел по улице, идущей вдоль реки, но не оглянуться не мог. Дома горели дружно, языки пламени пожирали деревню его детства, над которой сегодня даже солнце, казалось, обгорело. Природа не могла противостоять зловещей людской деятельности.

В некоторых усадьбах высоко полыхают деревья. Летят с их крон огненные искры, поджигая траву.

Несколько часов назад птицы здесь устроили прощальный концерт. Сейчас не слышно их жизнерадостных трелей. Все лесные обитатели, кто смог, убежали, уползли, упорхнули из этого гиблого места, покрытого толстыми слоями пепла, напоминающего груды мертвых бабочек.

Посередине деревни, где стоял деревенский клуб, который перевезли, остались две крепкие ели, спилить их не догадались. Один из поджигателей сунул под ветки факел. Огонь смял в своих объятьях зеленых красавиц, буквально за несколько минут деревья превратились в два черных зловещих скелета. Лишь кое-где на концах веток мелькают огненными цветками искры.

А трубы домов, что возвышаются над пепелищем, стали похожи на кладбищенские памятники.

Дым понемногу рассеивался, поднимаясь в небо над высоткой, названной Бугровским камнем. Небо милосердно, всегда исправляет людские ошибки. Вот и сегодня прозрачная высь принимала и уносила вдаль клочковатую черную тучу, в которой спрессовались останки людских жилищ, трудов и надежд.

Александр остановился у школы. Сюда он пошел в первый класс, здесь он написал первые слова и прочитал первую книжку. Школа осталась, в новую жизнь ее не взяли. Но фрамуги вырвали, фасад обезобразили...

Бугров опомнился, услышав всплеск реки. Он сидел прямо на гальке, обхватив руками голову, и плакал. Свое горе он объяснял карой за необдуманный поступок, за то, что согла-

сился на неблагодарную, кощунственную работу. Не из-за денег, не из-за карьеры. А из-за чего? Что заставило? Боязнь неприятностей или, как говорили в старину, теплохладность? Желание откупиться от совести внешними делами, исполнением установленных правил? Как бы там ни было, но расплата неминуема, и цена огромна...

Послышался посторонний шум. Это чья-то казанка уткнулась носом в берег. Александр даже не посмотрел в ее сторону, он сейчас никого не хотел видеть, ни с кем не мог говорить.

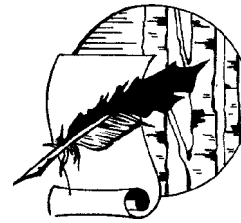
— Здравствуй, Саша. Ну как, больно? — сострадательно произнес Юрка.

Александр только всхлипнул в ответ. Потом признался:

— Пла́чу... Ты был прав. Нельзя нарушать клятву... Нельзя предавать родину...

Спустя десятилетия в душе Александра не зажила рана осознания собственного предательства, хотя время доказало целесообразность грандиозного плана, в котором он принял участие. Выросли новые города, народилось новое поколение сибиряков, которое было обеспечено всеми благами прогресса. О старых деревнях никто не вспоминал, тем более что до наших дней они бы и не дожили, как и их обитатели-старожилы. Но Александр Бугров помнил всё и всех героев тех давних лет, тех страшных дней...

г. Санкт-Петербург



Александр НЕСТРУГИН

ОСОКОРНИК

РИСКА

Всё та же вроде ценностей шкала,
Но там, где смутой сбиты, стёрты риски,
Ты вместо звёзд рисуешь купола,
Он — вышки ставит вместо обелисков.

И рвут сердца, и застят нам глаза
То мавзолей, то лет расстрельных мощи.
Но риску, что и мой отец врезал
В сороковых, я нахожу на ощупь...

И вновь они встают передо мной,
Согретые победным алым стягом,
Не ставшие ни страхом, ни виной, —
Звезда, и серп, и молот — над рейхстагом.

ПАМЯТИ СОЮЗА

Навек ли, навседы, завжды —
Мрак беловежского деянья?
Неуж от братьев невражды
Мне ждать теперь — как подаянья?

Не дружбы, не сиянья глаз
В больших трудах, в застолье тесном...
Неужто жить теперь без нас
Победам нашим, нашим песням?

Так странно: прямо из кино,
Тая в груди лишь жажду мщенья,
Ушли Саид и Мимино
В свои пески, в свои ущелья.

Ликуют, что пропал Союз,
Что ими, как Тарас, замучен,
Отрывок «Нет священней уз...» —
Ведь он на русском был заучен!

...Горюя, в крике не зайдусь,
И, может, в дни прозрений трудных
Хоть тихих слёз от них дождусь —
Не напоказных, не прилюдных.

Хоть — молчаливой невражды...
И будет это «подаянье» —
Навек ли, навседы, завжды? —
Как траур. И — как покаянье.

В РУССКОЙ БАНЕ

От Европ и прочих Скандинавий
Людям русским (сплошь рабам и черни!)
Столько нынче криков и стенаний,
Столько обличающих речений!
Вот у них — то сауны, то бары
Голубые... Дива — полон короб!
А у нас — сплошной Батый... А бани?! —
Веник-ворог, да сугроб, да прорубь!
Не смолчу я:
— Други золотые!
Приходите, освежите память,
Как ходили со времён Батыя
В русской бане косточки попарить.
В баньке той, где зашагнул и канул,
Крепко обнят стариной седою.
И все беды — на горячий камень!
И под солнце — белою водою!
И Сибирью русский веник веет,
И Сахарой: «Ух ты! Ох ты! Ах ты!»
Он любого пригостить сумеет —
От француза гордого до шляхты.
Заходите! По дорожке старой,
По давно натоптанному следу...

— Ох и жарко — будто под Полтавой! —
Подмигну распаренному шведу...

НЕ ЧУЖОЕ

Николаю Алешкову

Делаю я многое неловко —
Там, где город водит хоровод.
Только деревенская сноровка
Всё ещё в руках моих живёт!

Вот со сценой, скажем, напряжёнка:
Будто бы стою на сквозняке.
Ну а топорище и ножовка —
Как влитые, точно по руке!

Прогоню щепу, ножовкой вжикну —
И задумки внучкины сбылись!
Коля, как ты думаешь, привыкну
К людям выходить из-за кулис?

Как я тяжело стихи читаю...
Будто на уливе чернозём
Штыковой лопатою пластаю —
Чуть не полгектара за разо́м!

А ведь говорю я — не чужое...
Но из детства — и через судьбу —
Всё несут доярки вёдра с жомом,
Тащат в ря́днах силос на горбу.

А в щелястой кузне (через выгон —
Два шага) с утра и дотемна
Железяку жизни Васька Цыган
Правит, выцепляя из горна́.

Мне, как в той щелястой кузне, чадно:
Может, зря я пред людьми стою?
Может, слишком мелко и нарядно
То, что лёгким пёрышком кую?

Иль напрасно на себя серчаю?
...Как слова мне губы холодят!
Из далёких лет односельчане
В детские глаза мои глядят.

* * *

Что осталось? Лишь недуг да хворость.
Густо зеленевшие вчера,
Высохли слова мои, как хворост
Возле обмелевшего Хопра.

То, что было стёжкой к бате, к маме,
То, что жизнь держало, как в плену,
Догорев, лишь сизыми угля́ми
Ночью смотрит в очи на Дону.

Ночь. И перевоз не докричаться.
На болотах — выпи крик больной.
Но не хочет родина прощаться.
Остаётся родина со мной.

Мамин вздох: излуки да лиманы...
Полынок на батином следу.
...И опять на строчки жизнь ломаю —
И на угли сизые кладу.

ТЕЧЕНИЕ

Друзьям молодости

Как ныне — я не знаю, будет присно ли? —
Как нынче, в нашем куцем настоящем,
Цепляемся мы друг за друга письмами,
Что век назад бросали в синий ящик!

Желтушными от реактивов снимками
(Они теперь, казалось бы, зачем нам?),
Где что ни кадр, там все стоим в обнимку мы —
И чуть внаклон к незримому теченью...

* * *

Лежу, молчалив и недужен,
Почти
Не от мира сего.
Никто мне не нужен, не нужен!
Да рядом и нет никого.

Придут — мне им плакаться, что ли?
Им, слёзы уставшим скрывать?
...А Коля... А Дмитриев Коля
Присел, не спросясь, на кровать.

Отпущен на час небесами, —
В халате, иль правда крылат? —
Присел он на краешек самый...
Молчим. А стихи — говорят...

* * *

Заснять себя, успеть! —
Вошло так скоро в моду...
И сбросить снимки в Сеть,
Как козырей колоду.

Забава, но за ней —
Зеркальность лужи грязной:
«Я круче! Козырней!
Раскованней! Развязней...»

Мне жить в миру таком
Темно... Себя не жалко:
Дрожащим костерком
К Реке смеркавшей жался.

И тень моя была
На той воде — живая!
И на висках зола
Густела, остывая.

Ни снимка, ни следа...
Но всё, что жглось и тлело,
Текучая вода
Дотла запечатлела.

ОСОКОРНИК

Ивану Щёлокову

Трудно жить равнинно — и обрывно
Жить не легче, не ясней, не проще...
Как светло — и слепо, и наивно —
Осокорник облака полощет!

И дрожит над кручею донскою,
Серебром — над этой жизнью мутной...
Трудно жить надеждой и тоскою
Без такой вот радости минутной.

с. Петропавловка Воронежской обл.

Вячеслав МАТУЗОВ

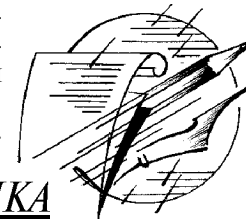
КТО БЫЛ ГЛАВНЫМ ПО РАЗВАЛУ СССР

Как троцкизм ликвидировал государство Сталина? Что связывало Коминтерн, международный отдел ЦК и КГБ? При чем здесь Питовранов, Андропов и Примаков? Известный советский дипломат и арабист Вячеслав Матузов приоткрывает завесу главной тайны XX века.

— Вячеслав Николаевич, какими вопросами вы занимались в международном отделе ЦК КПСС?

— Мой рабочий день начинался в 9 утра. Первые 2-3 часа я читал шифротелеграммы в специальной комнате. Мне выносили всё, что касалось моей тематики: из ГРУ, Генштаба, МИД и КГБ. В каждом посольстве ведомства имели своих шифровальщиков. Люди работали высокопрофессиональные.

С 1974-го по 1988 год я занимался Ливаном. В эти годы там шла гражданская война, и в ее эпицентре оказались те партии, с которыми КПСС сотрудничала. Например, Ливанская коммунистическая партия, Прогрессивно-социалистическая партия во главе с Камалем Джумблатом, а после 1977 года — во главе с его сыном Валидом Джумблатом.



Плюс в зону моей ответственности входили отношения с палестинскими партиями — с Ясиром Арафатом и другими политиками, входящими в Организацию освобождения Палестины (ООП).

КПСС часто обвиняли в поддержке террористов, но это неправда. Мы жестко соблюдали грань между террористами и национально-патриотическими силами, которые боролись против империализма. Если малейшая палестинская организация была замечена в вооруженных акциях против гражданского (мирного) населения, она автоматически выводилась не только за рамки оказания помощи, а вообще за рамки контактов. Таких организаций было много.

Были и те, кто обещали СССР отказаться от террористических методов. В частности, мы приняли извинения и заверения руководства Народного фронта освобождения Палестины в лице Жоржа Хабаша, что они никогда не будут заниматься террористической деятельностью. После чего им были выделены стипендии на обучение в советских учебных заведениях. Помню, как у членов Политбюро брови взлетели наверх, когда среди студентов Университета дружбы народов оказалась Лейла Халед. Тогда было принято решение перевести ее в Киевский медицинский институт. Прошлые теракты, осуществленные Народным фронтом, влияли на климат отношений СССР с этой организацией. Однако их представитель Абу Али Мустафа был членом исполкома ООП, как и Махмуд Аббас от «Фатха». Мы относились к Фронту как к составной части ООП, но внимательно следили, чтобы не было рецидивов терроризма.

Отношения с коммунистическими партиями осуществлялись через Комитет солидарности, влиятельнейшую по тем временам организацию. К сожалению, сейчас мы не видим таких общественных организаций, которые бы служили боковыми структурами и дополняли дипломатические ведомства.

У нас в международном отделе работа велась на серьезном уровне. Достаточно сказать, что таджикский писатель Мирзо Турсун-заде был руководителем Комитета солидарности. А реальную работу вел Александр Дзасохов. У Дзасохова были ответственные за разные направления: один — за арабское, а другой — за африканское. При нем был и ответственный секретарь по общим вопросам. В разные времена там работали разные люди. Работа на земле осуществлялась через структурированный аппарат, в котором были представлены все ведомства. Это позволяло людям, которые находились на партийной верхушке, осматриваться и определять общее направление.

Ведь если отдать всё представителям КГБ, ГРУ или людям с общим образованием, не имеющим к ним отношения, система бы не смогла работать эффективно. Нужна была выверенная политическая линия. Поэтому у нас был сектор по работе с общественными организациями. Один человек в нем отвечал за Комитет солидарности, другой — за Комитет мира и т.д. Все было структурировано.

— *А как финансировались компартии?*

— На каждую братскую партию был свой бюджет. Деньги по сегодняшним расценкам небольшие — заработок одного олигарха за месяц. Допустим, ливанской компартии выделяли сначала по 200 тысяч дол. в год, потом подняли до 300 тысяч. У нас в отделе был человек, который контролировал сейф с наличными. Приезжал к нему сотрудник КГБ с портфелем, забирал сумму, которую потом передавали через резидента, распределявшего деньги под расписку.

Когда мы приезжали в страну, нас с объятьями встречал посол. Но повседневно сотрудников международного отдела ЦК опекали ребята из спецслужб.

— *Получается, что участие ГРУ было минимальным?*

— Участие ГРУ было чисто теоретическим. Военная разведка занималась аналитикой, например, палестинского движения сопротивления. А контакты с Арафатом шли через Комитет солидарности, где сидел полковник из КГБ (Первое главное управление) Лев Баусин. Он отвечал в Комитете солидарности за связи с ООП. У нас со всеми складывались дружеские отношения. Военные решали свои задачи. Были умные, талантливые ребята, сильные аналитики. Куда они потом все подевались? Возраст, наверное. Многие из них были старше меня...

С развалом СССР система ГРУ подверглась разгрому. Главное разведывательное управление превратили в управление Генштаба. Статус, ставки и роль ведомства понизили. Во времена Петра Ивашутина ГРУ было влиятельной структурой, имело право выхода на первое лицо со своей информацией и аналитикой. После ухода Ивашутина в 1987 году всё пошло по наклонной.

— *В ЦК КПСС действовала эффективная система принятия решений, именуемая некоторыми экспертами как партийная разведка. Когда и почему эта система начала давать сбои?*

— На мой взгляд, партийной разведки как таковой не существовало, зато существовала разведка Коминтерна. Сталин прикрыл структуру Коминтерна 15 мая 1943 года. На его основе в 1947 году было образовано Коммунистическое информационное бюро, которое ликвидировали после XX съез-

да КПСС в 1956 году. После кадры Коминтерна перекочевали в международный отдел ЦК КПСС. К примеру, коминтерновцем был заведующий международным отделом Борис Пономарев. Работал у нас и Григорий Шумейко из Коминтерна. Методы Коминтерна сохранились и использовались на партийной основе.

Вот сегодня говорят, что руководителем партийной разведки якобы был Василий Кузнецов. Это нереально. Вы можете себе представить, чтобы Юрий Андропов кому бы то ни было позволил контролировать спецслужбы?

— *Тем не менее Кузнецов был весомой фигурой...*

— Да, он был почетным человеком, кандидатом в члены Политбюро. Подменял иногда председателя Верховного Совета, когда тот заболевал или уезжал в командировку. Креслохранитель. Функций у него никаких не было. Никогда Кузнецов не контактировал с братскими компартиями.

То есть не было партийной разведки, во всяком случае, ее не было в 1966 году, когда я, ещё будучи студентом, контактировал с международным отделом ЦК. Однако аппарат ЦК очень тесно сотрудничал с Первым главным управлением (ПГУ) КГБ — это однозначный факт. Полная смычка с ПГУ.

Хотя после хрущевских времен существовал негласный закон, запрещавший КГБ следить за работниками ЦК и добывать любую информацию в аппарате ЦК. Более того, им было поручено оказывать ЦК всяческое содействие. У Леонида Брежнева было ощущение, что КГБ на каком-то этапе может воспользоваться властью, чтобы ликвидировать партийную верхушку.

Сама партийная система не распадалась никогда. Обратите внимание на того же Александра Дзасохова, который являлся ближайшим другом Евгения Примакова. Оставаясь ответственным секретарем, он сначала уехал послом в Дамаск, потом стал секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС, а накануне развала СССР — членом Политбюро. В результате смены руководства, которую проводил Михаил Горбачев, членами Политбюро становились люди, далекие от партийной работы. Примаков и Дзасохов никакого отношения к партии не имели.

Я Примакова знал с 1970 года. Тогда я приехал в Ливан, где он был корреспондентом газеты «Правда». Оказалось, что мой руководитель в международном отделе талантливейший арабист Вадим Румянцев и Примаков вместе учились и были друзьями. Так меня подключили к этой компашке, в которой мы по вечерам пили чай... Мне было 33 года. Мы хорошо друг друга знали.

Я считаю, что центральной фигурой, которая осуществляла переход от «перестройки» к перестрелке и нынешней ситуации, был Евгений Максимович. Полагаю, что Борис Ельцин и Горбачев были людьми второстепенного плана. Это была внешняя картина. А реальный механизм, который контролировал весь процесс — до перестройки, перестройку и после перестройки, когда формировались всякие австрийские институты, был завязан на Примакова и других наследников плана Андропова.

— *Говоря об австрийских институтах, вы имеете в виду центры, куда поехали учиться Анатолий Чубайс и вся команда будущих младореформаторов?*

— Да. Эти же силы создали ленинградский центр, куда они в свое время перебросили генерал-майора Олега Калугина, который в ПГУ руководил отделом США и Канады, а также был начальником внешней контрразведки ПГУ.

Это было связано не столько с Примаковым, сколько с Андроповым. Когда я пришел в 1966 году в аппарат, Андропов еще заведовал отделом ЦК по работе с социалистическими странами. В 1967 году он стал председателем КГБ, не имея статуса члена ЦК и члена Политбюро. Так же, как и Андрей Громыко.

Наш начальник Пономарев был выше по статусу, являлся кандидатом в члены Политбюро, секретарем ЦК и руководил всеми международными связями. Кандидат в члены Политбюро и член Политбюро — тоже разница большая: имеешь право слушать, но не имеешь права голосовать.

С назначением Андропова вскоре изменился и сам статус председателя КГБ, поскольку в постхрущевский период Брежнев был очень аккуратен и не позволял спецслужбам довлеть над партийным аппаратом. Глава КГБ теперь стал членом Политбюро. Повысился и статус Громыко. А статус международного отдела упал. Хотя потом были некие рецидивы, долго продолжалась агония... До последнего дня международный отдел пытался доказать МИД СССР, что он ближе к телу руководителя.

— *Была сильная конкуренция?*

— Очень сильная. Отношения между Пономаревым и Громыко были напряжены до предела... Кто первым выхватит информацию и первым напишет записку в Политбюро. Полагаю, что будучи членом Политбюро, Громыко располагал информацией из всех ведомств — из КГБ, ГРУ, Генштаба.

На стол члена Политбюро ложилось всё, что передавалось через закрытые шифры. Кстати, не у каждого члена По-

литбюро был доступ для прочтения всей информации, которая предназначалась для 2-3 членов, а иногда и просто для одного.

— Вы работали при Брежневе, Андропове, Черненко и Горбачеве. С Брежневым понятно. А как менялось отношение остальных советских лидеров к руководящей роли партии?

— Динамика шла незаметно. Уже в настоящее время, обладая информацией, которая появляется в интернете и на телевидении, можно составить общую картину. Например, когда Александр Ципко, которого никто не воспринимал в ЦК как серьезного работника, сейчас говорит, что он находился под личной опекой Андропова и готовил для него закрытые документы, которые Андропов не оставлял в архивах КГБ.

КГБ был системой, которая не позволяла отклоняться от генеральной линии. Андропов, сам создавая эту систему, понимал, что если информация попадает в нее, то она автоматически становится достоянием многих сотрудников, которые могут быть недовольны той или иной политической позицией руководства.

Поэтому дальнейшие изменения («перестройка») осуществлялись не на базе КГБ, а с помощью КГБ, но за рамками КГБ. Откуда появился Примаков? Это не система КГБ. Он из боковых отростков, которые создал Андропов, будучи уже председателем КГБ и членом Политбюро. Директор Института США и Канады Георгий Арбатов, директор ИМЭМО Николай Иноземцев, директор Института востоковедения Бободжан Гафуров...

Это были параллельные структуры, которые дублировали КГБ. Внешне они работали в связке с партийным аппаратом. Но в реальности эти институты были настолько сильными, находясь под покровительством Андропова, что влияние на них руководящих отделов ЦК равнялось нулю.

Я тогда и не подозревал об этом. Мне довелось впасть в немилость к Примакову именно по незнанию. Когда Примаков возглавил в 1977 году Институт востоковедения, ему тут же дали статус члена ЦК, то есть неприкасаемость. Кстати, Иноземцев был очень талантливым человеком. Мы вдвоем летали на 40 дней со дня убийства Камаля Джумблата. Общались с ним 7 дней в Бейруте. Он произвел сильное впечатление.

— Интеллектуал?

— Очень сильный. С колоссальным жизненным опытом, участник Великой Отечественной войны, был награждён четырьмя боевыми орденами. Сдержанный, ни одного лишне-

го слова и даже движения бровями. Это была вышколенная публика, что позволяло ей не засветиться.

Ципко говорит правду, когда вспоминает Андропова, который не позволял ему направлять в архив КГБ записки. Последний раз я встретил Ципко в Вашингтоне, когда в 1990 году работал советником посольства. Тогда ЦК уже рухнул, там никого не было. Всю шифропереписку запретили посылать в ЦК еще в конце 1988 года.

— *Получается, что Горбачев просто добивал систему?*

— Горбачев — это тряпка, пешка, вообще ничто. За распадом СССР стояли наследники Андропова. То есть были созданы условия перехода от той системы, в которой мы жили, к западному образцу.

— *Зачем им понадобилось уничтожать страну?*

— Расскажу вам в ответ небольшую историю из жизни. В октябре 1974 года, когда я был в Ливане, работал на должности первого секретаря посольства, у меня умерла мать. Я полетел в Новосибирск на похороны. На обратном пути я позвонил Вадиму Румянцеву, которого тогда сделали заместителем заведующего в ЦК. Он позвал к себе. В гостях у него были Примаков с супругой... А тогда Примаков был членом редколлегии газеты «Правда». Что такое газета «Правда» в те годы? Если появлялась маленькая негативная заметка про чиновника, то его сразу снимали с должности. Вдруг я слышу от Примакова: «Социалистическая система себя изжила. Надо от нее отходить и начинать жить как на Западе».

И тут я вступаю в пререкания с Евгением Македоновичем. В те годы у него было такое отчество... Когда я в 1975 году приехал к Примакову, он сказал мне: «Слава, зови меня теперь Евгений Максимович».

— *Он поменял отчество?*

— Да, это уникальная вещь в его биографии. Личность Примакова законспирирована до предела и по сей день. Я считаю, что он являлся главной действующей фигурой, которая завершила план Андропова по переустройству Советского Союза. Говоря простым языком, Примаков был смотрящим за процессом — все эти годы.

Возвращаюсь к нашему с Примаковым спору. Привожу ему примеры из истории СССР... Гражданская война заканчивается в 1922 году. Страна в разрухе. Через 7 лет начинается индустриализация, и уже к 1939 году, накануне Второй мировой войны, СССР встречает ее, имея промышленность, сельское хозяйство, политическую волю руководства и самое главное — было население. Моя бабушка по матери вспоминала, как они жили до Великой Отечественной войны:

полки были заполнены товарами, продукты питания стоили дешево, социально обустроенная жизнь, был расцвет экономики. Это были красочные воспоминания. И об этом сегодня никто не говорит: официально вся информация искажается и уничтожается, а люди, которые это видели своими глазами, постепенно уходят из жизни. В 1941—1945 гг. полстраны эвакуировали в Сибирь. Я это помню, сам тогда жил в Сибири. А в 1945—1955 годах уже происходило развитие ракетной промышленности. Тогда в ходе дискуссии Евгений Македонович посмотрел на меня зверем.

Заместитель заведующего международным отделом Вадим Румянцев толкает меня ногой под столом: «Слава, пойдем покурим». Я выхожу с ним. «Ну-ка прекрати! Ты знаешь, с кем ты сцепился? Замолчи немедленно», — говорит мне Румянцев. То есть уже в 1974 году на уровне замзаведующего международным отделом люди пасовали перед носителями той точки зрения, которую представлял корреспондент «Правды» Примаков... Даже перед Примаковым. А уж что говорить об этаже повыше. Потом стало ясно, что наш начальник Пономарев и Андропов находились в одной команде.

Механизм «перестройки» осуществлялся сторонниками Примакова вне КГБ, частично привлекая оттуда кадры, которые Андропов лично создавал. Ведь Андропов тоже пришел в КГБ и ЦК не с пустого места. И здесь интересно рассмотреть корни самого Андропова.

— Кстати, о корнях. Какие факторы способствовали карьерному взлету Андропова?

— Андропов же был первым секретарем ЦК комсомола Карело-Финской ССР. За ним стоял Отто Куусинен. А с кем был связан Куусинен? С генерал-лейтенантом госбезопасности Евгением Питоврановым. Это «отец» всех андроповых, примаковых и других деятелей «перестройки».

— Какова была роль Питовранова?

— Нитка тянется от Коминтерна и Льва Троцкого. «Красной нитью» в данной истории проходит борьба Иосифа Сталина с троцкизмом в рядах силовых ведомств. На мой взгляд, это всё создавалось на базе спецслужб.

— Хотите сказать, что троцкизм взял в 1991 году реванш у сталинизма?

— Реванш абсолютный. Причем с теми же идеями — против сталинизма.

— Что из себя представлял Коминтерн?

— Это интересная тема. К ней питали особый интерес арабские компартии, особенно ливанская, у которой была развитая теоретическая база. У ливанцев оставались на тот пе-

риод мощные ветераны Коминтерна. На Волынской даче Сталина мы каждый год проводили совещания арабских компартий, обсуждали планы. В 1968 году ливанцы рвались к архивам Коминтерна, юридически они имели такое право.

Меня тогда отправили в Институт марксизма-ленинизма, где находился суперсекретный архив. Туда даже не пускали по удостоверению работника ЦК. Однако пропуск был мне заказан. Я сел и полистал архив ливанской компартии, после чего доложил своему начальнику Румянцеву: «Вадим Петрович, если честно, я бы им ни одной бумажки не показывал»...

— *Там совсем за гранью?*

— Мат-перемат... Очень грубый был у них характер взаимоотношений. Например, на запросе в Коминтерн с просьбой разъяснить такой-то вопрос стоит виза известного руководителя ведомства: «Прощупать этого мудака!» И далее — в аналогичном ключе. Не знаю, где сейчас находится архив Коминтерна.

— *Коминтерн был разведывательной организацией?*

— Конечно. В 1925—1930 годах создавались компартии арабских стран. Эпицентром коммунистического движения на Ближнем Востоке были компартии Палестины, Сирии, Ирака и Египта. На эту базу Коминтерн посылал своих эмиссаров, которые с кучей денег создавали там партийные структуры, занимались пропагандой. Причем самыми надежными сотрудниками Коминтерна были люди еврейского происхождения, которые не проникались сочувствием к местному населению и четко выполняли указания Центра.

Это к слову о том, почему Британия сделала ставку на создание «Братьев-мусульман» (организация, деятельность которой запрещена на территории РФ. — **Ред**.). Я много изучал материалов на эту тему, читал мемуары британских разведчиков. В результате активности Коминтерна Лондон почувствовал в 1930-е годы угрозу своему влиянию. Причем во всех арабских странах.

Люди, приезжавшие на Ближний Восток с принципами борьбы против колониализма, эксплуатации и угнетения народов, получали на местах мощнейшую поддержку. Французы были менее поворотливыми, а вот британцы сделали все необходимые выводы. Поэтому с 1929 по 1932 год они создали движение «Блокада безбожному коммунизму».

То есть британская разведка представляла борьбу с коммунизмом как битву с безбожием, рассчитывая перетянуть на свою сторону верующее население. Так на свет появились «Братья-мусульмане». Эта организация до сих пор корнями уходит в период 1930-х годов. Правда, система управления

сегодня изменилась, но не намного: МИ-6 просто передала пульт управления ЦРУ.

— *Что из себя представлял Михаил Горбачев?*

— Горбачев — очень недалекий человек, двуличный. У него не было позиции, за исключением желания уничтожить социализм. Горбачев переоценивает значение своих взглядов, чтобы ему на Западе больше платили. Он выносил на Политбюро и принимал решение в зависимости от того, кто к нему первый подходил.

Приведу пример. В ноябре 1988 года я возвращаюсь из Алжира с Национального совета Палестины, когда драка между Арафатом и просирийскими группировками могла уничтожить ООП. Заместитель заведующего международным отделом ЦК Карен Брутенц мне тогда дал устное указание: «Не вмешивайся, ничего не делай. Пусть они друг друга уничтожат. Нам будет проще выходить на дипломатические отношения с Израилем».

Было видно, что Брутенц излагал личную точку зрения, а не официальную позицию. Я взял на себя ответственность и проигнорировал это указание, поскольку в Алжире ко мне подошел Арафат в зале съездов и заявил: «Скажи своим марксистам, чтобы они прекратили меня уничтожать. Я вчера подписал соглашение о сотрудничестве с палестинцами, которые идут на поводу у Хафеза Асада. А сегодня ночью мне поступили звонки от короля Марокко Хасана II и президента Египта Хосни Мубарака, которые потребовали немедленно ликвидировать соглашение. Скажи им, что это не я ликвидировал, а арабские лидеры, против которых я не могу выступать».

Ответил я Арафату следующее: «Абу Аммар, вы — мудрейший из мудрейших, всегда умели маневрировать. Если источником уничтожения исполкома ООП будете вы, то я гарантирую — Москва поддерживать Вас больше не будет». На что Арафат парировал: «Хорошо, я сделаю всё возможное, но ты поговори со своими марксистами». Напомню, что Арафата выкинули из Ливана сирийцы руками пропалестинских организаций. И Арафат был обижен на нас, потому что СССР не защитил его от сирийцев.

После Арафата ко мне подходит его оппонент — лидер просирийского крыла Народного фронта освобождения Палестины Жорж Хабаш. «Арафат — предатель. Вчера мы подписали соглашение, а сегодня он разорвал его», — отметил он. Я сказал Хабашу: «Только что я говорил с Арафатом. Он сказал, что это было не его решение. Вы — мудрый человек, не становитесь причиной уничтожения ООП».

Наши разговоры тогда фиксировали полностью. Очень быстро в международном отделе узнали содержание бесед. Брутенц после моего приезда в Москву неделю не принимал меня — якобы был занят. Уже при встрече он сделал мне замечание: «Я же говорил тебе ничего не делать, а ты проигнорировал мое указание». Я ответил начальнику: «Зато ООП сохранилась, а могла распасться на тысячи террористических организаций».

Когда ответственный работник ЦК, коим я являлся, возвращался в Москву, он готовил информационную записку с изложением ситуации и предложениями. Далее записка шла в Политбюро. Это было чрезвычайно важно. Ведь президент США Джордж Буш несколько раз в день комментировал ситуацию у палестинцев: американцы внимательно следили за событиями. А у нас была тишина, как и сейчас...

После я узнал, что Брутенц за моей спиной внес записку в Политбюро (без моей подписи) — у нас был жесткий порядок, по которому без подписи ответственного за регион работника документ заворачивался общим отделом ЦК (его в свое время возглавлял Константин Черненко) и не рассматривался на заседании Политбюро. Я подготовил бумагу с предложениями и передал ее Горбачеву, который сказал, что резолюция по данному вопросу уже принята, но предложения, изложенные в моей записке, будут реализованы прямым указанием...

Система уже была разрушена. В декабре 1988 года все информационные потоки на ЦК ликвидировали. Никакой информации по спецканалам. ГРУ и МИД прекратили направлять шифротелеграммы. Единственное, что оставалось: КГБ направляла нам обобщающие материалы и аналитику, не ежедневную информацию из посольств, как было раньше. Структура фактически уже отсутствовала. Тогда я ушел на работу в МИД экспертом в управление Ближнего Востока, а мой коллега Виталий Чуркин — экспертом в секретариат к Эдуарду Шеварднадзе.

— *Каким вы запомнили Чуркина?*

Изумительный специалист. Гениальный человек, открытый. Блестяще знал язык. Его Добрынин привел в международный отдел. Чуркин у него в вашингтонском посольстве 10 лет возглавлял пресс-службу.

— *Сильным бы стал министром?*

— Не то слово!

Беседовал ***Саркис Цатурян***
EADaily

Василий ВОРОНОВ

ЖАР-ПТИЦА

РАССКАЗ

1

Вчерашний замминистра, а нынче молодой пенсионер Игнат Ефимович Бирюлин уединился в своем загородном доме в деревеньке Хляби в двадцати верстах от знаменитой Рублевки. Он никогда не интересовался, кто живет за его высоким забором. Тут не принято было общаться с соседями. У местного, хлябинского аборигена ты можешь, допустим, попросить закурить, постучавши в калитку. Узнать о здоровье соседа и о погоде на выходные. У московского же дачника, вроде Бирюлина, ты уже не попросишь закурить и не узнаешь о его здоровье, потому как охранник выглянет в щелку ворот и вежливо посоветует бросить курить. Нет, богатые мучаются в одиночку.

В Хлябях Игнату Ефимовичу стали сниться молодые, почти волшебные сны. Не родные и близкие снились, не друзья и сослуживцы, а люди, которых он едва помнил на родине, в Загряжске. Ни разу не приснилась умершая несколько лет назад жена Катя, и дочка Катрин, живущая с мужем неподалеку в подмосковных Грязях, не снилась. А виделась почти каж-

ПРОЗА

дую ночь мордастенькая Люба, с которой Игнашка учился в начальной школе.

И уже не первоклашка снилась, а дебелая грудастая Любка с толстыми обветренными губами, в тесной короткой сорочке. Странным образом девка была похожа на первоклашку Любу. Девка эта обнимала его полными горячими руками, бесстыдно обжигала ухо своим дыханием, наваливалась сверху прохладным животом и сладко душила его. Он изнемогал от счастья, сучил ногами, задыхался и просил пить...

Мука кончалась только под утро, Игнат сидел на кровати измученный, измочаленный, мокрый от пота. Сердце колотилось в горле под кадыком. Пенсионер пил корвалол, ложился на спину, блаженно улыбался и, наконец, засыпал безмятежным сном.

Так продолжалось каждую ночь, каждое утро. Любы, Тани, Веры, Наташи из туманной юности таинственным образом появлялись в постели рядом, начинались долгие любовные игры, томления духа и плоти, африканские страсти, бесконечные жаркие поцелуи.

Молодой пенсионер холодел от ужаса и восторга, во сне расточал силы, как наяву, на самых тяжелых земляных работах. Заметно похудел, заострились скулы, в глазах появился сухой зловещий блеск. Блуждающая бесстыдная улыбка на шелушащихся губах пугала неутоленностью и жаждой.

Дочь Катрин, на бегу заглянувшая проведать отца, с трудом узнала его и попыталась понять, что с ним произошло. Старик отмалчивался и нервничал. Катрин долго обхаживала его наводящими вопросами, кое-что уловила и для верности спросила прямо в лоб:

— Сексуальные сны?

Игнат Ефимович злобно посмотрел на нее:

— Кино цветное до утра!

Катрин вызвала знакомого врача и строго наказала отцу:

— Доктор будет завтра утром. Надень чистое белье и никуда не отлучайся. Я заеду позже.

Сексолога, обслуживающего богатых клиентов на Рублёвке, звали Дим Димычем, его знала вся Москва. Он общался с известными людьми запанибрата, хамил им, заискивал, сплетничал и знал все порочные тайны знаменитостей. Ему всё прощали, он был завсегдатаем телевизионных шоу, его звали на юбилеи, похороны, премьеры. Ни один скандал или тяжба на Рублевке не обходились без его участия. Дим Димыч знал всё и всех.

Доктор был мал ростом, гибок, вертляв, речист и назойлив. Наблюдателен и остроумен. Большая бритая и желтая,

как тыква, голова, сиреневый пиджак и красная бабочка выделяли его в любой компании.

Прямо с порога, едва поздоровавшись, Дим Димыч попросил хозяина:

— Позвольте рюмку водочки, я что-то неважно себя чувствую с утра... Не составите ли, заодно, компанию?

Игнат Ефимович принес водку и томатный сок. Дим Димыч изящно опрокинул рюмку, пригубил сок.

— Ну-с! Сядьте вот тут, напротив окна. Смотрите мне прямо в глаза. Отвечать только на мои вопросы, четко и коротко!

Доктор самозабвенно погрузился в действо, в процесс. Говорил, рассуждал сам с собой, намекал, то угрожая, то хихикая. Отрывисто и резко спрашивал Игната Ефимовича о вредных привычках, о тайных пороках, о пьянстве, обжорстве и т.д.

Дим Димыч порывисто ходил вокруг кресла, на котором сидел пациент и рассуждал:

— Молодой пенсионер... Кгм, понятно, понятно... Бессонница, значит... Сны золотые. Работает, значит, механизм. Жена, значит, три года, как... царствие небесное. На пенсии силушка по жилушкам поперла. Днем, значит, девочек приглашаем? Виски, шампанское, устрицы... Виагру кушаем? А ночью сны золотые?

— Дурак ты! — грубо прервал Игнат Ефимович. — Балаболка. Ты, наверно, про себя рассказываешь?

— Вот-вот! — засмеялся доктор. — Типичная картина, типичный пациент! Никто не признается в старческом блуде, сладострастии. Признайся, старичок, приглашаешь девочек на массаж?

— А ты не шулер? — Игнат Ефимович встал, намереваясь выпроводить доктора. — Я таких бойких насквозь вижу...

— Стоп-стоп! — резко осадил Дим Димыч. — Я доктор наук, профессор, академик! Это сеанс, я устанавливаю, нащупываю диагноз. Молчи и слушай! Сядь и сиди!

Игнат Ефимович покорно сел и теперь уже молча слушал нервного доктора.

— Ничего критического пока не вижу, но... Но! Целый букет психопатических расстройств уже рядом, дышат тебе в затылок, ждут момента. Если не принять меры, то жди в гости психоз, шизофрению, а возможно, и паранойю.

— Паранойю? — заикаясь, переспросил Игнат Ефимович.

— Именно!— Безжалостно прокричал доктор. — Сексуальная похоть в старости обусловлена колебаниями гормонального фонда. Тут виновата, может быть, бабушка. Или прабабушка. Наследственность. Например, бабушка или прабабушка страдали бешенством матки...

— Боже упаси! — Игнат Ефимович трижды перекрестился.

— Ничего необычного в этом нет. Этой болезнью страдали известные люди, к примеру, Пенелопа, Мария Медичи, грузинская царица Тамара, Екатерина Вторая. И в наше время в Москве примеров сколько хочешь, но я не имею права разглашать...

— Наплевать на прабабушку, царицу Тамару и на всю Москву! Ты скажи, что мне делать?

Доктор достал золотое перо, фирменные бланки.

— Сейчас я выпишу рецепт. Самое простое и чрезвычайно действенное средство. На основе хмеля, душицы, дурмана и сладко-горького паслена. Кгм, кгм.... Осмелюсь попросить еще рюмку водки.

Появилась Катрин с румяными щеками, с резкими тропическими оттенками редких духов. В комнате стало прозрачнее и праздничнее. Пока отец ходил за водкой и бутербродами Дим Димыч коротко рассказал ей результат обследования. Главный вывод он приберег для нее.

— Отцу нужно сменить среду обитания, место жительства. Здесь он затворник, никакого общения. Отсюда фантазии, эротомания. Заберите его к себе, в конце концов.

Катрин на секунду смутилась.

— У нас та же среда... Мы с ним обсудим это вдвоем.

2

Сексолог Дим Димыч легонько подтолкнул Катрин к возможности переменить место жительства отца. Семя упало на готовую почву. Мужа Катрин, известного математика, академика, приглашали преподавать в Сорбонне. Катрин присмотрела в пригороде Парижа небольшую виллу. Продажа московской квартиры и загородного дома отца могли бы решить проблему наилучшим образом. А для отца Катрин готова была построить дом в Загряжске. Игнат Ефимович и сам давно мечтал вернуться на родину.

— Я любил Москву в молодости, а сейчас это Гоморра! — часто говорил он. — Катя умерла, теперь мое место в Загряжске...

После школы Игнат самостоятельно поступил в сельхозинститут, с отличием закончил его и был, как говорят, на виду. Простодушный и ласковый богатырь, с хитрецой, верный и совестливый товарищ. А уж когда засмеется, зальется по-детски звонким смехом, откинет назад непослушный кудрявый чуб — нельзя было не полюбить, не проникнуться к этому загряжскому парню. Я и сам чувствую, что попал под его обаяние и вряд ли смогу беспристрастно говорить о товарище. Заранее прошу читателя не

судить строго за снисходительность к вредным привычкам моего героя и обидную, может быть, ядовитость его речей.

Игната позвали в комсомол в одном из районов Москвы, через год он стал первым секретарем. Из комсомола направили директором мебельной фабрики, потом секретарем парткома автозавода. К тридцати годам Игнат Ефимович был уже секретарем Московского горкома КПСС. Фортуна благоволила... Но, боже, как хрупка фортуна! Через пару лет уже не было горкома и самой КПСС...

Бывшая номенклатура жила в Кунцево, в партийных многоэтажках. После известных августовских событий безработные товарищи кучковались по квартирам и пили по-черному. Игнат Ефимович от безысходности пил вместе со всеми и помногу, теряя человеческий облик. Его, небритого, помятого, отощавшего встретил сослуживец по мебельной фабрике, кажется, бывший главный инженер, ставший влиятельным чиновником при Ельцине.

А через месяц Игнат Ефимович Бирюлин чудесным образом вошел на правах хозяина в огромный, как вокзал, кабинет заместителя министра, где и просидел двадцать один год! Пардон, прослужил! Можно сказать, недаром ел свой хлеб, посмотрите на награды. Два ордена советских и два Ельцин дал. Десять медалей, государственная премия. Грамот и благодарностей даже не считал. Подарков на машине не увезешь. Не для широкой огласки, даже пистолет имеется с разрешением и гравировкой.

Что касается материальной стороны, имеет квартиру в центре Москвы, двести метров. Через стенку маршал живет. Загородный дом в Хлябях. Почему, спросите, не на Рублевке? Не по чину. В этом отношении он скрупулезный донельзя. Если в долларах считать, не миллионер, но капитал есть. Что есть, то есть, нечего греха таить. Брал? Ну, кто ж не брал в девяностые? Опять же, брал по чину, как бы гонорар, как бы компенсацию к зарплате. А чтобы просто так, как взятку, — боже упаси! Конечно, вы можете ехидно улыбаться, не зная фактов. Непосредственный начальник Игната Ефимовича, министр, бывший, конечно, один раз взял не по чину, так на него надели наручники прямо на работе. Только и видели этого министра! А Игнат Ефимович двадцать один год...

Нет, скользкая это тема — деньги считать в чужом кармане. Один загряжский бухгалтер говорил в таких случаях:

— Не видел, не слыхал, брехать не стану.

3

Домик с мансардой прямо напротив Загряжского собора вырос сказочно быстро. Катрин начала стройку и почти ме-

сяц безвылазно прожила в Загряжске. Она подыскала бригаду и прораба, что было не то что трудно, но почти нереально. Загряжск всасывал, впитывал строителей, как промокашка. Строились или перестраивались почти все поголовно. Кровельщики, сварщики, каменщики, даже разнорабочие ездили на иномарках, разговаривали с клиентами через губу и заламывали цены по европейским меркам, но при этом всячески уклонялись от гарантий качества. Катрин искусно миновала все трудности, крепко взяла в свои маленькие ручки вожжи и управляла всей стройкой через прораба Арсена. Честолюбивого, вспыльчивого и на редкость в своей профессии честного армянина.

Через месяц на смену Катрин приехал в Загряжск Игнат Ефимович. Трогательная была минута. Перед собором старик, снявши кепку, трижды перекрестился, поклонился, медленно обошел вокруг храма, поднялся по чугунным ступенькам, прошел в толпе поближе к алтарю, стал на молитву. Что думал, чувствовал он в эти минуты, ступивший на родную землю впервые через сорок с лишним лет? Впрочем, бывают минуты, когда лучше не спрашивать, а помолчать, постоять у алтаря, слушая «аллилуйю» настоятеля собора.

Работа на подворье была в самом разгаре. В доме шли отделочные работы, мансарда была уже готова для жилья, подключили все коммуникации. Во дворе кроме главного дома возводились еще три строения: флигель гостевой, домик для охраны и флигелек для обслуги. Подворье площадью в полгектара обнесли высоким забором из итальянского кирпича.

Тяжелые стальные ворота с калиткой открывались и закрывались автоматически. По всему периметру стояли камеры наблюдения. Почти всё, как в Хлябях. До окончания стройки Игнат Ефимович жил в загряжской гостинице, ежедневно по утрам наведываясь на свою усадьбу.

Прислугу подбирала Катрин. Пока что приступили к дежурству поочередно три охранника. Повара же, горничную, дворника и садовника решил принимать лично сам хозяин. Но прежде он познакомился с охранниками и коротко поговорил с каждым из них. Все трое были загряжцы.

Петро Никитич Горбань, как старший по возрасту, неофициально стал старшим всего отряда охраны. Он и держался по-военному, покрикивал, приказывал, грозил длинным указательным пальцем. Хотя его никто не слушал и тем более не боялся.

Знакомство проходило в беседке. Игнат Ефимович пил кофе, гостя потчевал минералкой. На дворе стоял май, где-то близко погромыхивало, тянуло речной свежестью. Далеко за

горизонтом в густой синеве змейками скользили молнии. К городу подходила гроза.

— Я твою родню, Горбаней, помню. — говорил Игнат Ефимович, внимательно разглядывая охранника. — Твой отец Никита ачуром в рыбнадзоре служил?

— Точно так! — бодро отвечал Петро. — В Загряжске батю все знали.

— Сам кто по профессии? Какое дело знаешь?

Петро Никитич смутился от важности.

— Я все умею. В армии сержантом был. В райкоме комсомола шофером работал. В Волгодонске Атоммаш строил, на кирпичной кладке две нормы давал. На конезаводе конюхом... Художником и солистом в Доме культуры три года состоял, у меня баритон с бархатом. Профсоюзной организацией руководил в райпотребсоюзе. Завхозом в доме престарелых, бухгалтером у местного фермера, и так далее... Я, например, музыкальный инструмент цымбалы из дерева могу сам сделать и сыграть на нём.

— Сделать из дерева и сыграть? — весело спросил Бирюлин.

— И сыграть! — засмеялся Петро Никитич.

— Изволь! — вдруг серьезно попросил Игнат Ефимович. — Сделай мне, пожалуйста, цымбалы. Я оплачу заказ.

— Для тебя, земляка, бесплатно изображу!

Второго охранника все звали как-то странно: Витёк, как хлопца на побегушках. Хотя хлопцу было уже за шестьдесят.

— Почему? — спросил Игнат Ефимович. — Почему Витёк, а не Виктор... Как по батюшке?

— Фролович.

— Почему не Виктор Фролович?

Словоохотливый Витёк охотно рассказал историю.

— Вот вы разумный человек, сразу в корень зрите... Как недоросля кличут, как дворняжку. А я техникум кооперативный кончил. В политике соображаю покрепче, чем мой дядя, загряжский мэр Развозжаев Марат Казимирович, вы, наверно, знаете... Так вот: я жертва. Не улыбайтесь, самая политическая жертва! Вся жизнь пошла прахом из-за фамилии Мудозвонов...

Игнат Ефимович все же не мог удержаться от улыбки.

— Почему Мудозвонов?

— Папа мой был Фрол Колокольников. Всю войну Берию возил. Сталина и всю верхушку своими глазами видел. И отца, конечно, знали. Личный шофер — это как личный повар, может, еще ближе. Хозяин всё время рядом и даже разговаривает. Внимание оказывал, как родному. Бывало, на фронте в суете забывали покормить шофера. Если, не дай бог, об

этом узнавал Лаврентий Павлович, то летели головы. Так вот, по случаю какого-то праздника Берия похлопотал, чтобы папу наградили Благодарностью Верховного Главнокомандующего. Папе торжественно вручили Благодарность. А там было написано: Фролу... Мудозвонову. Папа показывает Лаврентию Павловичу: «Тут ошибка...» Берия взял в руки бумагу, прочитал и строго сказал: «Товарищ Сталин не может ошибаться, меняй паспорт». И моя жизнь пошла наперекосяк. Из-за фамилии не допускали к руководящим должностям. Ушла жена... Заполняешь какой-нибудь бланк, переспрашивают, хихикают. Теперь до смерти буду Витьком и Мудозвоном.

Игнат Ефимович сочувственно развел руками:

— Но ведь можно было поменять, вернуть настоящую фамилию! Теперь-то можно?

Виктор Фролович с укором посмотрел на земляка.

— Вот вы министр, а не знаете, какую силу имеет государственная бумага. Пробовал я заменить фамилию... В паспортном столе просят указать причину. Я пишу: мол, из-за ошибки товарища Сталина. Просят подтвердить ошибку документами. Я показываю Благодарность Верховного. Мне говорят, это адресовано вашему папаше, а вы Мудозвонов от рождения. В общем, сказка про белого бычка. От меня прячут глаза и отказывают. Оказывается, и сегодня не может ошибаться товарищ Сталин! Может, вы, товарищ Бирюлин, пособите на старости лет исправить ошибку?

Игнат Ефимович обещал пособить и написать личное письмо кому следует.

Третий охранник, которого пригласил в беседку хозяин, был потомственный казак и заместитель загряжского атамана Егор Егорович Кособоков. Малорослый, прыщавый и плешивый субъект этот держал себя прямо по-генеральски. Важные рыжие усы, прямая тонкая шея, красные от внутреннего напряжения круглые глаза дадены были ему, кажется, исключительно для атаманского звания.

До того, как надеть лампасы Егор Егорович состоял в должности председателя сельсовета. И тогда еще он отличался важностью и значимостью в осанке. Красные круглые глаза его всегда смотрели требовательно и с подозрением. А когда случалось выпить рюмку-другую горилки, Егор Егорович становился колюч, задирист и до дремучей дури хамоват.

Загряжцы помнят, как он под хмельком заявился на собрание возрождающихся станичных казаков и без особой причины пошел вразнос, понес их по кочкам.

— Вы кто такие?! Холуи и прихлебатели! Власти захотелось? Мы, коммунисты, дадим вам, казакам, такой власти,

что глаза на лоб повылазиют! Мы, коммунисты, вас, казаков, душили, душим и будем душить!

А через несколько лет, после известных событий 1993 года, вернувшийся из Москвы в лампасах и с погонами есаула бывший председатель сельсовета Кособоков рьяно и со слюной кричал в микрофон на митинге в Загряжске:

— Я коммунистам говорю, чтоб запомнили навсегда! Мы, казаки, вас, коммуняк, душили, душим и будем душить!

Игнат Ефимович поинтересовался:

— Кто по профессии?

— Есаул, заместитель станичного атамана! — с гордостью изрек Кособоков.

— Ну, это звание, должность. А что делать умеешь?

— Руководитель, командир.

— Это понятно. А специальность, профессия какая?

От напряжения круглые глаза есаула налились кровью. Он чувствовал в ласковом голосе подвох и насмешку.

— Я же сказал, господин Бирюлин, моя профессия казак!

— А-а... — согласился Игнат Ефимович и полюбопытствовал еще:

— Позвольте узнать, какого вы мнения о ваших товарищах, Горбане и Мудозвонове?

Егор Егорович вздрогнул, словно услышал что-то обидное и недостойное для себя.

— Они не казаки и вообще бесполезные люди.

— Ну как же, — возразил Бирюлин. — Один — специалист по торговой части, а другой — поет, рисует, цымбалы из дерева делает...

— Это пустое, это для забавы. А чтобы по-настоящему, вот так! — Есаул устрашающе сжал маленький рыжий кулак. — На это у них кишка тонка. На грядках с бабами колупаются, жуки навозные.

— Однако ты невысокого мнения о своих товарищах...

— Никакие они мне не товарищи, они мужики!

После этих знакомств и разговоров Игнат Ефимович долго сидел молча, подперев голову кулаком.

4

Родина, она по-особому пахнет. Щекочет в горле, щиплет глаза. Боже мой, как быстро летит жизнь! Звонят колокола на древней колокольне, долго тают медные звуки. Старухи в белых платочках идут к обедне... Нет, не старухи, это вчерашние девчата, одноклассники. Равнодушно смотрят на него, приезжего чужого человека. И он никого не узнаёт, но точно знает, они из его детства. Может, здесь была его насто-

ящая жизнь, а в Москве он пошел по чужой стежке? Вспомнил, как мама причитала, провожая его в Москву: «Чужие люди, чужие углы, зачем ты туда рвешься? Там одни ученые, они все тронутые... Оставайся, женись, дом построим, человеком будешь...» Давно это было. Стал ли он человеком?..

Вместе с грустными мыслями Игнат Ефимович чувствовал, как шевелилось новое, еще неосознанное ощущение. Грусть была желанна, она будила надежды, щемила, будоражила, несла молодое радостное томление. Так печальный русский мотив рождает прилив сил и ощущение полета. Грусть окрыляет, бодрит! Печаль светла.

Чем больше Игнат Ефимович бродил по улицам и закоулкам родного города, тем невозвратнее отдалялся от Москвы. Не было чувства потери или сожаления, огромный кусок жизни неслышно отвалился и медленно отходил в сторону. Но было как-то тревожно. Вместо привычного устоявшегося московского быта пришло ощущение начала долгого путешествия, странствия с неведомыми маршрутами и приключениями. Неизвестность пугала больше всего. Господи, спаси и сохрани! Бывший заместитель министра Игнат Ефимович Бирюлин, как молодой, очертя голову, сиганул в житейский омут.

В долгих пешеходных прогулках по Загряжску бывший москвич много передумал, вспомнил и многое уяснил для себя. Неожиданные встречи и разговоры с земляками иногда ставили его в тупик, оставляли горький осадок, но он не прятался от упреков и насмешек старых знакомых.

Случайная встреча произошла в старом парке, в летнем кафе. День был безветренный и жаркий. Игнат Ефимович взял кружку пива и сел за дальний столик в тени под цветущей яблоней. За столиками сидели и пили пиво десятка два посетителей. Через некоторое время старик заметил, что за ним наблюдает какая-то женщина, заметно нетрезвая и одетая, что называется, с чужого плеча, довольно неряшливо. Женщина не совсем уверенно подошла и села за столик напротив Игната Ефимовича, улыбаясь, как старому знакомому.

— Не узнаешь?

И, засмеявшись, закашлялась.

Игнат Ефимович вздрогнул, соображая. Через секунду опустил глаза.

— Люся...

Перед ним сидела седая, с бесцветными губами, с маленьким морщинистым лицом одноклассница.

— Узнал. Страшная, без зубов... Да и ты, орёлик, пообвял. Помирать, значит, домой приехал?

Игнат Ефимович чувствовал себя неловко и отвечал с фальшивым пафосом:

— Жизнь прошла! Пора и о смерти думать. Я рад, очень рад тебя видеть, ей-богу! Какая была красавица!

— Было дело. Целовал, провожал... Или нет?

— Целовал. Провожал... Тебя все обожали!

— Только замуж не позвал. У тебя тогда Москва на уме была... Я бы лишним довеском стала, правильно сделал... Иначе бы министром не стал.

— Да какой министр! — по-юношески кипятился Иван Ефимович. — Ну, был замом, невелика шишка!

— Брось, не задавайся! Знаю, что про тебя тут говорят... Дом вон какой строишь, с прислугой... — Женщина как-то горько улыбнулась и хлопнула себя ладонью по коленке. — Да что я к тебе пристаю! Не жена, не подруга, а так — плюнуть и растереть! Не боись, орёлик, не буду тебя конфузить. Дай мне на пиво и будь здоров!

Игнат Ефимович быстро встал и, смущаясь, рылся в бумажнике.

— Вот! — сказал он. — Извини, что так...

Одноклассница с ужасом глянула на крупные купюры, с опаской взяла, проворно сунула в карман и быстро, не оглядываясь, скрылась за углом.

Одноклассник и, можно сказать, друг детства по прозвищу Колька Руль разыскал Игната Ефимыча прямо в гостинице. Его привела недовольная и даже рассерженная дежурная.

— Этот нахальный дед, — сказала она, не заходя в комнату постояльца, — нахал этот говорит, что он ваш дружок...

Худой юркий дедок с белой бородкой, выскочил из-за спины оробевшей хозяйки, бросился с объятиями к постояльцу с воплями неподдельной радости.

— Игнаха! Кореш!

Игнат Ефимович в растерянности смотрел на старичка сверху вниз, не зная, как ответить. Дедок бил себя в грудь и вопил:

— Руль я! Колька Руль!

Игнат Ефимович расцвел в улыбке и обнял друга детства.

— Коля!

Через полчаса друзья ужинали в гостиничном ресторане и говорили без умолка. Вернее, говорил Колька Руль, а Игнат Ефимович разве что успевал вставить вопрос.

— Расскажи про себя, про всех наших... Кто в Загряжске остался, кто умер...

— Перво-наперво, кого нет с нами. Ты пока налей. Теперь, будем считать... Генка Булькатый электрик, Ваня Копчик тракторист, Жора Мухортый пожарник, Вера Жукова медсестра... Четырнадцать человек, полкласса. Вера Жукова приезжала в прошлом году, спрашивала о тебе, очень хотела увидеть... Царствие небесное!

Выпили по три стопки, Колька Руль заметно закосел, раскраснелся и стал по-дружески поучать одноклассника:

— Ты только не серчай, я правду в глаза люблю. Зачем ты, Игнаха, хоть ты и богатый человек, деньги прохожим раздаешь?

Игнат Ефимович с недоумением посмотрел на одноклассника.

— Я не богатый человек, и никогда не раздавал деньги, тем более, на улице.

— Знаем, знаем! — Колька Руль погрозил пальцем. — Знаем вас, миллионеров! Кто Люське кучу денег отвалил? Она хвалится каждому встречному поперечному, любовника богача завела! И пьет чешское пиво!

Игнат Ефимович брезгливо поморщился. Колька выразительно поднял указательный палец.

— Я предупредил! Теперь жди, попрут просители, прятаться будешь. Имей в виду, тут взаймы никто не дает, потому что долги никто не возвращает. Имей в виду! Покажешь слабинку, будут доить, как холмогорскую корову. Я тут всех насквозь вижу, и могу тебя остеречь от очень неблаговидных безработных жуликов. Ты человек видный, большая шишка, значит, жди пакостей от электората, особенно от баб... От них все персональные дела. Сколько народу на моей памяти загубили, не счесть. Партбилеты отнимали, с работы снимали, по тюрьмам-лагерям гнобили... А сейчас моду взяли — за моральный ущерб... Вчера ты был человек, на хорошей машине ездил, а сегодня из суда вышел голым и босым. За то что секретаршу на рабочем месте домогался. Ущипнул за талию. Тьфу, поубивал бы! А ты как думаешь? Плесни еще!

— У тебя жена есть?

— Есть, но в прошлом году ушла...

— Умерла?

— Хуже, к фельдшеру ушла жить.

В голосе одноклассника слышалась застарелая ревность, обида. Игнат Ефимович не к месту пошутил:

— Говорят, баба с возу, кобыле легче.

У маленького седого Кольки дрогнули губы.

— Так-то оно так... Мать ее! Тьфу! Плесни еще...

Колька Руль потерял интерес к однокласснику, встал, покачиваясь, непонятно махнул рукой и нетвердо засеменил восвояси.

5

На очереди был визит к мэру. Бывший замминистра должен был познакомиться с градоначальником сразу, как только приехал в Загряжск, так положено. Никто, конечно, не упрекнет, тем более что новый житель не абы кто, а московская шишка со связями, его губернатор на «вы» называет. А впрочем, кому какое дело, с кем общаться и к кому ходить с визитами вольному человеку, пенсионеру? Он никому ничего не должен.

Кое-что о загряжском мэре Бирюлин слышал от своего охранника Мудозвонова. Племянник очень гордился своим дядей.

— Марат Казимирович большой человек. Он выпивал с президентом, с премьером, с прокурором генеральным, с маршалами... Всё документально, фото есть. Вот вы, допустим, тоже большой человек, вы выпивали с президентом?

— Нет, с президентом не выпивал.

— А с президентом республики Чад выпивали?

— И с президентом республики Чад не выпивал.

— Да... А Марат Казимирович выпивал, поэтому его никто не трогает. Шутка ли! Остановила полиция его машину где-то под Воронежем, требуют документы. Он вынул фотографию и говорит: я с президентом выпиваю! Они сличили — и под козырек: доброго пути, Марат Казимирович, извиняйте, если что не так! Будете, значит, у дяди, привет ему передайте агромадный от племянника Мудозвонова. Скажите, что я у вас работаю.

Марат Казимирович встретил Бирюлина в своем кабинете радушно, радостно, долго жал руку, заглядывал в глаза.

— С возвращеньицем на родину, значит, к истокам. Хлеб-соль, дорогой землячок. Чем богаты...

Марат Казимирович широким жестом обвел накрытый стол, в центре которого на огромном блюде возлежал запеченный осетр. А вокруг десятки блюд и закусок...

Растворились боковые двери, к столу вышли руководители, депутаты и вся элита Загряжска. Каждый подходил к гостю, представлялся и почтительно пожимал руку. Процедура заняла много времени. Игнат Ефимович заметно утомился, вытирал платком мокрый лоб и растерянно оглядывался. Марат Казимирович спас положение и, взявши в руки бокал, с пафосом произнес тост.

— Хватит, значит, баснями угощать... Тут все свои люди. Сегодня мы принимаем заслуженного сына, нашего друга, на родине... Волнение и половодье чувств захватывает нас, и

все мы испытываем ощущение благодарности к президенту, как к нашему отцу. А Игнат Ефимович работал с президентом, и знает его рукопожатие... Знай же, дорогой земляк, что теперь ты член нашей семьи и, когда придет час, будешь похоронен со всеми почестями в церковной ограде, в Пантеоне...

За столом зашевелились, зашушукались, даже захихикали. Марат Казимирович постучал вилкой по тарелке.

— Цыцте, умники! Вы думаете, что ваш мэр такой дурак, что заживо хоронит нашего незабвенного друга?.. Меня обуревает ваше невежество! Я хочу возвысить нашего друга до Пантеона, а не принизить его до неуютных могилок рядовых граждан...

Впрочем, незначительные погрешности не могли испортить праздничного настроения, прием удался, чиновничество приняло стреляного московского воробья в свою стаю, в кубло. Когда все разошлись, Марат Казимирович попросил гостя задержаться. И вот какой между ними состоялся разговор.

— Понимаешь, какое дело, скоро выборы в Думу. Я хочу в Думу. Тут я погибну. Зрительно представляю, как меня выносят из мэрии вперед ногами.

— Мрачная картина...

— Не вру, ей-богу! Сдохну, как собака!

— Что случилось?

— Не поверишь, спиваюсь.

— Не верю! Цветущий вид, оптимист, энергия через край.

— Э-э, оптический обман. По утрам руки трясутся. Жена уже не сочувствует.

— Блажь! Я вот двадцать один год...

— Москва большая, у вас оборот не тот. В Загряжске за год тыща делегаций бывает. Первые лица ездют! С президентом, допустим, нужно выпить? С премьером нужно выпить? С губернатором? С депутатами, с военачальниками... С президентом республики Чад... Попробуй откажись. «А где мэр Развозжаев? Я хочу выпить с мэром». Ну и пьешь, как скотина, каждый божий день. Жена не то что не сочувствует, разводом угрожает.

— Ну а если там сухое или шампанское... Симулировать не пробовал?

— Пробовал! Когда баб нет — проскакивает. А когда бабы, даже не мечтай, специально следят, чтоб только водку и до дна. Да и сам, ей-богу, перья распускаешь, норовишь на брудершафт... Пособи в Думу сесть, Ефимыч! Выступи пару раз перед земляками, замолви слово, тебе поверят. Главное, ты с местными не замазан, ты святой...

— Только не лебези, не люблю.

5

Во двор завезли чернозема, насажали сосенок, лип, рябины, можжевельника. Разбили клумбы, выложили мрамором дорожки. Бирюлин коротко сказал новому садовнику:

— Чтобы тут всё росло, цвело и пахло. Задача ясна?

— Ясней некуда, Ефимыч, буду способствовать.

Садовник Ким Криворотов, бывший пасечник пригородного сельхозпредприятия, уволенный по случаю мора всех ульев и ликвидации пасеки, имел способности характеризовать любого жителя Загряжска с головы до ног и давать прозвища. Это качество понравилось Бирюлину, и он часто расспрашивал садовника о своих старых знакомых и вообще о загряжцах.

Рекомендовали, например, повариху из местных, Зинаиду. Игнат Ефимович не преминул поинтересоваться у садовника, что о ней говорят в городе.

— Шаурма! — Засмеялся беззлобно Ким. — Баба самостоятельная, профессор! Но ядовитая, как тарантул. Семь мужей было, а сейчас прекрасная вдова...

Зинаида явилась в усадьбу Бирюлина в макияже, с локонами, на высоких каблуках, как на именины. Не робела, не кокетничала перед именитым хозяином, но прощупывала его бабьей интуицией, как рентгеном. Она была вызывающе красива, повариха Зинаида. С большими коровьими томными глазами, словно спросонья, с румяными щеками, а губы, полные непослушные губы источали мармелад, чистый мармелад... Боже, какие женщины водятся на белом свете!

Конечно, Зинаида сильно поколебала молодого пенсионера. Шутка ли, выдержать томление и взгляд архангела, огненный и ласкающий. И, главное, зов, пусть незримый, но явственный. Нужно ли говорить, с каким трудом, с каким мужеством Игнат Ефимович выдержал и томление, и зов, и взгляд. Он ощутил даже некоторое потрясение всего организма. Но...

— Пожалуйста, выходите завтра на службу...

Всё, что мог выговорить бедный Игнат Ефимович.

6

Оставалась вакансия горничной. Ни одна рекомендация не устраивала Игната Ефимовича. Он вдруг стал упрям и придирчив, чего раньше не замечалось. Одна женщина показалась ему старой, другая слишком молодой. Третья простовата лицом. Еще одна, по мнению всех домочадцев, понравилась по всем статьям: и мила, и скромна, и чистоплотна. Но... с четырьмя детьми. Какая из нее работница?

Как всегда в таких случаях, произошло непредвиденное, можно даже сказать, невероятное. Произошел почти трагический инцидент.

У прораба Арсена еще оставались кое-какие обязательства, он приезжал пару раз в неделю, давал указания двум рабочим и водителю самосвала, докладывал что-то Игнату Ефимовичу и уезжал на другой объект. В его ржавом «Мерседесе» всегда сидела молодая женщина. За тонированными стеклами ее не было видно, но намётанный глаз Кима Криворотова видел и знал всё даже через темное стекло.

— Да это Дуська Богданова! Дочка нашего военкома! — объявил он всем, кто был во дворе. — Сразу после школы сбежала из дома к этому женатому армянину Арсену и теперь напропалую живет с ним, где попало. А дома жена Карина и двое маленьких детей! Арсен прячет от Карины Дуську в «Мерседесе» и возит везде с собой.

Военком пообещал застрелить совратителя, как собаку. А жена Арсена поклялась разорвать на куски любовницу.

Криворотов азартно потирал руки.

— Люди добрые! Ожидается драма покруче, чем у Шекспира!

Тут нужно сказать несколько слов о Евдокии. Она только что окончила среднюю школу. Она мечтала... Боже, мне, наверное, уже не представить, о чем мечтает девушка в семнадцать лет! То, что для нас представляется мелочами, безделушками, не имеющими никакой ценности, для пылкого воображения влюбленной обретают ареолы магические. Например, фотокарточка с надписью. Зеркальце в футляре. Флакончик духов. Темные очки. Колечко или перстень... Подарки от любимого обожествляются. Имя заставляет млеть, трепетать, воображение переполняет, уносит в горние веси...

Отец Евдокии полковник Богданов был умным, но по-мужски, по-военному прямым и грубым. Он знал, что дочь связалась с женатым человеком. Долго молчал, переваривал, переживал. После школьного выпускного вечера сказал дочери сухо, жестко:

— Хватит, знает уже весь Загряжск! Ты опозорила меня... Или конец комедии, или уходи с глаз долой!

Евдокия ушла из дома.

7

Арсен подъехал к усадьбе Бирюлина на своем ржавом «Мерседесе» и припарковался подальше от ворот, в холодке, под старой тютиной. В мансарде на открытой веранде его ждал Игнат Ефимович. Хозяин и гость сели за плетеный стол и

стали говорить о сроках завершения работ и об окончательном расчете с бригадой. Прошло не более получаса, как со двора послышались истерические женские крики, звон разбитых стекол и тяжелые удары по жести, по металлу. Арсен побледнел и быстро сбежал по лестнице во двор. Охранник что-то кричал ему и показывал на «Мерседес».

Под тютиной случилась баталия. Разъяренная женщина с длинными развевающимися волосами, с обезумевшими белыми глазами рубила лопатой лобовое стекло и широкий капот «Мерседеса». С каждым ударом она приседала, хрипло ругалась и приговаривала:

— От твоей Карины! От деточек Рубенчика и Тамарочки! От дедушки, от бабушки! От мамы, от папы! По башке тебе, билять и твоей суке, билять!

Арсен подошел сзади, оттолкнул плечом жену и положил голову на капот, оголив белую шею.

— Руби! — крикнул фальцетом. — Секи башку, безумная баба!

Открылась задняя дверь машины, девушка в длинном белом платье с кошачьим проворством выскользнула и в мгновение ока скрылась в воротах усадьбы. Карина с лопатой кинулась было вслед, но Арсен сгреб ее в охапку и с силой впихнул в машину. «Мерседес» рванул так, что задымились шины.

Девушка в белом платье взбежала в мансарду и оказалась почти в объятиях Игната Ефимовича. Лицо ее пылало, губы дрожали от возбуждения и от животного страха. Тем не менее девушка бросилась к окну, не замечая растерянного Игната Ефимовича.

— Предатель! Изменник! — Девушка рыдала, по-детски размазывая слезы кулаком. Выла, запрокидывая голову, стонала. Горе было так сильно, безутешно, что Игнат Ефимович поспешил подать ей полотенце, стакан воды и уверял, что опасности уже нет...

Через несколько минут девушка была в состоянии вразумительно объяснить происшедшее. Она, Евдокия, дочь загряжского военкома Богданова, сбежавшая из дома из-за безумной романтической любви к женатому прорабу Арсену. По ночам возлюбленный прятал ее у своих друзей, а днем неизменно возил с собой в «Мерседесе». Жена Карина почти сразу узнала об измене мужа и долго выслеживала его, выбирая для мести удобный момент. Арсен же скоро стал тяготиться безумной страстью возлюбленной и мучительно искал предлог избавиться от нее. Обманутая жена вмешалась вовремя, иначе развязка была бы непредсказуемой...

Игнат Ефимович ходил по комнате, заложив руки за спину, покусывал губы, молча слушал нежданную гостью. Евдокия уселась в кресле, поджав под себя ноги, тщательно вытирала полотенцем размазанную под глазами тушь. Она была красива редкой неправильностью лица. Большие черные с восточным разрезом глаза. Длинные, как у верблюдицы, чувственные губы с легким оттенком насмешливости и презрения. И такая же гордая, как у верблюдицы, высокая шея. Тонкий хрящ носа с нервными крылышками ноздрей. Толстая коса смоляных с металлическим отливом волос с вплетенным красным бантом. «Жар-птица! — было первое впечатление далеко не впечатлительного Игната Ефимовича.— Жар-птица посетила мое жилище»!

— Он клятвопреступник! — страстно уверяла Евдокия, но уже без истерики. — Я убью его! Я зарежу его ножиком! Нет, я доверила вам тайну и прошу вас помочь отомстить! Вы поможете мне! Вы большой сильный человек, Арсен рассказывал о вас... Нет, мой отец рассказывал...

— Я завтра позвоню отцу, мы обо всем поговорим и, надеюсь, все уладим.

Евдокия соскочила с кресла и умоляюще сложила руки на груди:

— Нет! Отец не должен знать ни о чём! Иначе я пропала. Никто не должен знать! Вы спрячете меня, пока мы не отомстим Арсену!

— Хорошенькое дело! — воскликнул Игнат Ефимович. — А что скажет папаша, когда узнает, что я прячу его дочь у себя в доме? Да он просто возьмет пистолет и пристрелит меня! И правильно сделает!

— Он трус и никогда не возьмет в руки пистолет. Я открою вам, как настоящему мужчине, еще одну тайну. Я неродная дочь полковника Богданова! Мой отец артист Бескровный! И моя мама убежала с ним от Богданова, когда мне было два года. Помогите мне отомстить Арсену!

Евдокия смотрела Бирюлину прямо в глаза, не мигая. Прожигала насквозь. Ее лицо и шея покрылись красными пятнами, тонкие ноздри трепетали. Боже, подумал Игнат Ефимович, какие страсти клокочут в душе этой девочки! Он попытался было перевести разговор в шутку.

— Ну, не убивать же мне Арсена за то, что он обманул тебя!

— Да! — твердо сказала Евдокия. — Вы должны убить его, зарезать...

Евдокия опять расплакалась и стала бестолково и сбивчиво пересказывать, как Арсен соблазнял ее, как сулил золотые горы, как обещал увезти в Москву...

— Хорошо! — решительно подтвердил Игнат Ефимович. — Зарежем! Завтра!

Евдокия даже не удивилась, с какой легкостью согласился бывший замминистра зарезать злодея-изменщика. Она впервые улыбнулась застенчивой детской улыбкой и преданно посмотрела в глаза своему спасителю. Через несколько минут она крепко спала на диване, свернувшись калачиком. Игнат Ефимович накинул на нее плед и долго молча стоял, покачивая головой.

Утром Игнат Ефимович долго гулял по парку, несколько раз обошел соборную площадь. Все мысли крутились вокруг вчерашнего, он думал о Евдокии. Конечно, девушке нужно помочь. Но как? И что с ней делать? Самое разумное — помирить с отцом, вернуть ее домой. Сегодня же нужно встретиться и поговорить с ним. Возвращался домой с чувством безотчетной тревоги и желанием немедленно сделать что-нибудь для облегчения участи бедной девушки.

Дуся сидела в столовой за большим столом, подперев голову руками. Она была тиха и молчалива. Подняла припухшие большие глаза на Игната Ефимовича, виновато улыбнулась:

— Я, кажется, проспала всё утро...

Пили кофе, обменивались ленивыми словами, молчали, думая каждый о своем. Бывает, что в молчании больше взаимопонимания, чем в долгих разговорах.

— Вчера я сильно удивила вас. Но... всё было, как было. Только об одном прошу: не надо убивать Арсена. — Девушка нервно засмеялась, в глазах навернулись слёзы. — Да вы, наверно, и сами догадались, что я была не в себе... Но сегодня говорю трезво: была бы рада, если кто-нибудь дал бы ему по морде!

— Я буду рад дать ему в морду!

Евдокия рассмеялась, теперь уже от смеха вытирая слезы.

— Нет! Много чести!

8

В этот же день Игнат Ефимович тайком от Евдокии наведался в военкомат. Полковник Богданов был рад и растроган. Он долго и крепко тряс руку гостя, ласково заглядывал в глаза и приговаривал:

— Очень рад, категорически рад встретить в нашем хозяйстве знаменитого земляка! По правде говоря, не верил, что такое может случиться. Это дело надо отметить. Бондаренко!

Через секунду рослый старшина вытянулся перед начальником, словно стоял за дверью наготове.

— Слушаю, товарищ полковник!

— Быстро сообрази нам что-нибудь!

Бирюлин с Богдановым сидели в кабинете, как два закадычных друга, пили водку, закусывали салом с луком и маринованными грибами. И говорили о судьбе Евдокии. Говорил в основном полковник. Игнат Ефимович слушал очень внимательно, лишь изредка что-нибудь уточняя.

— Понимаешь, землячок, — рассудительно внушал собеседнику слегка захмелевший военком, — понимаешь, я ведь люблю ее, как родную! Я ее с пеленок растил, воспитывал... Один, без жены. Ну, понятное дело, были бабы... Но в дом не приводил. Для Дуськи ничего не жалел! Люди завидовали, такие отцы на дороге не валяются. Скоро понял, что взращиваю волчонка... Дикая! Даже кусается. Если возьмусь за ремень, обязательно укусит, покарябает. Дралась с мальчишками старше себя. По чужим садам лазила. Из дома убегала. Учителям дули показывала! Со всех сторон жаловались, в милицию заявляли. Хоть кол на голове теши! Я военный человек, дураков и олухов перевоспитывал. Из прохиндеев и лодырей, из маменькиных сынков высококлассных специалистов делал. А со своей сопливой девочкой я, гвардейский полковник, ничего не смог... Ты ученый человек, скажи, почему женщина живет тысячи лет рядом с человеком, а он ее не может приручить?

Игнат Ефимович как-то неприлично хрюкнул, не сдержавшись, рассмеялся во весь рот. Достал платок, вытер слезы.

— Ну, брат, ты даешь! Я таких афоризмов давно не слышал.

Полковник продолжал рассказ, не обратив внимания на реплику.

— С Дуськой случай особый, можно сказать, исключительный. Ее бабушка, моя теща, природной цыганкой была. Разве можно цыганку приручить? А ты смеешься... Я женился исключительно по любви! Жена Розалия была как две капли похожа на цыганку Кармен из оперы. С тёщей познакомился, когда уже Дуська родилась. По молодости кто из нас разбирается, какого ты роду-племени? Вот и я узнал, когда моя Розалия оказалась цыганкой и сбежала с каким-то артистом Бескровным! Дуське два годика было. Хлебнул счастья по полной! Конечно, буду рад, если Дуська вернется. Но через время опять сбежит, кровь бродяжья. Сбежит, хоть ты ее мармеладом корми!

— Чем я могу помочь?

Военком как-то ехидно усмехнулся.

— Как говорил казак Гришка Мелехов, дюже трезвые мы для такого разговора. Давай выпьем!

Выпили, закусили грибами. Военком вдруг посмотрел на Бирюлина ясными трезвыми глазами.

— А ты, землячок, возьми ее замуж!

Игнат Ефимович поперхнулся, закашлялся.

— Не шути так, не смешно.

— Я всерьез, ты самая ей пара. Авторитет, состоятельный и еще не старый. Молодые девки за такими гоняются. И я буду спокоен, глупостей не наделаешь... Кстати, она не один раз спрашивала у меня о тебе: кто такой, откуда и какой у тебя интерес в Загряжске... Ну, я вроде в шутку отвечал: мафиози московский...

Разговор пошел вялый, ни о чём. Какая-то натужность, неискренность повисла в воздухе. Выпили еще по одной. Игнат Ефимович попрощался и с облегчением вышел на улицу.

9

Прошло несколько дней. Дуся целыми днями сидела у окна, не замечая ничего и никого вокруг. Игнат Ефимович тихо заходил и приглашал ее в столовую на завтрак или на обед. Она не возражала, но виновато просила: потом, позже... И он уходил, не осмеливаясь спросить или заговорить о чём либо. Он видел, что девушка не хотела никого близко подпускать к себе в эти минуты. Игнат Ефимович не понимал ее замкнутости. Он предложил ей, как ему казалось, разумный и правильный выход.

— Дуся, девочка, — сказал он по-отцовски ласково и строго. — Ты больше не должна прятаться и стесняться своего положения. Предлагаю тебе работу и комнату в своем доме, мне нужна горничная.

Девушка молча кивнула, согласилась. Иван Ефимович сообщил об этом отцу и объявил прислуге, особенно поварихе Зинаиде. Повариха поздравила хозяина и с игривой улыбкой сказала очень выразительно:

— Лучшей горничной и по конкурсу не сыскать.

А на кухне за чаем говорила охраннику Горбаню и садовнику Криворотову:

— Жалко Ефимыча! Эта пичужка подведет его под монастырь.

И вздыхала. Глядя в зеркальце, подкрашивала полные малиновые губы.

Криворотов тут же выпустил свой яд:

— Раньше надо было показывать Ефимычу свои богачества!

И заржал, залился, дурак, как жеребец.

10

Усадьба приобрела, наконец, законченный вид. Во дворе и в доме появился если и не образцовый порядок, то жилой дух и в какой-то мере домашний уют. Евдокия выполняла свою работу просто и привычно, не упуская ни одной мелочи. И невесомо скользила по двору, как хозяйка, по-царски одаривая всех легкой высокомерной улыбкой верблюдицы. Она была свободна, надолго уходила в город, никого не предупреждая и не отпрашиваясь. Как-то незаметно отдалила, изолировала себя от Игната Ефимовича, свела общение с ним, как подчиненная с начальником. Он заметил это и обиженно спросил:

— За что?

Дуся как-то загадочно грустно улыбнулась:

— Все скоро изменится...

И попросила, потребовала, неожиданно перейдя на «ты»:

— Дай мне твою руку!

Развернула сильными пальцами кверху его тяжелую ладонь, разгладила и стала водить пальцем по линиям и буграм, пристально вглядываясь. Помолчала, обдумывая. Приблизила к нему почти в упор огромные черные зрачки:

— Ты ненадежный человек! Много заблуждений, много ложных ожиданий, много обманов... Но старость будет чище молодости. Каяться будешь. Счастливым умрешь!

Игнат Ефимович хотел спросить, уточнить, но она засмеялась и погрозила пальцем:

— Цыганка видит, но не знает. Прощай!

Девушка послала ладошкой поцелуй и скрылась в своей комнате.

Ночью ему приснился случай из молодости, который всю жизнь не давал покоя, не поддавался толкованию и не мог найти оправдания. Он приходил именно во сне, в разных обстоятельствах, с разными подробностями. Неизменным был только его, Игната Бирюлина, поступок, мимолетный жест, который и много лет спустя, на старости лет, заставлял просыпаться с мучительным и непоправимым раскаянием.

Сон

Солнце и ветер, небо в низких тучах, бесконечный майский день. Кусты черемухи гнутся к земле от белой кипени, ветер разносит густой сладкий настой. В саду кровянеют поляны тюльпанов, а по меже в густых тернах дробно, сильно, во все тяжкие сходят с ума соловьи.

...Он, студент, только что с поезда, из Москвы. Домашние все на работе, он один во дворе родительского дома, хмельной от воли, от мая, от предчувствия счастья.

Его друг и одноклассник Степан уже на пороге. Рыжий, конопатый, солнечный. И ржет, смеется, как жеребенок.

— Игнаха, друг! Завтра нас ждет любовный роман с двумя красавицами. Я уже договорился, они ждут нас. Хочешь обнять красавицу?

— Очень хочу, жажду! Кто она?

— Твоя — юная жена местного бизнесмена, куколка Олеся. Я ей про тебя былины рассказывал! Моя — незамужняя барышня, агрономша Лизавета.

— Замужняя Олеся?

— Да. Старый муж, грозный муж... Фермер. Замужние интересней! Они лютые, грамотные. Олеся — мармелад, чистый мармелад! Век благодарить будешь!

Они целый день провели на Дону. Загорали на пляже, ели мороженое, бродили по пойме. Знакомые пригласили на уху. Пили сухое вино, слушали крепкие анекдоты, которые рассказывали пожилые девочки. Катались с ними на лодке, пили вино из горлышка. Степан целовался с девушками, Игнат сидел на веслах и плевался в сторону. На берегу он строго одернул друга:

— Побереги себя до завтра.

Они встретились утром на автовокзале, сели в автобус и через полчаса были в соседнем хуторе. Пешком направились в ближний лесок, в условленное место. В балке, заросшей карликовым лесом, на опушке их ждали хуторские красавицы. Олеся приехала в лес на своем «Москвиче» и оставила его прямо на опушке. Из багажника достали сладости, фрукты, шампанское. Расселись потеснее вокруг стола. Хлопнула пробка и... Неподалеку бабахнул ружейный выстрел. Затрещал, зататакал мотоцикл, потом другой, третий... Олеся побледнела, быстро вскочила на ноги, прислушиваясь. Долго вглядывалась в сторону хутора. Молча села, обхватив голову руками.

— Мы пропали! — громко сказала она. — Это муж с друзьями. Кто-то выдал нас.

И отчаянно скомандовала:

— Ребята, бегите в соседнюю балку, прячьтесь там!

Игнат со Степаном глупо переглядывались, не осознавая еще опасности.

— Бегите! — нервно крикнула Олеся. — Они перестреляют вас, как зайцев!

Они мигом рванули через овраг вверх по бугру, через открытое место в соседнюю балку, в спасительные заросли. Упали ничком в траву, в нежные колокольцы голубых пролесков. Отдышались, огляделись. Отсюда, как на ладони была видна опушка, «Москвич», даже пестрые косынки девчат.

— Тут нас сразу накроют, — быстро сообразил Степан. — И бежать некуда. Видишь лесополосу, что в сторону Загряжска тянется? Рвем когти в лесополосу, там надежнее.

Мотоциклы трещали внизу балки, буксовали, медленно окружая опушку с «Москвичом». По аквамариновой зелени травы стлался вонючий голубой дымок выхлопов.

До спасительной лесополосы было не больше километра. Они короткими перебежками, пригибаясь, чуть ли не на четвереньках, удалялись от облавы. Редкий лесок по хребтине балки скрывал беглецов от охотников, которые находились много ниже. Там, на опушке, случилась заминка, мотоциклы заглохли, послышались голоса, крики, раздраженный спор. Охотники пытались выяснить у женщин, куда скрылись их друзья. Уговаривали признаться по-хорошему. Если нет, то грозили расправой. Ничего не добившись, мотоциклисты стали прочесывать другую балку, из которой совсем недавно они выскользнули. Лес наполнился треском и ревом мотоциклов, кто-то время от времени палил из ружей. Эхо гулко катилось по озими и где-то далеко отталкивалось от высоких меловых бугров правобережья Дона. Сладко пахло бензиновым дымом и порохом.

Вдруг торжествующий зычный голос раскатился по балке:

— Нашел! Здесь они! Двое!

Через несколько минут все охотники, пятеро или шестеро, были на бугру. Кое-кто закурил, нервничая. На «Москвиче» с девушками подъехал фермер, толстяк с потным красным лицом. Маленький усатый казачок в камуфляже возбужденно показывал суковатой веткой на вдавленные в мягкую траву отчетливые следы кроссовок.

— Вот один соколик, а рядом вот другой. Прямо в лесополосу правят. Счас мы их, тепленьких...

По всем правилам облавы лесополосу обхватили с двух сторон. На выходе далеко впереди встал мотоциклист. Шли с ружьями наперевес, медленно, громко разговаривая. Молодые акации и кустарники еще не сильно загустели, вся лесополоса хорошо просматривалась с двух сторон. Даже зайцу трудно было уйти незамеченным. Расстояние до мотоциклиста на выходе сокращалось, таяло с каждой минутой. Фермер сидел в машине, Олеся и Лиза отошли чуть в сторону, перешептывались, нервничали.

Прямо напротив девушек посередине лесополосы зашевелились прошлогодние листья. Он поднялся с четверенек, отряхнулся по-собачьи... Он, кажется, не соображал, что делает. Быстро засеменил к Лизавете, судорожно обнял, обхватил ее руками, заплакал, захлебываясь и причитая:

— Ты моя.... Я твой... Пойдем домой... Я не виноват.

Охотники, окружавшие агрономшу, быстро сообразили и махнули рукой.

— Вали отсель! Нам другой нужен, который к замужним клеится...

Эта минута часто вспоминалась, снилась Игнату Ефимовичу. Один миг страха, слабости... и уже ничем не поправишь. Вместо себя он подставил друга, который недавно признался ему, Игнату, что собирается жениться на Лизавете...

Дальше все было безобразно просто. Он пошел, потом побежал в сторону Загряжска. По пахоте, по свежим рыхлым глыбам чернозема. Он успел еще расслышать радостные вопли и через некоторое время одиночный выстрел.

— Дурак! — донесся очумелый голос. — Он живой был нужен!

Свинцовый заряд на крупную дичь, на кабана, навылет разорвал грудь бедному Степану. Было следствие, был суд. Установили, что на охоте из-за неосторожного обращения с оружием убит человек. Игната не привлекали даже в качестве свидетеля, он на третий день уехал, бежал в Москву. Дело быстро забылось. Он сорок лет не появлялся в Загряжске. Отца, мать и двух братьев хоронили без него...

11

Утром в столовой Игнат Ефимович увидел запечатанный конверт. Нехорошее предчувствие кольнуло под ложечкой. Письмо было от Дуси, несколько страниц с ученическим старательным почерком. Старик еще не отошел от приснившейся истории, от страха, стыда, слабости и омерзения к себе. Он подумал, что нужно сходить в церковь и на кладбище. Долго собирался с мыслями, прежде чем прочитать письмо. Ходил взад-вперед по комнате, стоял у окна, глядя на полыхающие под ранним солнцем золотые купола собора. Пил кофе без вкуса и запаха. Неподвижно сидел за столом, обхватив голову руками. Дремал с чувством нарастающей беспричинной тревоги. Выпил корвалол. Потом дрожащими пальцами надел очки и стал читать.

«Я могла бы не писать вам. Но уйти молча, не поблагодарив вас за помощь в трудную для меня минуту, нет... Спасибо, милый и добрый Игнат Ефимович!

И еще одно обстоятельство побудило написать вам. Вы были у отца, он рассказал о нашей семье всё, что мог и как мог. Он слабый и пьющий человек. Он даже предложил вам взять меня в жены, а вы благородно отказались. И так же благородно предложили мне кров и место горничной. После

этого я встречалась с Арсеном, я всё еще люблю его... Это даже неприлично, ведь я искала защиты от его сумасшедшей жены именно у вас, именно вы приютили меня в своем доме. Но не могла же я постоянно жить у вас на птичьих правах. Вам надо было на что-то решиться. И вы пошли к моему отцу, чтобы попытаться вернуть домой непутевую дочь. А отец по своей тупости предложил гениальный выход: выдать меня за богатого и не очень еще старого жениха, то есть за вас...

Слава богу, что у вас хватило ума отказаться! А если бы я согласилась? Вовсе не праздный вопрос, я могла бы согласиться! И не от безысходности. Я впервые увидела в вас надежного человека, справедливого и доброго. Настоящего мужчину, к которому можно прислониться, когда штормит. Говорю как есть, вы симпатичны мне. Что толку от Арсена, молодого, сильного и ненадежного? Я, наверное, совсем запуталась в своих чувствах. Вы ведь тоже... Отказаться от женитьбы на девушке и через день предложить ей стать у него горничной? Я бы, наверное, осталась работать у вас, если бы не узнала от отца о вашем тайном визите. Горько мне стало и одиноко. Моя вера в вас пошатнулась, и я решила уйти совсем, уехать из Загряжска. Так будет лучше для всех. Попробую добиться места в жизни своими силами. Или пан, или пропал! Я ничего не умею, но упрямство, честолюбие кипят в крови. Я должна, я сумею, я добьюсь! Или погибну. Прощайте!»

В опустевшей комнате Дуси Игнат Ефимович увидел небольшую фотокарточку и красную ленту из косы. Девушка улыбалась взрослой грустной улыбкой, словно подтверждая сказанное в письме. Прощайте! — слышал он ее голос. Игнат Ефимович развернул ленту и приколол кнопкой к книжной полке. Перо жар-птицы... Где она теперь?

Вроде и не было привязанности к девушке да и не могло быть за какие-то несколько дней знакомства. Но он остро ощутил чувство большой потери и своей невольной вины перед беглянкой. Чёрт дернул пойти к полковнику, клял он себя. И не находил оправдания. Весь день провалялся на диване. Невеселые мысли об одинокой старости лезли в голову.

Вечером перед ужином зашла повариха. Зинаида строго посмотрела на хозяина и с легким укором заметила:

— Что это вы сегодня даже во двор не выглядывали? Какой день расчудесный!

— Голова болит. Кости ломит.

Игнат Ефимович сел за стол напротив Зинаиды, он даже обрадовался поговорить с живым человеком.

— Хандра старческая, любезная Зина. Да и радоваться нечему: вот Дуся ушла от нас, сбежала... Чем я ее обидел?

Зинаида расцвела, заулыбалась.

— И-и-и, делов-то! Стрекоза! Петух жареный клюнет — вернется, как миленькая! И не переживайте даже.

— Как не переживать! Одна, без средств... Без опыта, доверчивая...

Зинаида насмешливо покачала головой:

— Ой, ли? Дунька нигде не пропадет, она гипнозами владеет! Волчица с ангельскими глазами. Тарантул смертельный в овечьей шкуре! Господь оборонил нас от ее чар. Я утром свечку в соборе поставила...

Зинаида уловила настроение Игната Ефимовича и не стала усугублять разговор. Умно и дельно переменила тему.

— Скоро Троица, надо бы на кладбище сходить, родителей проведать... Вам всё некогда было, а за могилками ухаживать надо. Обветшали, от людей стыдно...

Игнат покаянно вздохнул, с надеждой глянул Зинаиде в чистые целомудренные очи:

— Прошу тебя, умоляю! Мне стыдно. Я дам денег, найми кого-нибудь... Купите, что нужно и приведите могилы в порядок... Я сейчас и не помню, кто там еще из родни, сколько могил?

Зинаида сочувственно кивнула, соглашаясь:

— Я всех найду. Там не меньше двадцати покойников ваших, Бирюлиных.

Игнат Ефимович дал денег и облегченно вздохнул, провожая Зинаиду. И опять лег на диван, перебирая невеселые мысли и вспоминая давно позабытые лица.

12

Неожиданно из Парижа приехала дочь Катрин. Как всегда, второпях, на пару дней, в Москве, дескать, ее ждут еще кое-какие дела, встречи... Отцу была рада неподдельно. Обо всём расспросила, всё посмотрела, похвалила. Ее духи крепко пахли тропиками, дорогой костюмчик изящно молодил ухоженное тело. С Игнатом Ефимовичем дочь была словоохотлива, внимательна, деликатна, но как бы на расстоянии, без эмоций.

Катрин выслушала чувствительный рассказ отца о своей горничной. Прочитала письмо Дуси, посмотрела фотокарточку. Потеребила пальцами красную ленту.

— Жар-птица... — повторила задумчиво слова отца и понимающе усмехнулась.

Парижанка на удивление быстро нашла общий язык с поварихой Зинаидой. Катрин заходила в поварскую, подолгу пила кофе вдвоем с речистой и бойкой хозяйкой, хохота-

ла до слез от ее острых и соленых характеристик охранников и садовника Криворотова. И как бы сам собой, по-свойски доверительно и просто случился разговор об Игнате Ефимовиче. Зинаида обстоятельно рассказала, с кем он общается, кто к нему заходит, кто приезжает из области. Какую почту получает, кому сам пишет письма или звонит по телефону.

— Добренький, Исусик. Помогает лодырям и пьяницам. Например, нашего мэра Марата Казимировича посадил в Государственную думу! Дурака набитого, прости господи! Он ему и спасиба не сказал, привез пятилитровую бутылку иностранного коньяка и, кажется, сам ее и выжрал... Подружкам детства, алкашкам нашим, деньги на опохмел дает... Вы как-нибудь пристыдили бы папашу.

Зинаида очень выразительно смотрела прямо в глаза. Катрин вздохнула и с сожалением покачала головой.

— Нет, он в таких делах никого не слушает. Соглашается, но делает по-своему. Ты попробуй сама, ведь он тебе доверяет?

— Доверяет. У меня каждая копейка записана, всё в сохранности.

— Вот и попробуй. Я растратчица и для него в смысле капитала не авторитет. Ты — другое дело, тебе поверит. Что еще, ты говори, не стесняйся?

Зинаида, польщенная искренностью гостьи из Парижа, стала размышлять вслух.

— Ну, по правде сказать, траты Игната Ефимовича невелики, можно уважить его маленькие потребности. А вот что касаемо авторитета, тут нельзя поддаваться. Чуть дай слабину, куры заклюют. Наши замухрышки при людях тыкают заслуженному человеку, министру, матюкаются при нём, как у себя дома! Через год-другой совсем забудут, кто живет рядом с ними! Марат Казимирович, конечно, пьяница, но все-таки с днем рождения поздравлял, с праздниками. А новый мэр уже морду воротит, ни разу не проведал. Не спросил: может, помочь чем, привезти гостинец какой-нибудь или позвать на праздник, на банкет. Надо переломить такой порядок. В Загряжске живет много заслуженных шишек из области, из других городов, из Москвы, Мордовии, Туруханска... У каждой шишки секретари, секретарши, космические тарелки, интернеты. За заборами дым столбом от шашлыков и женские песни с плясками. А у подъездов гости важные с подарками, с коробками... Я не говорю, что Игнату Ефимовичу обязательно нужны пьянки и пляски, женские визги и другие горячие штучки. Я говорю про почет и уважение со стороны начальства. Игнату Ефимовичу нужно рейтинг поднимать. Предлагаю взять на постоянную работу компьютерщика и шофера, а я согласна быть личным секретарем

господина Бирюлина. Через год представлю вам полный отчет о работе. Увидите, как полюбят загряжцы и областные власти земляка-министра, члена правительства и лауреата...

Катрин с улыбкой слушала предложения Зинаиды, как бы соглашаясь и одобряя ее горячее желание поднять рейтинг и некоторым образом осчастливить одинокого пенсионера...

А назавтра повариха Зинаида, к удивлению всей дворни, на самом деле уже приступила к обязанностям личного секретаря Игната Ефимовича. Теперь ее стали величать Зинаидой Валентиновной.

13

Прошел год.

Время текло через Загряжск, как вода сквозь сито. Попрежнему туристы со всего света тянулись в этот заповедный уголок России. По улицам и переулкам бродили пестрые толпы гостей. Радовал глаз веселый лик казачьей архитектуры. Слава богу, остались еще целые кварталы каменных и деревянных куреней прошлых веков. С резными ставнями и карнизами. С флюгерами на крышах в виде коньков, петухов и павлинов. Здесь всегда было тесно от мольбертов на треногах. Студенты-живописцы смело и размашисто переносили старину на картон и холсты. Здесь же и продавали, как на ярмарке, свежеиспеченные пейзажи.

Трехметровые кирпичные заборы обходят стороной, никто не любит трехметровых заборов. Они, как локтями, раздвинули обветшалые дома и сплошным камнем окружили роскошь новостроек. Любопытные расспрашивают местных, кто живет за бастионами и сколько долларов здесь стоит один метр квадратной площади. Щелкают фотоаппаратами, гадают, спорят между собой.

— Наверное, большой ученый? Или поэт-песельник?

— Дурак ты, дядя! Ученые и поэты давно живут в лабораториях и домах призрения. В хосписах, в наемных углах. А за этими заборами поселяются исключительно депутаты, чтобы избежать массовых подкупов и фальсификаций.

Одна туристка с румяными щеками под соломенной шляпкой спросила местного дядю в тельняшке, дремавшего на скамейке под вишней:

— А который тут дом министра Бирюлина?

Дядя приоткрыл глаза и не очень приветливо, даже ехидно ответил:

— Дом прямо на собор глядит. А министером наша загряжская дамочка управляет, Зинка. Она на нем верхом ездит, на министере вашем...

Конечно, туристка в соломенной шляпке не могла знать об Игнате Ефимовиче ничего, кроме короткой справки о знаменитых уроженцах Загряжска в местном путеводителе. А о Зинке в путеводителе ничего не значилась, и туристке был непонятен ехидный тон местного жителя.

Игнат же Ефимович, слава богу, был жив и здоров. Как всегда по утрам он пил кофе со своим секретарем Зинаидой Валентиновной. По-домашнему, в шелковом халате с широким поясом. Важный, государственный, бритые щеки пахнут лосьоном. В глазах застарелая лень сытого пенсионера. Зинаиду Валентиновну в темном костюме деловой женщины, без макияжа, но с румянцем во всю щеку, с депутатским значком местной думы с трудом узнавали даже земляки. Из развязной красавицы-поварихи Зинаида превратилась в номенклатуру городского масштаба. Даже за утренним кофе, сидя напротив своего шефа, она чувствовала себя на государственной службе.

Каждое утро начиналось одинаково. Игнат Ефимович весело потирал ладони, важно и иронически вопрошал:

— Что слышно, любезная Зина? Что деется на белом свете?

Строгая Зинаида Валентиновна приоткрывала малиновые губы, пахнущие мармеладом, и отвечала, как на планерке:

— Глупость одна на белом свете. Соблазн и разврат. Только один человек по-божески поступает.

— Кто же этот герой?

— А вы не хихикайте! Президент Америки, к вашему сведению! Может, и не герой, а про бабушку свою не забыл. В Африку поехал, в бедную деревню, на родину. В хижине у бабушки живет, ест простую еду и благодарит старушку за свое счастливое детство. Вокруг столько народу собралось, что охрану поставили. Вот за это его грязью поливают наши коммуникации! У нас деточки от родных бабушек морды воротят, а коммуникации хоть бы хны... Эх, нам бы такого президента! Ладно, давайте ближе к делу. Сегодня у нас три посетителя, все гости значительные...

— Кто же решил нас осчастливить?

Зинаида достала из сумочки записную книжку и начала подробно докладывать:

— К нам едет губернатор!

— Зачем?

— Ну, официально открывать новый платный пляж на Дону. Там уже шашлыки жарят. А неофициально заглянет к нам, это я у помощников узнала.

— Почему же он мне не позвонил?

Зинаида кокетливо и хитро подмигнула:

— Дело с глазу на глаз, деликатное. Помощник мне по секрету сказал...

— Тем более. Что ему нужно?

— Дело простое: написать отзыв о губернаторе для Москвы. Каждый год требуют, порядок у них такой. Оценки выставляют. Не просто отзыв от какого-нибудь Макара, а от большого человека документ нужен.

Игнат Ефимович озадачился и как-то погрустнел.

— Я мало знаю губернатора, да и от дел отошел давно...

Зинаида усмехнулась удивленно и приложила руку к груди.

— Тут дела на копейку, я сама всё сделаю. Вы только подпишете.

Игнат Ефимович засмеялся и как-то холодно, жестко оборвал:

— Не суй нос не в свое дело! Извини.

Зинаида обиделась, замолчала. Потрогала платочком ресницы.

— Всегда у вас так... Конечно, я не в Кремле училась...

— Ну, хватит, хватит. Что там у тебя еще?

— Депутат Государственной думы Марат Казимирович позвонил, просит встречи.

— Что ему надо?

— У него всё шуточки. Говорит, соскучился. Не угощайте его коньяком, он весь холодильник вылакает.

Игнат Ефимович рассмеялся, повеселел.

— Коньяка не жалко. Послушаем новости московские. Догадываюсь, что ему нужно...

Зинаида полистала книжку, отмечая ручкой очередных просителей.

— Девочки из музея просятся, ваш персональный стенд готовят. Хотят посоветоваться насчет экспонатов. Художник наш, загряжский, портрет ваш рисовать хочет. Нужно ваше согласие. Директор школы зайдет насчет встречи с выпускниками школ. Напутственное слово от вас лично. Ну, еще кое-кто... Не знаю, как вам сказать. По мне, так век бы их не видать!

— Говори.

— Военком Богданов... Наверно, выпить с вами хочет.

— И военкома зови! — весело заключил Игнат Ефимович.

Так или примерно так начиналось каждое утро. Потом шел прием посетителей. Текли нудные деловые разговоры, диктовались на компьютер письма. Зинаида Валентиновна без передышки говорила по мобильнику. Пили чай и кофе с коньяком или просто коньяк без чая и кофе.

Игнат Ефимович давно отошел от дел и считал себя простым пенсионером, обывателем. Но для земляков он по-прежнему был большой московской шишкой, авторитетом, человеком из Кремля, имеющим связи на самом верху. К удивлению самого Игната Ефимовича его слово в Загряжске имело материальную силу. Простоватая Зинаида первой почувствовала эту ценность земляка и сама попросилась к нему в секретари. И не было преданнее и неутомимее помощника не только в Загряжске, но и в самой губернии. Зинаида появилась вовремя, в нужный час и не дала именитому пенсионеру погрязнуть в самодовольстве и забвении. Боже, сколько талантов, сколько неоцененных способностей таится в женщине!

Авторитет, конечно, пошел в гору. Множество народу, госучреждений, организаций, общественных ячеек и просто активистов прониклись уважением к пенсионеру Бирюлину. Поздравляли его с государственными, религиозными и профессиональными праздниками, с днем рождения и т.д. Знал бы пенсионер, каких трудов это стоило! Какую настойчивость и даже настырность проявляла Зинаида Валентиновна в прививке у весьма пассивных земляков в некотором роде культа личности своего шефа. Конечно, бывали и перегибы, не все усваивали в точности подробности биографии знаменитого земляка. Однажды Игнат Ефимович получил письмо следующего содержания.

«Ефимыч! Ты, конечно, министр, крупная рыба. И перед тобой все лебезят, норовят поцеловать в ж... А я твой земляк и даже дальний родственник, говорю по-простому. Твой дед Антип и мой дед Протас были двоюродными братьями. Работали золотарями в артели по очистке отхожих мест.

У каждого была ломовая кобыла, телега с сорокаведерной дубовой бочкой, черпак медный с длинным держаком. И, понятное дело, спецовка из брезента. В артели нас было восемь золотарей, обслуживали весь Загряжск. Золотарь был в большом почете, в каждом дворе водочки наливали, потчевали. От девок отбоя не было. Артель она и есть артель. За старательность и аккуратность деньги совали прямо за пазуху, кто рублик, кто два... Бочки возили на общественные парники, и там золотарям платили. Хорошую рассаду без говна не вырастишь. Не бедно, в общем, жили.

Я к чему это говорю? Сегодня мой внук очищает выгребные ямы. Купил бочку с насосом, тракторёнок белорусский, и сам себе хозяин. Я нарадоваться не мог, талант, весь в деда пошел внучек! Нет, не дали спокойно пожить. Нынешние власти и до говна добрались! В области создали новую ком-

панию «Южные фекалии» вроде нашей артели, по централизованной очистке всей области. Купили импортные десятитонные автоцистерны и установили на всей территории полный контроль. Куда теперь внучку со своим тракторёнком! С такими теперь договоры не заключают.

Просьба к тебе, земляк и родственник, уважаемый Ефимыч! Окороти, заради Христа, эти Южные Фекалии, дай жить нашим золотарям, моему внуку, как жили наши деды Антип и Протас. Не дай пропасть хорошему человеку. Денис Золотарев, по матушке Бирюлин».

Игнат Ефимович очень расстроился, прочитав письмо. Позвал Зинаиду и высказал давно накопившееся раздражение.

— Это никуда не годится! Ко мне идут, как в собес. Я тебя просил, умолял: не делай из меня чиновника! Я не министр, я пенсионер! Хочу ходить не в галстуке, а босиком и в кепке. Надоело быть свадебным генералом, ей-Богу! Уймись, Зинаида!

Зинаида не оправдывалась, не обижалась. Смиренно поджимала малиновые губки, тихонько вздыхала. Когда шеф остывал и покрывался красными пятнами от эмоций, она вставляла свое слово. Тихо, ровно, как говорят с маленькими.

— Люди идут к нам, потому что некуда больше пойти. Некому пожалиться. Нельзя же закрыться от всех? Нельзя отталкивать людей.

Игнат Ефимович уже тише и миролюбивее возражал:

— Это губернатору некому пожалиться? Некуда пойти? Ладно, этот Бирюлин Денис, мой родственник... Ему бы надо помочь, но как? Ума не приложу. Может, ты, Зина, предложишь ему немного денег?

Как обычно, разногласия быстро сходили на нет, шеф и секретарь садились пить кофе. Строили планы назавтра. Приемы продолжались, письма и звонки шли по всей губернии, контора жила полнокровной жизнью. После обеда Игнат Ефимович с Зинаидой Валентиновной под ручку шли в собор на вечернюю службу. Слушали молитвы и акафисты, шепотом подпевали монастырскому хору. Прикладывались к иконам перед алтарем, крестились и так же чинно под ручку шли домой. Люди глядели им вслед, вздыхали с завистью:

— Дай-то Бог, хорошая пара. Молодец, Зинаида!

14

Так и жили они вместе, уже почти не таясь, как муж с женой. Поругивались по мелочам, быстро мирились, пили кофе и без особого энтузиазма имитировали общественную деятельность. Игнат Ефимович любил хорохориться перед подругой, важничать и поучать ее, но Зинаида ласково и немно-

гословно сажала его на поводок. Взбрыкивал бывший замминистра, кипятился, но всё реже и тише. Недавно он вышел из себя, можно сказать, из-за пустяка, из-за мелочи. В пустующей комнате горничной Зинаида убрала со стола фотокарточку Дуси и красную ленту из ее косы. Не выбросила, а положила в ящик стола.

Игнат Ефимович зашел в комнату и оторопел. Сипло спросил:

— Зинаида?

И закричал, завопил:

— Зинаида!

Она спросонья появилась в дверном проеме.

— Что, Игнатик, стряслось?

— Где Дуся? Лента красная где?

Зинаида лениво отодвинула ящик стола.

— Я тут прибиралась, пыль вытирала...

Игнат Ефимович чувствовал подвох, руки его тряслись, губы дрожали.

— Ты, Зина, не смей! Никогда больше не трогай карточку и ленту! Слышишь, не смей!

Зинаида молча, умненько удалилась.

Игнат Ефимович целый день пролежал на диване, погруженный в старческие думы, вспоминал молодость, женщин. За всю жизнь было два-три сильных увлечения, несколько легких связей. Женился по любви и был сильно привязан к своей Катерине. Выходило, что он был счастливым человеком. Но не было ощущения счастья. Тоскливо ныло под ложечкой.

Вспомнилась Дуся, стремительно влетевшая в его дом с круглыми от страха глазами. И те немногие дни, которые Дуся прожила у него под кровом... Старый уже человек, он был удивлен, потрясен необычным, нездешним обличьем девушки. Дикая природная неправильность делала прекрасными ее восточные глаза, длинные гибкие и надменные губы верблюдицы, косу с воронёным отливом, с красной лентой в хвосте.

Трудно назвать, даже обозначить чувства Игната Ефимовича. Это была не влюбленность, не любовь. Это было нечто сильнее любви. Оно саднило, и лечило, и оглупляло до очумелости...

В Москве, в министерском кабинете Игната Ефимовича лежал под рукой томик воспоминаний «Разговоры с Гёте». Бирюлин любил в него заглядывать, сверять свои мысли с мыслями великого человека. Однажды Гёте сказал, что за всю жизнь был счастлив всего лишь семь минут. Из всей книги

Игнат Ефимович почему-то запомнил только это признание старого поэта. И теперь перенес, примерил слова Гёте к своей жизни. И сказал сам себе, как по чужой подсказке, без всякого сомнения. Да, он был счастлив в своей жизни не минуты, а несколько дней, когда рядом была Дуся, Жар-Птица, случайно залетевшая в его жилище.

15

Зинаида, скрепя сердце, допустила военкома Богданова на встречу с Игнатом Ефимовичем. Тот не вошел, а влетел в кабинет и, едва поздоровавшись, дал волю возмущению.

— Извини, Ефимыч, я человек военный, а такого солдафонства не видывал! Где ты откопал такого секретаря? Каждый день звоню, прошу встречи, прошу доложить, а она кричит на меня, как на прапорщика, и бросает трубку. Уйми бабу, Ефимыч, не сдержусь, обложу матом!

Игнат Ефимович налил рюмку коньяка, жестом попросил говорить тише.

— Успокойся, я поговорю с ней.

Полковник опрокинул стопку, шумно дыхнул, почмокал губами.

— Хочу новость доложить. Держись крепче, а то упадешь!

И рассказал, что на днях знакомый загряжский коммерсант привез из Воронежа привет от Дуси.

— Да, в Воронеже... Выбилась, выскочила в дамки. В крупной торговой корпорации, в совете директоров сидит. И торговым центром руководит, тысяча работников в подчинении. Ай да Дуська! Я знал, что она генералом будет! Знаешь, что она сказала? Я, говорит, из всего Загряжска признаю только двух человек: папашу моего, полковника Богданова, и положительного старичка Бирюлина. Остальные, мол, все говнюки....

— Так и сказала? — дрогнувшим голосом спросил Игнат Ефимович.

— В точности так! И еще передала коробку французского коньяку, чтоб мы с тобой выпили за ее здравие.

Полковник извлек из кармана иностранный флакон и торжественно поставил на стол.

Игнат Ефимович растерянно смотрел на гостя.

— Врешь ты, дядя. Не могла меня Дуся старичком назвать...

Военком ничуть не смутился, отколупнул пробку, разлил коньяк в рюмки, рявкнул по-гвардейски:

— За Дусю!

Выпили, подышали. Полковник с чувством приложил руку к груди.

— Извини, от радости мог слова перепутать. Конечно, старичок тут никак не клеится. Но главное, она скоро приедет к нам! Какие-то документы в мэрии оформить. Хочу, говорит, обнять и расцеловать вас, нас то есть. Соскучилась, ждет не дождется. Нам ведь тоже надо к встрече подготовиться. Стол как следует накрыть, рыбки, раков заказать...

— Встретим у меня в доме, я обо всем позабочусь.

Старики выпили весь коньяк и долго обсуждали, ч т о любит Дуся и как ей угодить. Полковник мечтательно и с гордостью говорил:

— Вот приедет Дуся... Совсем другая жизнь будет. Я на нее даже голос не повышу. Она ведь любит меня, я знаю. И я люблю ее. Она и тебя любит, по-человечески, добро помнит. И я тебя люблю, Ефимыч, ей-Богу!

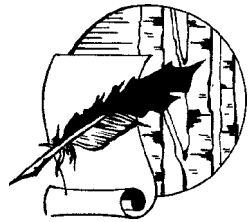
Зинаида еле выпроводила гостя. Игнату Ефимовичу дала на ночь таблетки, уложила в постель и беззлобно ворчала, выговаривала:

— Нажрался, как молодой, завтра целый день умирать будешь. Нашел, с кем пить, у этого солдата желудок, как у хряка. Я его, нахального, и на порог не пущу больше.

Игнат Ефимович засыпал в сладостном предчувствии. Во сне по-детски чмокал губами, сладко постанывал, шептал в подушку:

— Вот приедет Дуся...

Станица Старочеркасская Ростовской обл.



Сергей АГАЛЬЦОВ

НЕЖНО ЦВЕТЁТ ОБЛЕПИХА...

* * *

Мне сегодня приснилась
Золотая листва.
И уныло склонилась
Моя голова.

А душа? — Много ль нужно
Ей сегодня, мой друг?
Птицы шумно и дружно
Потянулись на юг.

За стадами их следом
Вдаль душа унеслась.
Что ж, расстались мы с летом —
Всюду грусть разлилась.

Глядя в чистую просинь,
Замер я не дыша.
Вот еще одну осень
Тихо встрела душа.

* * *

Угасает за посадкой,
Рея, рдеющий закат.
Как люблю я этот краткий
Ритуал или обряд!

В зыбкий тихий час вечерний
Мир в сквозистой полумгле
Льет чудесное свеченье
По воде и по земле.

Всё в свеченье дивном тонет.
Миг... Другой... И ночи тень
Вот уже опять хоронит
В чёрной бездне светлый день.

* * *

Темнеет дом глухой,
За ним — глухой овраг
Глухой ночной порой
Вселяет в душу страх.
Зачем тогда стоишь
Ты на его краю
И душу вновь томишь
Печальную свою
Раздумьем, что таит
Овраг на дне своем?..
Что, чёрный, говорит
Когда мы с ним вдвоем —
Одни, совсем одни
Во мгле Вселенной всей?..
А сверху звезд огни,
Несметный рой огней.

* * *

С неба влага пролилась...
Чистой влаги рада,
Над землей простерла власть
Свежая прохлада.

После влаги — благодать,
После влаги — славно
С другом мне пивка поддать,
Водочки — подавно...

* * *

Не спится ночи напролет? —
  За бедный труд примись!
Она сама собой уйдет,
  Назойливая мысль.

Откуда, как она пришла
   В одну их тех ночей,
Когда в душе клубилась мгла
   И меркнул свет очей?

Когда очей я не сомкнул
   И, слабый человек,
Я в глубь души своей взглянул, —
   То белый свет померк.

Душа, как стала ты такой?
   Ответь... Ах, нет, молчи!
Чтоб я, горюя над тобой,
   Не зарыдал в ночи.

* * *

Ольге Козловцевой

1
Полдень... На улице тихо...
Майские дивны деньки.
Нежно цветет облепиха
У мелководной реки.

Крив из рассохшихся бревен
Мостик, что виды видал.
Ольга!
Я в том лишь виновен,
Что в облаках я витал,

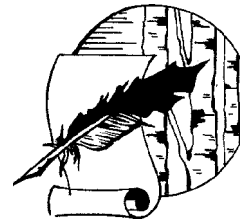
Что забывал я про землю,
Милую землю мою.
Каждому шороху внемля,
Рядом с тобою стою.

Славно, что я возвратился
После скитаний сюда,
Что я с тобою сроднился
Сердцем —
уже навсегда.

2
Звёзд живые скопленья
В темном небе горят.
И восторг, и волненье
Выражает твой взгляд —

В этот час, в этот вечер
Под ущербной луной.
Но не вечен, не вечен
Этот вечер земной.

И не вечна, не вечна
В срок грядущая ночь...
Всё, мой друг, быстротечно,
И ничем не помочь.



Александр ЛИСНЯК

СИЯЙ, СВЯТАЯ РУСЬ!

ПРО РУССКУЮ ПЕЧКУ

Залезешь на печку, бывало,
И рад, что на свете живёшь!
Анатолий Брагин

Возможно было в том спасенье,
Коль норовили чернь и знать
Свой день, и дело, и веселье
Всегда от печки начинать.

А между печью и божницей
На обе стороны порог:
Вернувшись, к печке прислониться.
А в путь грядущим — в помощь Бог.

А в путь — коврига, горстка пепла.
И людям сыто и тепло...
От печки Русь росла и крепла,
Да это время утекло.

И мы ушли в такие дали,
В такие выси забрались!..
Где нас не звали и не ждали,
И нам не знать бы эту высь...

Обжог сердца студёный космос,
Мы перестали быть собой...
Я не за древность, не за косность,
Я лишь горюю над судьбой.

И не для красного словечка
Себе с тревогой говорю:
Чем дальше мы от русской печки,
Тем ближе к адову огню.

СРОКИ

...Выпьем с горя...
А.С. Пушкин

Где же кружка? Где же трубка?
Где вы, бражники-друзья?..
Не серчай, моя голубка,
Ничего вернуть нельзя.

Стал и грубым я, и резким.
Разговор со мной — экстрим...
Доживёшь, что выпить не с кем...
Вот тогда поговорим.

А пока тоска в квартире.
Видно вышел самый срок:
Нет не то что тайны в мире —
Нет секрета на часок.

Растворились солнца пятна,
Опустела неба твердь.
Всё от А до Я понятно
И обыденно, как смерть...

СОФЬИНО

С тех пор, теперь уже далёких,
Деревню Софьино зовут.
Рядок домишек кривобоких
Да утонувший в тине пруд.

Сюда уже не ездят в гости.
В тени разбросанных кустов
На перепаханном погосте
Десяток рубленых крестов.

Цветут (кому их грызть?) бесцельно
Подсолнухи у тёмных хат.

И никогда, что очень ценно,
Грузовики здесь не дымят.

Ещё здесь ходят на работу
Пять женщин лет за шестьдесят.
И мужики, прервав зевоту,
Им вслед восторженно глядят.

ПРО УЧАСТЬ

Посолю горбушку круче
Да задумаюсь над ней:
До чего ж прекрасна участь —
Хлебом стать в потоке дней.
Век мой...
Что же,
Пролетит он,
Выльюсь в плодородный слой.
Съест праправнук с аппетитом
Хлеб,
Созревший надо мной.
В сердце силушки прибудет,
Вскрикнет радостно: «Живу!»
Как любить он крепко будет
Солнце,
Землю
И жену!..

НАЧАЛО

Александру Нестругину

Опять земля под снегом скрыта.
Морозы —
Самых высших проб.
Как у разбитого корыта,
Присело солнце на сугроб.

Весь труд его перечеркнули
Снежинок быстрые штрихи.
Давно смотали и воткнули
Кнуты под стрехи пастухи.

И от села до перелеска
Ни зги,

Ни слова,
Ни души.
И в жизненность рублёвской фрески
Не веришь в сумрачной глуши.

Леса и пажити уснули
Как будто непробудным сном.
Снежинки свищут, словно пули,
Во всём отечестве моём...

Но крепче стискивают корни
В объятьях нежных землю-мать.
И гул глубинный,
Непокорный
Идёт по родине опять.

ПРО МОЛОДОСТЬ И СТАТЬ

О, как стремился я умом и статью
Среди друзей, среди родных блистать.
И с них был спрос: и внешний вид, и платье,
Чтоб отражали молодость и стать.

А вот теперь — по возрасту бы ровню:
Не устаёт с косой старуха жать.
О ком скажу или кого ни вспомню,
«Небесным царством» нужно завершать.

И вижу их другими в жизни краткой:
Бездарен был или последний трус,
Дела, поступки, сами недостатки
Вдруг перешли в один огромный плюс.

И нет уже и капли обольщенья,
Что мне блеснуть ещё достанет сил:
О, сколько нужно вымолить прощенья!
О, скольких я бы с радостью простил!

НОСТАЛЬГИЧЕСКОЕ

Не сдавайся, сердце, перестань! —
Мы с тобой отважны и рисковы.
Там, где Дон и речка Хворостань —
Всё ещё летят с копыт подковы.

Там мы счастье ловим на бегу:
Солнце, мама, догонялки-прятки...
За овином гуси на лугу
Норовят щипнуть меня за пятки.
Жизнь свою в мечтах я там слагал,
И такие открывались дали!
Там я даже в шутку не солгал.
И меня ни разу не предали.
Там враждуют только на словах,
А вот любят безгранично молча.
Слышишь, это нам звонят в церквах,
В горизонты всматриваясь зорче.
Сердце, не хандри и не хворай.
Сколько бы дороженьке ни виться,
Мы вернёмся в свой далёкий край,
Там ты сможешь и остановиться.

МИНУВШИЕ

Так создал Бог, а значит, так и надо:
Уходит каждый этнос навсегда!
И светит нам сквозь толщу лет Эллада.
И древний Рим сияет, как звезда.

У них теперь сердца и мысли голы —
Оставил каждый всё, чем был богат:
На конский запах вспомнятся монголы,
На блеск клинка — Хазарский каганат.

И до истоков православной веры
Себе звезду по вкусу выбирай:
Тонка огранка — стало быть, шумеры,
Горька утрата — это значит Рай.

И мы давно в свою попали нишу.
Да так давно, что вспомнить не берусь.
Но та звезда всех ярче и всех выше.
Гори, гори! Сияй, Святая Русь!

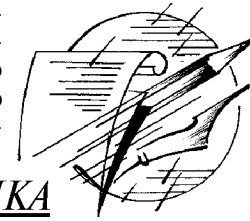
Белоруссия, д. Прудок Витебской обл.

Светлана ЗАМЛЕЛОВА

ДЕТКИ В КЛЕТКЕ

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано...
Н.А. Некрасов

На одном из российских телеканалов недавно вышел сюжет об усыновлении европейскими и американскими однополыми парами детей. Авторы сюжета не рассылали проклятий, не рвали на себе волосы, не посыпали головы пеплом, однако сюжет был проникнут возмущением и неприятием, ведь речь не просто об усыновлении, но о суррогатном материнстве и ярмарке младенцев. «Нет, это не Средневековье, — восклицают российские телевизионщики, — это Европа, наши дни». И, стоит добавить, не только Европа, но и США, Израиль, то есть самые передовые страны, страны «золотого миллиарда». И вот на выставки, ярмарки или конференции съезжаются гомосексуальные пары. Им предлагают приобрести ребёнка, взяв для этого «матку в аренду». Другими словами, нужно арендовать женщину, которая согласилась бы выносить младенца, а после передать его однополым «родителям». Либо готового ребёнка можно купить у женщины, которая желает его продать. Покупатель выбирает цвет во-



лос и цвет глаз, а также рост, вес и прочие возможные параметры. Такого рода покупка обходится потенциальному родителю примерно от 95 до 160 тысяч долларов США. При этом женщина, суррогатная мать, получает в среднем порядка 30 тысяч долларов. Права покупателя свято блюдутся: от покупки можно отказаться, а для особенных клиентов действуют скидки. Женщины, получив деньги, обязаны уступить права на ребёнка. В Европе пока находятся несогласные с такими новшествами. Но едва ли, уверяют авторы сюжета, в любой стране можно открыто возмутиться подобным положением дел. Ведь там, где действует закон о дискриминации прав однополых пар, любое недовольство гомосексуализмом может быть приравнено к расизму и осуждено в соответствии с законом.

Конечно, такие выражения, как «ярмарка младенцев», «легально приобрести ребёнка», «матка в аренду», «продажа детей» и пр. потрясают воображение и вызывают неподдельное возмущение. И всё же с самого начала в сюжете ощущается какая-то фальшь. В чём эта фальшь, понятно не сразу — уж очень сильны впечатления от увиденного. Но стоит задуматься, *что* именно и *зачем* нам показали, как это всё встаёт на свои места.

Итак, что же самое страшное в этом сюжете? 1. То, что детей покупают гомосексуалисты. 2. То, что матери отдают своих детей за деньги. 3. То, что детей в принципе продают и покупают. 4. То, что взрослые под благими предлогами грубо вмешиваются (можно сказать, вламываются) в судьбы тех, кто не может оказать сопротивления и постоять за себя, другими словами, в судьбы самой беззащитной части человечества — детей. И что такое вмешательство равносильно насилию, поощрять которое, чем бы оно ни объяснялось, никто не имеет права.

Нам показали, что гомосексуалисты хотят воспитывать и любить детей и ради этого готовы платить большие деньги. Но поскольку родить они не могут, то обращаются к женщинам, которые за солидное вознаграждение готовы родить и отдать своё дитя чужим людям. Но, во-первых, несколько лет тому назад, когда в России был принят «закон Димы Яковлева», многие российские журналисты, политики и общественные деятели настаивали, что закон лишает российских сирот счастливой доли. Говорили, что ребёнку, которого увозят в Америку, крупно повезло, поскольку ничего лучше и придумать на свете нельзя, чем жить в Америке. Там выше уровень жизни, там больше возможностей для развития и самореализации, там хорошо уж потому, что это Америка.

Тогда противники закона и слушать не хотели, что и так уж обделённого ребёнка, лишённого родительской любви, жестоко делать предметом торга и жестоко лишать ко всему прочему ещё и Родины, то есть привычной культурной и языковой среды, привычного окружения, привязанностей, друзей и того немногого, что ребёнок уже имеет. При этом лишать, скорее всего, бесповоротно, заставляя ребёнка привыкать к совершенно чужой обстановке и на 100% чужим людям. К тому же ни контроля за судьбами вывезенных детей, ни возможности помочь в случае, если это необходимо, российские органы опеки не имеют. Увезли ребёнка за границу и всё. Среди вывезенных только в США российских детей известно о двух десятках погибших. Понятно, подобное может происходить и в России. Но ведь здесь намного проще отслеживать судьбы усыновлённых.

К тому же ни до 2013 г., когда «закон Димы Яковлева» вступил в силу, ни после почти ничего не говорилось, что люди, занимающиеся организацией усыновления, неплохо на этом зарабатывают. А значит, международное усыновление — это тоже торговля детьми, только прикрытая красивыми словами о хорошей жизни. Кстати, «закон Димы Яковлева», одна из поправок которого запретила усыновлять российских детей гражданам США, распространяется только на граждан США. Но не распространяется на граждан европейских стран. То есть торговля российскими детьми не прекращается с 1991 г. А с 2013-го российские дети стали ещё и предметом политического торга.

Обычные западные семьи, к слову, тоже стали весьма странными. В том же сюжете мелькнула британская семья с папой-мужчиной и мамой-женщиной, воспитывающая своего ребёнка вне представлений о поле. Ребёнка одевают и в платья, и в штанишки и никому не рассказывают, кто это — мальчик или девочка. Это просто ребёнок по имени Ануш. Пол у него средний. Ну и что хорошего, если, например, российских детей усыновят такие родители? Чем это лучше «родителей»-гомосексуалистов?

Во-вторых, что касается суррогатных мамаш, так ведь дамочек, которые бросают детей, не так уж и мало на белом свете. Регулярно в СМИ появляются сообщения о найденных в самых неподобающих местах младенцах. Мамаши, не желающие воспитывать своих отпрысков, бросают их в больницах и магазинах, в парках и даже на помойках. Причём совершенно бесплатно. И, похоже, никого это не удивляет. Увы, но такое явление существовало всегда и во все времена. Брошенные младенцы и нерадивые мамаши становились ге-

роями не только древних мифов, но даже и позднейших литературных произведений. Вспомнить хотя бы «Графа Монте Кристо» А.Дюма или «Мастера и Маргариту» М.Булгакова: «— Какой платок? — шептала Маргарита, поднимая и опуская руку. — С синей каёмочкой платок. Дело в том, что когда она служила в кафе, хозяин как-то её зазвал в кладовую, а через девять месяцев она родила мальчика, унесла его в лес и засунула ему в рот платок, а потом закопала мальчика в земле. На суде она говорила, что ей нечем кормить ребёнка. — А где же хозяин этого кафе? — спросила Маргарита. — Королева, — вдруг заскрипел снизу кот, — разрешите мне спросить вас: при чём же здесь хозяин? Ведь он не душил младенца в лесу!..» Конечно, причины у всех могут быть разные, но ведь суть от этого не меняется. Оставленный (проданный, убитый, подброшенный и пр.) матерью ребёнок так и будет оставленным ребёнком, как ты его ни поворачивай. Так что же удивительного в суррогатном материнстве, если, по сути, явление это старо как мир?

В-третьих, что касается купли-продажи детей в лоне западной цивилизации, стоит вспомнить интересные исторические факты. Не так уж давно, а именно в 1986 г., социальный работник из Великобритании Маргарет Хамфрис получила письмо из Австралии от некой женщины по имени Мадлен, просившей помощи в розыске родителей. Мадлен рассказала, что в детстве её оторвали от семьи и увезли из Великобритании в Австралию. И вот теперь она хотела бы найти свою семью или хотя бы что-то узнать о ней. Миссис Хамфрис не очень-то поверила этому странному рассказу, но не отказала в просьбе и попыталась найти родственников австралийки. И вот тут-то выяснилось такое, о чём Маргарет даже написала книгу «Пустые колыбели». Книга вышла в 1994 г., а в 2010 г. по книге был снят фильм «Солнце и апельсины».

Что же такого выяснила миссис Хамфрис? Оказалось, что примерно с 1920 по 1970 г. из Великобритании вывезли десятки тысяч детей. Всё это были дети из бедных или бедных и неполных семей. Вывезли их обманом, пообещав «солнце и апельсины», «мёд и молоко». Детям рассказывали, что они отправляются в прекрасную страну, где в школу будут ездить на лошадках, а по дороге прямо из седла срывать с веток сладкие фрукты.

Детей из Великобритании увозили в Канаду, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию. Но самым популярным направлением оказалась Австралия. Цель этой странной акции предельна проста — сокращение бедности в са-

мой Великобритании, а также увеличение численности британцев на удалённых территориях. А ещё Британская монархия постаралась таким образом купировать «коммунистическую заразу», дабы болезнь не распространилась среди бедного люда, населяющего Британские острова.

Но что же потенциальные коммунисты? Получили обещанные фрукты? Ни в коем случае! Британские дети в возрасте примерно от 4 до 15 лет, оказывавшиеся в других странах, превращались почти в рабов — совершенно бесправных существ, нещадно эксплуатируемых и подвергаемых насилию. Детям приходилось работать на фермах по 16 часов в сутки, недоедать и недосыпать. Документов у них не было, образование, за которым они собирались ездить на лошадках, срывая фрукты, они получили самое минимальное. Зато физическое и сексуальное насилие стало для них едва ли не нормой.

В 2008 г. в Австралии вышла книга Дэвида Хилла — одного из перемещённых детей — под названием «Забытые дети». Книга рассказывает о жизни маленьких британцев на ферме Фэйрбридж в Новом Южном Уэльсе. Стоит отметить, что детским переселением ведала не просто какая-то частная лавочка. Всё совершалось с ведома правительства и Церкви. Более того, торговля детьми или вывоз детей в другие страны — обычная для Великобритании практика, имеющая давние традиции. Начиная с XVII в., Великобритания регулярно отправляет своих малолетних граждан на окраины империи в качестве дешёвой рабочей силы. За триста лет Великобритания вывезла сотни тысяч своих детей. Не говоря уже о том, что примерно в те же годы в Австралии и Новой Зеландии практиковался отъём детей аборигенов и полукровок для воспитания в белых семьях, в монастырях или в специально созданных государственных учреждениях. Таким детям запрещалось использовать родной язык и общаться с родителями. Дети аборигенов, как и их британские товарищи по несчастью, получали начальное образование, достаточное для работы на фермах, и точно так же подвергались всевозможному насилию. Эта тема также вошла в литературу, в качестве примера можно вспомнить хотя бы детективный роман современного норвежского писателя Ю Несбё «Нетопырь».

Кстати, вопрос детской миграции и отъёма детей аборигенов был закрыт не так уж давно. В 2009 г. премьер-министр Австралии К. Радд извинился перед аборигенами и британскими мигрантами.

Но, может быть, кто-то скажет, что всё это было слишком давно и с тех пор многое изменилось? В 2013 г. Скотленд-Ярд

завершил расследование по делу британского шоумена Джимми Севила, популярнейшего телеведущего и благотворителя, удостоенного рыцарского звания. Севила признали виновным в совершении 214 сексуальных преступлений, в том числе в 34 изнасилованиях. Изнасилованию подверглись 26 девочек и 8 мальчиков. Самой молодой жертве было 8 лет. Севил совращал детей не только на работе, но и в детских больницах, в школе для малолетних нарушителей, в детских домах. Выяснилось также, что Севил «одалживал» сирот высокопоставленным приятелям.

В 2017 г. появилось сообщение, что более тысячи британских детей стали жертвами современного рабовладения и работорговли. Детей использовали как для физического труда, так и для сексуального насилия. И подобных примеров — тьма. По всему миру детей продают, насилуют, используют в порносъёмках, сектантских ритуалах, попрошайничестве.

На этом фоне суррогатные матери и богатенькие гомосексуальные «родители» — далеко не самое страшное, с чем могут столкнуться бедные малютки.

На протяжении всего XX века «цивилизованный Запад» только и делал, что убивал и грабил. Одна Россия была трижды подчистую разорена «партнёрами» — в 1918-м, в 1941-м и в 1991-м. Но российский обыватель по сей день верит в «незыблемость закона», в «соблюдение прав человека», в «демократические выборы», в «уважение к личности» как в столпы западного общества и рвётся на Запад как в землю обетованную, мечтая о солнце и апельсинах. Но откуда же такая вера вопреки очевидному? Уж не отечественные ли СМИ, включая телевидение, постарались внушить согражданам почтение к «цивилизованным странам»? А теперь нас пытаются напугать тем, что на Западе ужасные гомосексуалисты хотят воспитывать детей.

Выходит, что возмутителен не факт купли-продажи, а купли-продажи с участием гомосексуалистов? Но в этом случае сюжет о вопиющем вмешательстве взрослых в детские судьбы можно расценивать исключительно как факт пропаганды, помня о том, что к теме ЛГБТ российские власти и СМИ прибегают в тех случаях, когда хотят сказать: «У нас не так уж плохо, вы посмотрите, что там у них». И снова, в который раз, предметом торга, шантажа и пропаганды стали дети.

Вот этим лицемерием и вызвана фальшь сюжета о ярмарке младенцев. Запад на протяжении сотен лет без зазрения совести торгует как своими, так и чужими детьми. В России с 1991 г. продажа детей поставлена чуть ли не на поток. И журналисты не только не восстают против фактического на-

силия, но и с яростью лоббируют детоторговлю. А уж либеральное сообщество и вовсе готово заклевать всякого, кто посмеет высказаться в поддержку запрета международного усыновления. Казалось бы, что может быть понятнее: если вы такие друзья детей, то и боритесь за полноценную социальную политику, за создание системы поддержки сирот и бедных семей внутри страны. Пусть государство назначит высокие пособия, пусть контролирует детские дома и усыновителей, пусть, в конце концов, появляются специальные фонды... Но почему-то вся энергия в этих случаях уходит на доказательства цивилизованности Запада, попасть куда на жительство — само по себе уже якобы большое везение. Вместо реальных дел получаются какие-то крайности: то нас убеждают, что всеми силами надо стремиться на Запад, то вдруг потом — что Запад сошёл с ума. А так ли уж важно и то, и другое? Ведь гораздо важнее, что происходит с детьми в нашей стране.

Помимо продажи российских детей за границу, есть и другие примеры. Так, статистика утверждает: каждый четвёртый ребёнок в России живёт за чертой бедности. Что это может означать и чем обернуться в будущем для большинства таких детей и для страны в целом? Плохим здоровьем населения из-за некачественного питания и отсутствия возможности пользоваться платной медициной, то есть не ждать очереди, а обращаться к врачам сразу, как только возникла необходимость. Трудностями в получении хорошего образования, поскольку считается, что поступить на бюджетное отделение ВУЗа можно только с помощью армии репетиторов, натаскивающих подростка на сдачу тестов, а на платное — нужно много денег. Соответственно, найти хорошую работу такому подростку будет сложно, как и вырваться из бедности. И что мы имеем: больное, плохо образованное население, живущее унылой жизнью, не привыкшее мечтать и дерзать, оболваненное и беспомощное. И, видимо, одной из немногих его радостей будет мысль о том, что в России нет гомосексуалистов, покупающих детей. Но ведь, положа руку на сердце, стоит признать: «оба хуже». Одинаково плохи и те, кто продаёт и покупает детей, и те, кто их эксплуатирует и насилует, и те, кто не может или не хочет создать полноценные условия для нормального детства, развития и взросления.

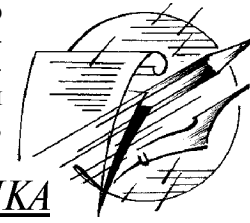
Валентина НОВИКОВА (Чернышёва)

ФЕМИНИЗМ: ЗАЩИТА ПРАВ ИЛИ?..

Большинству людей феминизм известен в основном как движение за полноту социальных прав и свобод женщин, а также против их дискриминации по половому и другим признакам.

Однако деятельность феминисток уже давно вышла за пределы тех задач, которые они первоначально перед собою ставили. Казалось бы, многие гражданские, экономические и политические права завоеваны, а между тем активность продвинутых фемен не только не ослабевает, но и приобретает всё более радикальные, а порой даже извращенныеформы.

Стоит отметить, что под термином «феминизм», как правило, подразумевают единую идеологию борьбы за равенство полов. Но такое понимание лишь отчасти соответствует действительности, поскольку это движение объединяет множество различных групп и направлений, которые могут иметь абсолютно противоположные взгляды на одни и те же вопросы. Само слово «feminisme» (от латинского femina — женщина) сконструировано французским теоретиком социализма Шарлем Фурье в начале XIX века, полагавшем,



что социальное положение женщин является мерилом общественного прогресса. Современный феминизм представлен как в классическом его виде, так и большим числом различных течений вплоть до феминацизма — наиболее радикальной формы, граничащей с мужененавистничеством. Изначально, когда женский вопрос еще только поднимался, речь шла лишь об эмансипации — освобождении женщин от зависимости и ограничений. Но в процессе своего развития эмансипация переросла в феминизм и приобрела те виды, которые мы имеем сегодня. В настоящее время это движение всё чаще стало напоминать черты некоего культа, последовательницы которого пытаются агрессивно навязать обществу свое представление о преобладающей роли и месте женщины в современном мире, о ее абсолютном и безоговорочном праве распоряжаться не только своей собственной судьбой и своим телом, но и судьбами своего потомства.

Женщина и мать, которая призвана Творцом и самой природой защищать жизнь своих детей, воспитывать их в любви и гармонии, становится в наше время источником нестроения и вдохновителем узаконивания права на фактическое убийство — аборты. Феминистки называют это борьбой за репродуктивные права. Обществу еще предстоит прочувствовать на себе в полной мере определенные результаты завоеваний сторонниц этого движения и их влияния на формирование общественного сознания. Но некоторые печальные последствия мы имеем уже сегодня. То, что происходит сейчас в мире в области половой гендерной политики, стало возможным, в том числе, благодаря инициативам и усилиям феминисток.

В конце прошлого года в США начался судебный процесс по заявлению жительницы штата Техас Анны Джорджулес, которая, несмотря на протест супруга, пытается добиться разрешения сменить пол своему 7-летнему сыну. Кроме этого, она настаивает на ограничении в родительских правах мужа, а также на его принудительном психотерапевтическом лечении. Прецедент создан. Страшно себе представить, к каким последствиям могут привести действия таких горемамаш, если судебная система, вопреки здравому смыслу и интересам ребенка, встанет на ее сторону. А совсем недавно в Брюсселе в 4-й раз прошла ярмарка суррогатных матерей и младенцев для гомосексуальных пар, желающих арендовать матку либо купить уже рожденного ребенка. Эта рабовладельческая продажа детей и сдача в аренду женских частей тела происходит в XXI веке в центре Европы. Это о таких завоеваниях ратовали феминистки?

Пока речь шла о борьбе за соблюдение гражданских прав женщины, о праве на получение образования, свободный выбор рода деятельности и профессионального роста, о защите от насилия в любом виде, о реализации материнских и имущественных прав, экономической независимости, то в этой плоскости движение фемен было оправданным. Нынешние феминистки выступают уже не просто за достижение равноправия полов во всех сферах, но за радикальное переустройство общества и полную ликвидацию стандартных гендерных ролей. Характерным является то, что одними из самых активных участниц современного движения феминизма являются представительницы нетрадиционной сексуальной ориентации.

Существует мнение, что толчком к возникновению движения фемен послужила Великая французская революция (1789—1799). Однако Французская революция, которая провозгласила «свободу, равенство, братство» и в которой самое активное участие принимали женщины, на самом деле не признала их равноправия с мужчинами. А одна из ее активисток — писательница и феминистка Олимпия де Гуж, составившая «Декларацию прав женщины и гражданки», закончила свою жизнь на эшафоте, куда ее отправил революционный трибунал. Между тем Олимпия де Гуж, в отличие от нынешних феминисток, выступала не только за уравнивание гражданских прав мужчин и женщин, но еще и за создание родильных домов, за права незаконнорожденных детей, за создание национальных мастерских для безработных и ночлежек для бездомных. Гораздо раньше, чем во Франции, требования равноправия выдвигались американскими женщинами во время войны за независимость США (1775—1783). И хотя право голоса уже существовало для представительниц слабого пола в некоторых городах отдельных штатов, супруга второго президента США Эбигейл Адамс была убежденной сторонницей того, чтобы в новом американском государстве оно стало для женщин всеобщим.

Как отдельное организованное движение феминизм начинает складываться где-то с конца 40-х годов XIX столетия в США. И начало его основанию положили женщины-квакеры. Лукреция Мотт, которая была последовательницей и служительницей протестантско-мистической секты квакеров, при поддержке общественной активистки Элизабет Стэнтон организовала в городе Сенека-Фоллз (штат Нью-Йорк) в 1848 году проведение первой открытой конференции по правам женщин, на которой была принята «Декларация чувств». С

этого момента был заложен фундамент феминизма как теории и как общественно-политического движения.

В Европе в это самое время начинает возникать либеральный феминизм, а немного спустя появляются уже марксистский и социалистический, к которому приложили руку небезызвестные классики Маркс и Энгельс. Именно Энгельс в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» определил угнетение женщин как наиболее древнюю и жестокую форму угнетения кого бы то ни было в истории человечества, тем самым создав идеологическую платформу для этого движения, на которой оно держится и до сих пор.

Из социалистического феминизма в радикальный, возникший в 60-е годы XX века, перекочевала и концепция, которая рассматривает патриархат как систему мужского доминирования над женщинами. Согласно этой концепции, мужчины присваивают себе ведущие социальные роли и держат женщин в подчинении. В среде радикального феминизма появилось сепаратистское его направление, в котором заговорили о гендерной теории. Представительницы этого направления начали выступать против гетеросексуальных отношений как нормы, а традиционный брак рассматривать как одну из форм ущемления прав. В настоящее время гендерная теория очень активно продвигается в массы. Ее отправной точкой служит утверждение о том, что понятия «мужчина» и «женщина» не существуют на самом деле, это всего лишь социальные конструкты, навязанные обществом всем нам. Помещение человека в строгие рамки его биологического пола является одним из видов угнетения. Однако сегодня феминистки и гей-меньшинство борются уже не просто против такого угнетения, а за то, чтобы принудить большинство отказаться от гендерной идентичности вообще. Несомненно, что итогом такой борьбы будет «пост-гендерное человечество» — мир, населенный бесполыми существами, в котором человека не будет вообще как понятия.

Если говорить о равенстве прав мужчины и женщины, на которое были направлены усилия феминисток XIX и начала XX века, то в наше время оно гарантировано светскими властями большинства стран и закреплено на законодательном уровне. Многие функции, которые считались исторически и социально чисто мужскими, признаны одинаково возможными для обоих полов. Но на физическом и психоэмоциональном уровне равноправие мужчин и женщин невозможно, потому что самой природой полов обусловлено, что одни

определенные обязанности легче выполнять мужчинам, другие— женщинам. И это свидетельствует не об угнетении, а о преимуществах, которые у каждого пола свои.

Совершенно очевидно, что конструктивный феминизм себя почти исчерпал. Он уже вышел за рамки завоевания свобод для всех женщин и приобретает узкую направленность на отстаивание прав для определенного отдельно взятого сообщества. Сегодняшняя идеология этого движения, которое занимается в основном решением вопросов сексизма и равноправия ЛГБТ, имеет ярко выраженный богопротивный характер. Она открыто подрывает традиционные семейные и социальные основания, которые напрямую связаны с христианским мировоззрением, пытаясь изменить установленный Творцом порядок вещей. Многие положения философии феминизма противостоят христианским ценностям. Именно поэтому феминистки видят в христианской Церкви своего врага. Христианство всегда считало аборт убийством и строго порицало его. Феминистки выступают за то, чтобы только женщина имела право решать судьбу своего будущего ребенка. Традиционная семья основывается на патриархальных принципах, где муж — глава, который несет за нее полную ответственность, жена — его помощница. Такой порядок семейных отношений как прообраза Церкви был заповедан в Евангелии. В противовес этому феминистки полагают, что главенство мужчины в семье дискриминирует права женщины. В связи с этим в среде представительниц некоторых феминистских течений существует пренебрежительное отношение к мужчинам. Феминизм считает, что христианство, призывающее: «жена да убоится мужа», унижает женщину. Но при этом *фемен* не упоминают о первой части этой цитаты из Священного Писания, в которой апостол Павел призывает мужей любить своих жен, как самих себя (Еф. 5: 33).

Подвергая критике коренные устои общества: любовь, семью, замужество, материнство, нынешние радикальные феминистки полагают, что неравенство полов можно уничтожить только при отказе от культа семьи, обретении женщиной собственной власти на всех ее уровнях и уничтожении патриархата как такового. Например, такие сторонницы радикального феминизма, как Мери Дейли, придерживаются мнения, что мир был бы намного лучше, если бы в нем было намного меньше мужчин. Она полагает, что Библия с ее мужской герменевтикой содержит оправдание неравенства женщин и мужчин: «Если Бог — мужчина, тогда мужчина божественнее женщины, он ближе к образу и подобию Божию,

чем женщина» («Мужество начать путь», 1977). Такое примитивное феминистское «богословие» не нуждается даже в комментариях.

Идея равенства мужчины и женщины перед лицом Бога, а также абсолютной ценности человеческой жизни независимо от пола, возраста, национальности, умственных и физических способностей еще две с лишним тысячи лет назад была задекларирована христианством: «Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3: 28). И именно христианство в лице Девы Марии вознесло женщину до самых больших высот. Апеллируя к одному и тому же нелепому и избитому аргументу, феминистки обвиняют христиан в том, что они считают женщину созданием второго сорта и что Библия не называет ее даже человеком. На такие глупости можно ответить словами святителя Василия Великого из его Толкования на Быт. 1: 27: «Чтобы никто по незнанию не подумал, что определением «человек» обозначается только мужской пол, добавляет: «Мужчину и женщину сотворил их». Жена наравне с мужем имеет честь быть сотворенной по образу Божиему. Природа того и другого равночестна, равны их добродетели, равны награды, одинаково и возмездие».

В настоящее время феминизм отстаивает не только гендерное равноправие, но и упорно борется за повсеместное узаконивание однополых «браков» и нетрадиционных отношений. Христианство же, ссылаясь на Священное Писание, свидетельствует, что браком может считаться только постоянный жизненный союз между мужчиной и женщиной, который был установлен Богом еще в самом начале человеческого бытия. Любое удовлетворение чувственной потребности неестественным путем является грехом и извращением. Люди, живущие в содомском грехе, лишают себя спасения: «Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют» (1 Кор. 6: 9, 10). И это относится в равной степени как к мужчинам, так и к женщинам.

Некоторые зарубежные исследователи истории движения феминизма считают, что отдельные течения радикального его направления, особенно те, которые стремятся к автономной самоидентичности и созданию замкнутых сообществ, начинают приобретать характеристики тоталитарных сект. Боб Блэк в своей статье «Феминизм как фашизм» называет радикальный феминизм смехотворной, полной ненависти, то-

талитарной, сексистской догматической конструкцией. Сегодняшнее обличие феминизма уже не похоже на борьбу за права женщин, а кощунственные методы проведения акций протеста больше напоминают хулиганство и беснование. Совсем непонятно, какие свободы отстаивали, например, полуобнаженные активистки ныне уже распавшегося украинского женского движения «Фемен», спиливая Поклонный крест, установленный в память о жертвах сталинских репрессий? Против какого угнетения боролись они, набросившись на президента Чехии Милоша Земана на избирательном участке? Зато абсолютно очевидно, чьи права поддерживали они, устроив демарш в соборе Парижской Богоматери в тот день, когда французский парламент обсуждал закон, легализирующий однополые браки.

Отрицая разницу между мужчинами и женщинами, феминизм отвергает право женщины быть женственной и жить в согласии со своей природой, развиваясь и выполняя те ответственные и важнейшие функции, которыми наделил ее Господь. Можно сказать, что в настоящее время феминизм — это не борьба за женские права и равенство, а богопротивная идеология, которая направлена в первую очередь против самой же женщины.

Лидия ИВЧЕНКО

ПРАЗДНИКИ И ПРОЗА ЖИЗНИ

РАССКАЗ

Е. Никольской посвящается

Я иду к Женьке — у нее сегодня юбилей. И сегодня у нее съезд гостей — по заведенному за много лет порядку очередная дата ее пребывания на этом свете неукоснительно соблюдается. Приглашенных, старых друзей, постепенно становится меньше — естественная убыль. С тем большей страстью Женька обзванивает всех, а за столом, едва сняв фартук и отдышавшись, говорит: «Я без вас не могу...»

В числе гостей и я, участвуя в этих съездах уж и не знаю в который раз, — столько лет мы дружим. Женька и меня вынуждает отмечать празднествами «верстовые столбы» моего жизненного пути, хотя мне порой не хочется: именинница, говорят, как лошадь на цыганской свадьбе — голова в цветах, а круп в мыле. Да и чему радоваться? Впору уже соболезнования принимать по случаю постигшей даты. «Как это — нечему радоваться? — возмущается Женька. — А тому, что дожила? Разве всем удается? И еще поживешь, согласно состоянию души и тела! И вообще, ты что, не хочешь встретиться с друзьями?» «Но ведь можно и так

встретиться или по телефону пообщаться...», — сопротивляюсь я. «Это всё не то. Как хочешь, — отвечает Женька, — но я всё равно приду».

Я вздыхаю и начинаю готовить стол. Именно это я не люблю, считая бездарной потерей времени приготовление всяких вкусных изысков. Но с Женькой без вариантов: придет — надо встретить. И встречаю. И мы долго сидим, рассказывая друг другу свои личные события, случившиеся за те месяцы, что мы, занятые работой и житейскими мелочами, не находили времени повидаться.

Женька — красавица. Высокая синеглазая шатенка с толстенной косой до бедер и классической фигурой. Она и сейчас еще вполне ничего, а в молодости на нее оглядывались на улице. Бывало, и спрашивали: «Извините, а чем вы моете свои волосы?», на что Женькин муж раздраженно отвечал: «Мылом, мылом!»

Можно завидовать Женькиной красоте, но жизни её не позавидуешь. Вот уж поистине не родись красивой, а родись счастливой. А в смысле счастья... Счастье, правда, у каждого свое в зависимости от запросов, но по части семейного получилось как-то не очень. Муж, парень из генеральской семьи, красивый, но самолюбивый и властный, свою мужскую слабость вымещал на жене, донимая ее ссорами и придирками. Его однокашник, курсант военной академии, влюбившись в Женьку с первого взгляда, умолял ее не выходить за этого избалованного генеральского сынка, а накануне Женькиной свадьбы, в последней попытке помешать событию, сбежал в самоволку, за что был сурово наказан — отчислен из академии.

А как он был прав! — дружно соглашались мы, Женькины подруги; при всей занятости, мы, еще молодые в ту пору, иногда собирались на свои девичники. Ясно, что семейного счастья Женьке не досталось, хотя родила она мужу двух сыновей. В итоге она развелась с ним, хотя и припозднившись, изрядно потрепав к тому времени свои нервы.

— Эх, мне бы твою внешность — я бы, наверное, уже госпожой министершей была, — сокрушенно заключила степенная Рената.

— Это смотря в каких кругах вращаешься, — возразила рассудительная Нора.

Женька обреталась в заурядной, обывательской среде. После замужества появилось и военное окружение. Её красота многих не оставила равнодушными, но моральные устои, на которых она была воспитана, оказались сильнее.

— Ты бы своего «скорострела» убедила к сексологу пойти, что ли, — сказала многоопытная Нинка, сама врач-окулист. — Может быть, он, подправившись по мужской части, характером подобрел бы...

— Да я его записывала к врачу сама, чуть не за руку тащила! Не пошел.

— Даже когда ты разводиться решила?

— Даже. Но меня не столько сексуальная дисгармония удручает, сколько постоянные скандалы. Он же меня изводит. У меня с мужем наверное худший вид разногласий — полное взаимонепонимание. Мы никогда не были единомышленниками ни в чём, мне стоит только открыть рот, как он уже кричит «нет!»

— Возможно, это неосознанный протест против твоего превосходства, которое задевает его мужское самолюбие, — резонирует Рената.

— Или просто упрямство, дух противоречия, — предполагает Нора. — Н-да... Жизнь это не украшает.

— Твердый характер демонстрирует, — вздыхает Женька.

У каждой из нас свой богатый любовный или семейный опыт. А у Майки особенно. Майка в пятый раз замужем. С первым мужем, с которым женились еще в студенчестве по страстной любви, Майка рассталась в полуобмороке от отчаяния, но решительно. Как-то, вернувшись с вечерних занятий в институте раньше положенного — отменили последнюю пару из-за болезни преподавателя, — она уловила за дверью какое-то движение, а в прихожей нагло бросались в глаза чужие туфельки. Сердце заколотилось о ребра. Мужу, всклокоченному, с опущенными от смущения глазами Майка сказала: «Здесь, кажется, кто-то есть? Я вернусь через пятнадцать минут, и чтобы здесь посторонних не было». Майка осталась с ребенком, тогда еще грудным, но это не изменило ее решения. Мать уговаривала: «Не горячись, прости ему этот грех. У мужиков полигамия в крови...» «Мама, так будет всегда! И зачем мне эти страдания всегда?»

Мы были потрясены Майкиной твердостью, но одобрили — разумность была очевидна. Второй муж пил, а Майка не сразу распознала, насколько это серьезно. А поняв, пришла к выводу, что тащить всю жизнь такой чемодан без ручки ей не под силу: «Я не Макаренко, чтобы эту безвольную суку воспитывать». И несмотря на клятвенные заверения, которые регулярно следовали после каждого похмелья, Майка поступила жестко и без колебаний. С третьим и четвертым тоже что-то не заладилось. Говорила, что устала быть паровозом: «Почему мне, девоньки, так везёт на слабых мужчин?» «По-

тому, что ты сильная, — объясняли подруги. — И они тянутся к тем, кто способен в жизненных передрягах держаться за двоих». Зато с пятым всё сошлось. Конечно, не идеал, делилась она с нами, закадычными подругами, но где мы видели идеал?

Нинка тоже хороша собой, но у нее всё иначе. В чем-то с ней было легче и проще. Петь, танцевать, выпить — она всё любила и на все радости жизни откликалась с готовностью. Но через месяц-другой после того, как она открывала поклоннику свои объятия, он её бросал. И хоть это случалось уже не впервые, происшедшее каждый раз потрясало до основания впечатлительную Нинкину душу. Когда она, войдя в комнату студенческого общежития, не раздеваясь, бросалась ничком на кровать и начинала рыдать, нам не нужно было спрашивать, в чём дело. Иногда мы пытались ее утешать. В ответ Нинка провывала одну только фразу: «Я его люблю-у-у...»

Пару недель после любовного фиаско Нинка отходила — была меланхолична и грустна, резко отшивала искателей знакомств, скорбя, исписывала по ночам тетрадку стихами, в которых довольно хорошо подражала Есенину, пока новый роман не отвлекал ее от этого занятия. Следующие стихи, можно было не сомневаться, будут уже посвящены ему.

Нам особенно запомнилась Нинкина душевная драма, виновником которой был виолончелист из филармонии — широкозадый, напоминающий фигурой свою виолончель, и коротконогий, как такса. Уму было непостижимо, чем он мог покорить Нинку — принадлежностью ли к избранному племени потенциальных знаменитостей, шикарным ли черным фраком или контрамарками на концерты...Скорее всего он подвернулся ей в период очередного кризиса, когда любовный вакуум срочно надо было кем-то заполнить. Но как бы то ни было, он, которому на Нинкину красоту, казалось, нужно было молиться, тоже покинул ее. И так же, как его предшественники, был похоронен с почестями — оплакан обильно и искренне.

Нинка привязчива — в этом всё дело. При том количестве поклонников, которые вокруг нее вились, ей, тем не менее, не везло в любви. Я еще поняла бы, если бы не везло мне — я могла не соответствовать принятым, так сказать, эталонам. Но Нинка... Глазастая, стройная, она была красива броской красотой, и характер у нее был легкий — таких мужики любят. Они не любят тех, с кем сложно, — обидчивых, мнительных, вечно всё анализирующих. «Ах, не усложняй», «Не философствуй, пожалуйста», «Не мудрствуй» — то и дело слы-

шала я от своих ухажеров, но не философствовать и не усложнять не могла — я мечтала о чистых, серьезных чувствах и отношениях.

Вряд ли Нинка не мечтала о том же.

— Искренность — вот в чем главная беда, — рассуждала она в трезвые минуты, анатомируя свои любовные драмы. — Я пришла к этому методом исключения. Любовь можно удержать лишь тогда, когда сохраняешь ясность и трезвость мысли. Я же слишком искренна и щедра на чувства. А стоит только обрушить на избранника весь поток обожания, как он начинает смотреть на себя твоими же восхищенными глазами и переоценивать происходящее. Человек, способный внушить такое чувство, возможно, достоин и лучшего... Так что, девоньки, прямота выходит мне боком!

— Странно, — удивлялись «девоньки», — ты так хорошо всё понимаешь, умеешь во всём разобраться, почему же не извлекаешь уроки из своего опыта?

— Для притворства, хитрости или дипломатии, как сейчас выразились бы, нужно или не любить вовсе, или иметь дьявольскую волю и самообладание, чтобы заставлять события действовать в твою пользу, — пожимала плечами Нинка. — В любви тоже надо быть Бисмарком, а это талант от Бога, я им не обладаю. Уж лучше я буду вести себя соответственно своей натуре. Не может быть, чтобы не нашлось человека, которому я понравилась бы такой, как есть.

Нинка в конце концов нашла свое счастье — такой человек ей встретился. Раскрылась навстречу новой любви и Женька. Однообразная, казалось бы, ограниченная повседневными заботами о детях жизнь, как подземная река, которая однажды выходит на поверхность и выносит нечто удивительное, неожиданно преподнесла Женьке увлечение, которому она отдалась с восторгом и жадностью неизбалованного радостью человека. Уловив разлад в семье, дал волю чувствам их общий знакомый, офицер, обогнавший в карьере и званиях всех своих однокашников. Он был и собой хорош, этот перспективный молодой человек, так что Женька, воспрянув духом, просто сияла. Но страстная любовь кончилась ничем: тот, к кому потянулась ее душа, не увел ее от мужа, а ушел сам — без объяснений и даже без прощальной записки. В минуту отчаяния, в какой-то момент ей вдруг показалось, что впереди ничего нет, а за спиной пустая жизнь, годы, прожитые в ожидании чего-то важного, которое так и не состоялось, и уже не состоится... Вот тут ей захотелось открыть газ и сунуть голову в духовку — если все чувства истреблены, что остается в жизни, чтобы за нее цепляться?

Подруги навалились вовремя со своими сентенциями и промыванием мозгов. Удержал и страх за детей — нет, не имела она права на такой эгоизм.

Мы все гадали: что бы мог значить такой поворот в Женькином романе?

— Может, побоялся взять на себя чужих детей? — предположила Рената. — Хотя любящего человека это не остановит...

— Думаю, не в этом дело, — сказала Майка. — Жизнь тебе сломали, скорее всего, друзья мужа — как бы из наилучших побуждений. Эти проклятые моралисты наверняка убедили твоего избранника, что нет ничего бесчестнее, чем разрушать семью товарища. И он уступил... Ушел по-английски, не прощаясь.

— Поживем — увидим, — подытожила Нора. — Что-то как-то ведь проявится, выплывет...

Со временем всё подтвердилось в точности, как и предполагала Майка. Но поезд уже ушел. На одной из праздничных вечеринок Нора огорошила Женьку:

— Всеволод просил твой телефон. Дать?

Женька изумленно уставилась на нее, распахнув глаза в длинных, по-коровьи прямых ресницах. Помолчав, сказала:

— Нет.

— Что так?

— Он меня предал.

— Но ведь его действительно убедили, я случайно узнала через общих знакомых, — возразила Нора.

Женька задумчиво потеребила косу. Улыбнулась не без ехидства:

— А сейчас он уже не так убежден?

— А сейчас ты уже давно в разводе. Свободна, так сказать. И он, между прочим, уже генерал.

— Всё равно не надо. Тем более что он, как ты выяснила, давно женат. Теперь уже мне негоже разрушать чужую семью. А заводить любовные шашни не в моем стиле.

Замужем еще раз Женька всё-таки побывала. Но рассталась с мужем из-за его скверного обращения с пасынками. А достигнув «совершеннолетия», как мы называли свои наступившие полста, все мысли о мужьях и ухажерах отставила напрочь, сосредоточившись на отношениях с взрослыми детьми.

...Улыбаясь этим воспоминаниям, я неспешно шла, радуясь предстоящему отдыху, встрече со своими «девоньками», и была уже недалеко от цели, когда пропел моцартовскую мелодию мобильный телефон. Звонил муж, поехавший навестить семью дочери.

— Срочно приезжай. Катя заболела. Неотложку вызвали.

Я едва не выронила телефон.

— Что говорят врачи?

— В больницу предлагают. Поговори с ними, может, ограничиться анализами, сделать рентген...

— К сожалению, только в больнице это и сделают — поликлиника не работает, сегодня выходной...

— Ну, может быть, домой отпустили бы... Или хоть договорились бы положить ребенка с Ларисой — как же такая крошка без матери?

— Вот и договаривайтесь! М-м-м... Хорошо, сейчас приеду.

Так. Прощай надежда на праздник. «Женька, я приеду позже, — звоню ей, — непредвиденные обстоятельства...»

Снова нырнув в метро, я добралась быстро, но все равно опоздала — двухлетнюю Катю уже увезли в больницу, и в прихожей меня встретило смятое страданием лицо мужа.

Всем своим видом он выражал упрек.

— Что так долго?

— Как транспорт ходит.

— Врачи отказались ждать и настаивали на госпитализации. А тебя всё нет...

— Ну, понятно, я как всегда виновата. Если можно было обойтись без больницы, зачем вы с Ларисой отдали ребенка?

— Я не знаю, можно обойтись без больницы или нет! — почти прокричал муж.

— А откуда могу знать я? Вы два взрослых человека не можете принять решение! Ну так положитесь на мнение врачей... Но нет — вы ждёте меня... Где Лариса?

— Поехала с ребенком, ей разрешили проводить... Куда? В Морозовскую.

...Я еще издали увидела катившее в мою сторону такси и отчаянно замахала рукой. Шофер, довольный, что едет не порожняком из отдаленного района, любезно распахнул дверцу. Услышав направление, спросил участливо:

— Заболел кто?

— Ребенок.

— Дети без болезней не растут, — с готовностью принялся он успокаивать, — это их приспособляемость к окружающей среде. Я читал. Единственный, небось? Сейчас все так — по одному выродят и дрожат над ним... — Увидев в зеркале мое расстроенное лицо, водитель поспешно добавил: — Не волнуйтесь, мама, всё будет в норме. Медицина пропасть не даст...

«Мама»...Гм. Впрочем, моих лет мне не дают, с возрастом я не слишком прибавила в весе, хотя масса как-то перерас-

пределилась, уйдя в живот и бедра, да и лицо не очень пострадало. И все-таки я не чувствовала себя молодой. Рождение внучки оглушило меня, будто с размаху грохнув о нечто, называемое быстротечностью бытия, воспринимавшееся до этих пор достаточно абстрактно. Еще недавно я возила в коляске такой же фланелевый сверток, совала в кричащий рот тугую, распираемую молоком грудь. И вот кокон незаметно превратился в длинноногую девчонку, которая в один прекрасный день произвела себе подобное, и теперь, выходит, я уже бабушка... И это ощущалось как завершенность своего жизненного цикла, начало собственного конца.

До сих пор я жила не зная усталости, носилась по городам и организациям, добывая материал для своих интервью, лелеяла мечту о книге, которую приходилось писать урывками — в выходные и отпуска, томилась слишком медленным продвижением к своей цели, но не отступала, надеясь на какие-то перемены завтра. А теперь оказывалось, что и ожидать-то уже нечего — большая и лучшая часть жизни прожита. Не сделано же в сущности ничего из задуманного, и для этого не было уже ни времени, ни сил, потому что с каждым годом появлялись новые проблемы и неведомые прежде недомогания. На вопрос о самочувствии я теперь отвечала услышанной где-то и понравившейся фразой: «Хуже, чем было, но лучше, чем будет».

— Как поедем — через центр или по набережной? — спросил таксист.

— Как хотите.

— Да не убивайтесь вы так раньше времени, — снова принялся за свое водитель. — Хотите, я вас там подожду — может, срочно что-нибудь понадобится...

Он, видно, был добрым малым, готовым помочь любому.

— Я не поэтому.

С тех пор, как родилась Катя, мы с мужем постоянно ссорились. Нерастраченный запас родительских чувств, который он обрушил на ребенка, заставлял его изнурять себя всяческими делами по уходу за внучкой, ездить за детским питанием, после работы мчаться на другой конец города — убедиться, что ребенок чист, сух, одет и накормлен, иначе он не мог успокоиться. Он фактически не отдыхал ни после работы, ни в выходные, сдал здоровьем, а в итоге от этого добровольного рабства плохо было всем. Все-таки бабушки и дедушки прошлого наверное любили своих внуков спокойнее: собственных детей росло много, было на кого расходовать чувства. Может быть, решись я не на одну только дочь, у нас сейчас тоже всё было бы иначе.

С появлением ребенка усугубились и серьезные разногласия с дочерью, начавшиеся еще до ее скоропалительного замужества. Дочь ни в чём не оправдала моих ожиданий. Слушая сетования приятельниц, я находила в них много общего со своими и пришла к заключению, что мы имеем дело с социальным явлением. У Ларисы были прекрасные природные задатки. Общительная, остроумная, она сразу становилась центром внимания любой компании, у нее была масса друзей и приятелей, что имело свои недостатки: мне оказалось не под силу справиться с таким массированным влиянием. Подростки смотрели только зарубежные, главным образом американские фильмы, в массе своей низкопробные, прыгали на дискотеках под грохот так называемой музыки, больше напоминающей африканский там-там, «балдели» на концертах разнузданных поп-звезд и завидовали обладателям крутых иномарок. И в этом Лариса, современная девочка, от них не отличалась. Но у нее было природное чутье к точному, меткому слову, и, отмечая этот божий дар, я надеялась, что дочь станет видным журналистом, а то и литературным переводчиком. Но дочь думала о джинсах с лейблами, фирменных кроссовках и записях модных крикливых ансамблей... С ней дружила девочка, родители которой работали в посольстве за рубежом, у девочки было полсотни разных батников, маек с рисунками, обоймы губных помад и лаков для ногтей. Дочь теперь обижалась, что ей нечего надеть, ее держат в черном теле — у нее нет хотя бы одних приличных джинсов или джинсовой юбки...

— Разве джинсами с супернаклейками утверждают себя? — удивлялась я. — Пусть этим хвалятся те, кому хвалиться больше нечем!

— Джинсы теперь есть у всех, — скорбно отвечала Лариса, всем своим видом демонстрируя, как она обездолена.

— Тем более — зачем же быть похожей на всех? — Мне не жалко было денег на джинсы, но непонятно это овладевшее всеми безумие.

— Но ведь джинсы сейчас в моде! — втолковывала дочь.

— Модно быть стандартным? Это даже противоречит женской натуре — стремиться быть похожей на всех...

Лариса сдвигала к переносице выщипанные в ниточку бровки и замолкала. А вскоре появлялась в фирменных джинсах, одолженных у подружки.

Недоумевая, я все-таки привезла ей из зарубежной командировки даже две пары джинсов — может, разгрузятся ее мозги для чего-нибудь путного, если избавятся от навязчивой идеи. Дочь осыпала меня благодарными поцелуями и снима-

ла модные штаны разве что на ночь. Вдвоем с дочерью дипломата они по-прежнему изобретали, как умопомрачительнее одеться на школьный вечер. Я сердилась.

— Почему вы непременно хотите выглядеть экстравагантными, да еще в школе? А как же такие, как Таня? У нее дорогостоящих импортных тряпок нет. А она, между прочим, не хуже и не глупее вас, тем более ваша подружка...

— Мы не можем помочь Тане — она крупная, на нее ничего нашего не налезет, — отвечала дочь.

— Да разве в этом дело? — Я уже выходила из себя. — Ей мать не может купить ничего такого. Почему она должна чувствовать себя Золушкой?

Девочки обменивались насмешливыми, понимающими взглядами: дескать, что взять с этих старомодных, консервативных предков. Отстой...

Вскоре свалилось на мою голову еще и это ее стремительное замужество, какое-то импульсивное, породившее массу проблем и сокрушивших последние надежды на счастливую, неординарную судьбу дочери. Я с самого начала была против такого экспресс-брака, но оказалось, что дочь уже беременна, так что мое отношение к этому теперь ничего не меняло. К известию о беременности Ларисы я отнеслась без трагедийности, лишь сказав с досадой:

— Как у вас всё быстро! Не успели заявление подать, как уже приступили... А на что вы будете жить?

— Я перейду на вечернее отделение, работать стану. У Антона стипендия, его мать обещала добавить.

В сказанном слышался скрытый упрек: собственная мать, похоже, не разбежалась с помощью.

— Учти, — сказала я, отвечая на ее безмолвный вопрос, — мы с папой сможем помогать тебе только материально, так что с ребенком рассчитывай на свои силы.

После свадьбы встал вопрос и о том, где жить молодым. Дочь, посмеиваясь, говорила, что никуда уходить не собирается, ей и здесь хорошо.

— Еще бы! — отвечала я, — такое обслуживание, да чтобы плохо!

Мы с мужем работали много, приходили поздно, но все домашние дела лежали на нас: дочь весь день была в институте, и само собой выходило, что помощи по хозяйству от нее ждать было нечего. Все выходные мы стирали, убирали, бегали за продуктами, готовили, мыли и теперь с ужасом думали о том, что в семью придет еще один взрослый, чужой человек, которого надо будет кормить и обихаживать, потому что и он заботиться о себе не привык. А там и ребенок родится...

— Еще двоих я не выдержу...— с мрачным вздохом вырвалось у меня.

Дочь на ус намотала. Молодые ушли в семью мужа, где хозяйство вела бабушка, а свекровь собиралась на пенсию. Вместе с дочерью ушло и что-то из наших отношений, когда-то доверительных на зависть иным из моих знакомых, теперь до меня доносились отголоски разговоров среди родни — дочь всем на меня жаловалась. Осуждала за жадность — не дала денег на новую дубленку, за поучения, за вмешательство в ее семейные дела: ордер на квартиру, которую мне удалось выхлопотать для молодых, был выписан на ее имя, а не на имя зятя, я на этом настояла. И оказалась права: они все-таки разошлись.

Правда шла вперемежку с вымыслом, и это было тем более обидно, что не всякие родители, наверное, сделали столько для своего чада, сколько я. «Слишком много дала, — говорили подруги, — чем больше даешь, тем меньше ценится». Такой, как раньше, дочери теперь не существовало, а любовь к ней, перегорев в пламени, постоянно питаемом свежими фактами предательства, выплавилась в конгломерат привязанности, отчуждения, привычной готовности помочь и какого-то душевного сиротства.

— Приехали, — сказал таксист.

Почти прозрачная от худобы и старости врач приемного отделения внимательно смотрела на меня сквозь толстенные стекла очков.

— Мне знакомо ваше лицо, — сказала она.

— Медицинские передачи по телевидению, — напомнила я, втайне обрадовавшись этому узнаванию: здесь я уже не наравне со всеми.

— А-а... — кивнула врач. — Профанация медицины все эти ваши передачи.

— А что же вы хотите, чтобы мы выражались наподобие «анаболические препараты нейтрализуют катаболическое действие»?

— По крайней мере, грамотно, — улыбнулась та.

— Но никому, кроме специалистов, непонятно. И зачем тогда эти передачи?

— Действительно, зачем? — ехидно согласилась старушка.

Дискуссия могла принять опасный оборот, а я не хотела уходить ни с чем.

— Это не мной придумано, — миролюбиво сказала я, — людям нужна пропаганда элементарных знаний, хотя бы по санитарии и гигиене.

— Ладно, — милостиво согласилась врач признать статус-кво медицинских передач. — Но ребенка мы вам не отдадим. — Она словно видела меня насквозь.

— Да нам бы только осмотр и самые необходимые анализы, в воскресенье негде сделать, — умильно упрашивала я.

— Нет уж, — возразила дежурная. — Мы план не выполняем по койко-дням, сейчас лето.

— Тогда и лечить, значит, не надо? — Я начала закипать. — Пусть подольше лежат, выполняют ваш план койко-дней!

— Не говорите глупости, — рассердилась врач. — Ну хорошо, хорошо, — поспешно заговорила она, видя на лице посетительницы решимость вышибить все эти двери, лишь бы добраться до ребенка. — Приходите завтра, будут готовы анализы, снимки. Может быть, действительно отпустим домой, а может быть, вы и сами увидите, что малышке лучше побыть у нас. Ей лежать надо. Вы ведь когда болеете, лежите? А ребенка попробуй заставь! У нас же поневоле лежать будет... Присутствие мамы не проблема, тем более, что нянечек не хватает. Идемте, я покажу, как у нас. Но на ребенка посмотрите издали, а то плакать начнет...

В палате-изоляторе на кроватке среди игрушек сидела Катя с куклой в руках. Увидев врача, заулыбалась, протянула ручки. Дежурная подошла, погладила малышку. Пообещала: «Мама скоро придет».

Расстались мы почти друзьями. Вроде бы ничего я не добилась, а стало спокойно на душе. Всё правильно, хорошо, нормально.

...О-о, наконец-то! — хором встретили мое появление подруги. — Мы уж думали, что ты вообще не появишься... Случилось что? — наперебой засыпали меня вопросами.

— Случилось. С полдороги пришлось возвращаться. Ребенок заболел, в больницу забрали. Муж потребовал, чтобы я ехала туда разбираться.

— А сам-то что?

— Что, что... Все привыкли, что я лучше всех знаю, что делать и как быть.

— Значит, приучила, — сказала Майка.

— Да нет, просто лучше других ориентируется в обстоятельствах, — возразила Нора.

— А к сестре в твое отсутствие нельзя было обратиться? — настаивала Майка. — Или вы всё еще в ссоре? Помирились или как?

— Да как-то так... — Я пожала плечами, затрудняясь с ответом. — Дипломатические отношения вроде восстановлены. Она ведь сначала ссоры затевает, а потом потихоньку

подбирается к примирению. Мне с посторонними легче и проще, чем с родной сестрой. Она то и дело на меня наскакивает, да и раньше на меня напускалась, я много гадостей от нее слышала. Даже при посторонних. Однажды мы отмечали какую-то семейную дату в ресторане «София», ее пригласили. Она скучала тогда, мужа в армию забрали — отслужить срочную. К нашему столику официант подсадил молодого мужчину — мест не было, что ли. Так она и тут ухитрилась меня шельмовать. Я даже не отвечала на выпады — неудобно ссориться «у прохожих на виду». Но всё думаю — почему, ведь я ничего плохого ей не сделала.

— Потому что ты умнее, — вынесла вердикт Женька. — Вы разные — она красивее, а ты умнее, но эти качества не уравновешиваются. И она все время сравнивает, интуитивно ищет какие-то доводы для себя и против тебя...

— Ну ты психолог... Рассудила почти по Фрейду! — удивилась я. — Действительно, она относится ко мне не как к сестре, а как к сопернице, которую надо чем-то уесть. Однажды смотрела-смотрела на меня и вдруг ни с того ни с сего выпалила: «У меня зарплата такая, какая тебе и не снилась». Я рассмеялась и сказала, что для меня не это главное. В другом случае, затеяв ссору, она заявила, что я для неё не пример. И, между прочим, сестра была единственной, кто плохо отозвался о моей книге, а ведь родственники обычно наоборот — одобряют, хвалят, поощряют даже если сочинение не на высоте... Раньше я о таком соперничестве не думала, мерила на свой аршин: у меня-то насчет её красоты комплексов не было — мало ли красивых женщин? Вот ты, например... Что же — всем завидовать?

— А она насчет твоего ума и литературных способностей комплексует, — настаивала Женька. — И смириться с твоим превосходством не может, вот в чем дело. Тем более, что внешне и ты хороша.

— Вообще-то женщина смотрится в целом — помимо красоты лица должны быть фигура, рост, ножки стройненькие, а этого не только мне, но и ей не хватает. Хотя её портретами увешаны все стены в доме. Её фотографию я даже в кейсе своего мужа увидела. Всучила все-таки.

— Да ты что?! — охнули подруги. — И как ты отнеслась?

— Никак. Расспрашивать не стала. Все-таки родственники. Правда, удивилась.

— Да она, наверное, к твоему мужу подбивалась, — предположила Женька.

— Вряд ли. Скорее просто самовлюбленность. Да и моральные устои у нее, надеюсь, какие-то есть. Правда, звуча-

ли иногда высказывания, вроде бы шуточные, что правильнее было бы моему Витьке стать ее мужем, а её Валерке — моим. И сказано это было при обоих мужчинах. Я тоже отшутилась: «Ну, тогда пришлось бы огнетушитель в доме держать!» Кстати, ее Валера меня уважал: однажды, когда она напустилась на меня, а я её резко осадила, он, который всегда за нее заступался, промолчал — понимал, что я права. И дачу хотел купить непременно рядом с нашей, и нашими отношениями дорожил... Ты знаешь, я к ней очень тепло относилась с той поры, как мы помирились после смерти матери, но...

— А что было до того? — перебила Женька, заинтересованная моей необычной откровенностью: не так уж часто я облегчала душу перед подругами.

— Ссора, и, как всегда, на пустом месте. Даже причины не помню. Но она так орала на меня прямо на улице, что какой-то мужик, шагавший сзади, пригрозил, что сейчас милицию вызовет. Вот так. Она меня тогда просто достала, я решила никогда с ней больше не общаться. Прокляла ее, но это сгоряча и от неверия. К вере я пришла позже, и к ее постулату, что надо прощать. Простила, конечно, но многое, черт побери, все-таки помнится. Даже такой пустяк: зашла как-то речь о наших с ней крёстных, и, рассказывая своему мужу о моей крёстной — тонкой, интеллигентной натуре, она тут же сделала оговорку, что справедливее было бы этой женщине стать ее крёстной, а не моей, мне больше подошла бы ее крёстная — женщина деловая и грубоватая. Опять мне повезло не по заслугам!

— Похоже, она все-таки задета, твой Витька в ее мыслях, наверное, витал. Протест на подсознательном уровне.

— Не знаю, может быть. Теперь, когда многое уже позади, она призналась, что Витька ей нравился. И даже будто бы, услышав, как я Витьке за что-то выговариваю, якобы сказала: «Если будешь его ругать, я его у тебя уведу». Никогда подобных сцен и реплик в ее присутствии не было, это её выдумки, в которые она и сама поверила. Да и чёрта с два она увела бы — он относился к ней вполне индифферентно. А мне, хотя скуп на признания, однажды сказал, что ему повезло в жизни, — он женился на любимой девушке.

— Завышенная самооценка твоей сестры — не предмет для переживаний, — сказала Нора. — Чего ради? Это не муж и не дети, это второстепенное.

— Вот именно, — поддержала Рената. — У меня самой было нечто подобное, даже хуже. Моя сестра, например, меня просто подставила, воспользовавшись моим временным помра-

чением ума. Однажды я вскипела из-за письма отца: в его письмах ко мне часто звучало сожаление, что я не сын, а от девок толку не будет. Было в них и многое другое неприятное. И вот я, взбешенная его очередными нелепостями, разразилась гневной отповедью в ответе. Но остыв, задумалась — отправлять или нет? Сомнения были — все-таки родители. Спросила мнения сестры, дала прочесть — не слишком ли резко? Она сказала решительно: «Отправляй». Я отправила. Но письмо попало в руки матери, она не передала его отцу, чтобы не расстраивать. Несмотря на все обиды, которые от него терпела, она его все-таки любила. На меня же обиделась так, что не захотела со мной даже поздороваться, когда мы приехали навестить ее в больнице. А прощаясь, сказала, демонстративно обращаясь к сёстрам: «Вы у меня хорошие дочери!» Так я стала плохой дочерью, и невозможно было ничего сделать и объяснить. Я не знаю, почему «хорошая дочь» не отговорила меня от этого письма, ведь я сомневалась и с ней советовалась не случайно. Может быть, намеренно? Не упустила случая очернить меня в глазах родителей? Отец, правда, до конца жизни так и не узнал об этом письме. А я до сих пор казнюсь за свою дурость.

— Я думаю, за твое покаяние небеса тебя давно простили, — сказала Нора.

— Главное, простила ли мать? Между прочим, я однажды видела сон, будто в ящике родительского шкафа вдруг загорелась груда писем. Обычно я сны не помню, кроме некоторых, а этот, словно знаковый, врезался в память. И когда я о нём рассказала мужу, он расшифровал: «Ты прощена».

Снова запел телефон. Звонила дочь:

— Мама, не беспокойся, пневмонии у Кати нет. Все обследования сделаны, ничего тревожного. Я в больнице с Катей. Представляешь, мне позвонили из приемного отделения и сказали, что я могу остаться с ребенком. На днях выпишут. Так что всё хорошо, не волнуйся.

— Вот и результат твоего визита, он не прошел даром, — заключила Рената. Даже маму к ребенку позвали!

— И дочь у тебя заботливая, звонит, чтобы ты не волновалась, — одобрительно отзывается Нинка. — А ты обижалась...

Подруги загалдели наперебой.

— Вот видишь, они начинают что-то понимать, — включается в общий настрой Женька. — Мой Виталька недавно меня даже удивил. Когда я собралась в санаторий — здесь, в Подмосковье, так он с работы отпросился, чтобы меня отвезти. Здесь недалеко, говорю, доеду общественным транспортом. А он: «Еще чего! У сыновей машины, а мать с чемоданом

пусть по автобусам да маршруткам мается?» Как-то теплее друг к другу стали. А сколько я с ним, этим юнцом, в свое время натерпелась, сами знаете...

Я молча улыбалась. Одной мелкой детали в поступке дочери хватило, чтобы на душе стало как-то празднично из-за нахлынувших чувств. Я словно прозрела и теперь ощущала себя как заполненное своим счастьем существо. Кто кого не понимал? Обе... Дочь не стала такой, какой я хотела ее видеть, — ну и что? Она выбрала свою судьбу и вполне довольна своей жизнью — молодая привлекательная женщина, общительная, остроумная, богатая друзьями, счастливая в браке, ее не затянуло разрушение души западной культурой, как произошло со многими другими. Что главное в человеке? Чистота помыслов и поступков. А это в ней есть. Обычный, казалось бы, звонок вселил уверенность, что в отношениях с дочерью теперь всё будет хорошо, ладно, дружно, весело; меня заполнила нежность ко всем и ко всему — к дочери, внучке, мужу, подругам... И это было чувство, противоположное тому, что я испытывала, думая о своей матери.

Прошлое всегда с нами. И чем больше оно отдалялось по времени, тем меньше хотелось вспоминать то неприглядное, что вызывало горечь оттого, что ничего уже не поправить. Заботили ли меня тогда чувства матери, ее волнения, переживания, обиды? Увы... Наши отношения складывались сложно — в многодетной семье мне, старшей, приходилось помогать управляться с меньшими детьми, а меня ждали конькобежная секция, спортивные соревнования в школе, тренировки, на которые меня не отпускали. Конфликты, раздоры... Я дерзила. И школьный физрук приходил к нам домой, уговаривая мать разрешить способной девочке участвовать в спортивных занятиях. И лишь вступив во взрослую жизнь, я поняла, как ей было трудно.

Весь свой недолгий век мать тяжело трудилась, исполняя самую насущную и самую неблагодарную работу — домашнюю. Что она видела в жизни хорошего? Война, голод, страх за мужа, воевавшего на фронте, дети, нескончаемые заботы и постоянные нехватки, проблемы пальто и ботинок, вечное сражение за деньги... Поглощенная хозяйственными хлопотами, мать не отходила от плиты, то стряпая, то грея воду, то купая детей тут же в кухне, где теплее, чем в ванной с ее неисправной колонкой. Худая, изнуренная, измученная постоянным недосыпанием, она казалась старше своих лет и старше мужа, о чем ей было известно из доходивших до нее соседских пересудов. Это ее расстраивало, но все равно ей некогда было заниматься собой, и она по-прежнему изобретала, как лучше держать дом.

А потом ее не стало... Однажды мать приснилась мне воскресшей, вернувшейся на часок проведать детей, и я спросила: «А Бог-то тебя простил?» «Простил, — кивнула мать. — И тебя простит». С улыбкой на прежнем, еще молодом и невыболевшем лице, умиротворенная, она опустилась на кровать, а я прилегла рядом, зная, что они скоро расстанутся. И правда, мать вскоре поднялась: «Пора». Захотелось ее удержать — они так и не успели ни о чем поговорить, но мать несколько раз быстро-быстро кивнула и исчезла. Она и потом изредка возникала во сне, но коротко, эпизодически, после чего я мучилась воспоминаниями и состраданием к ее нелегкой судьбе, раскаянием, которое теперь некому было высказать.

— Вот философы утверждают, что каждый в глубине души одинок, — говорит Нора. — Внешне тысячами нитей связан со многими, а глубина недосягаема, человек позволяет заглянуть под защитную оболочку на самую малость. Вот мы, например, разве одиноки? Я этого не чувствую. Нам хорошо вместе, и поддержка всегда есть. Когда люди сердечно привязаны друг к другу, нет никакого одиночества...

— И вообще, давайте выпьем за это, — подхватывает Нинка и тянется к бокалу. — «За любовь, за дружбу, за улыбки милых, за сердечность встреч», — как поется в одной хорошей песне...

Всплеском шумного одобрения отозвалось наше сообщество на эти слова. И в нем было ощущение радости, незыблемости и устойчивости жизни.

Александр АНДРЮШКИН

НА РОДИНЕ

РАССКАЗ

В чём заключались разногласия между «нашей» тётей Дуней и Агафонихой с противоположного конца деревни, городской мальчик Миша не мог понять.

С полуторагодовалого возраста родители привозили его в эту деревню на лето; в школьные годы приезжал уже сам — иногда и на зимние, и на весенние каникулы. У тёти Дуни не было детей (поэтому в деревне её и называли не баба Дуня, а тётя Дуня), и он был ей вместо родного внука. Да и, действительно, приходился внучатым племянником.

Просторный этот дом — самый большой в деревне — Миша знал с детства и вот сидел зимним вечером в его чистой комнате, читал за столом и невольно слышал, как две старушки разговаривают в кухне, куда пришла и села, не раздеваясь, Агафониха.

— Обязательно это отместится! — говорила Агафониха с напором и с какой-то скрытой угрозой. — Так и в Библии сказано: всё это отместится!

Весомость, с которой она это заявляла, соответствовала её настырности и всему её облику. Невысокая

и полная, баба Клава Агафонова выглядела неопрятной. Лицо всё время словно в испарине или в поту, замызганная одежда — ведь она держала корову, а тётя Дуня теперь только кур — и глазки Агафонихи бегали воровато и испуганно, но вдруг наливались отчаянной решимостью. Именно этот переход от боязливости к злобе и держал от неё на расстоянии.

«Наша» тётя Дуня была проще, что ли, и ближе к типичной русской женщине из народа. Не красавица, но с лицом открытым и честным, привлекательным; с обликом трудовым, но без чрезмерных мужеподобных черт. Такой она представала на фотографиях прежних лет, хотя бы вон там, против Миши, в старомодной рамочке над комодом.

— ...Если нехорошее, злое совершил, — повторяла ту же мысль Агафонова, — то обязательно тебе это отместится!

— Оно так, — сдержанно соглашалась тётя Дуня.

— И ишо сказано в Библии, — продолжала Агафонова. — Будут беды, жестокости и войны. Не удивляйтесь: это должно быть.

— Так, правильно... — подтверждала тётя Дуня. — Китай-то всё воюет? — спрашивала она вдруг, тоже как бы невпопад и в отрыве от темы разговора.

— Воюет, куды ему деться... — соглашалась Агафонова, а Миша недоумевал: что за чушь? С кем воюет Китай? Что они, телевизор не смотрят, радио не слушают?

...Шли 70-е годы XX века. Как водится, для молодых время ползло, для стариков летело: тётя Дуня сначала хвасталась, что ей «семьдесят шесть лет!», потом, что «восемьдесят шесть!»... Агафонова, та была помоложе, и не ей бы, а тёте Дуне ссылаться на Библию. Евдокия Васильевна и о дореволюционных временах вспомнить могла, и одна из икон в её доме была необычно большой, каких не держат в деревенских избах. Выяснилось: когда в соседней деревне большевики закрыли церковь, иконы раздали прихожанам, так у тёти Дуни появилась эта, явно храмового убранства и размера.

В другой раз Агафонова появилась в «нашем» конце деревни ещё более грозно. Неподвижно встала у соседского забора и начала скороговоркой как из пулемёта строчить — поливать грязью соседку и её мужа и угрожать, и припоминать былое, и уличать в бесчестном и глупом, и разорительном, и самоубийственном ведении хозяйства...

Соседи почти не отвечали, а Миша подумал, что, в таком случае, визит Агафоновой к тёте Дуне, показавшийся ему слегка угрожающим, был, наоборот, жестом мира или установлением вооружённого нейтралитета.

— Вон как! — негромко сказала Мише тётя Дуня, прислушиваясь к тирадам Агафоновой. — Всё припомянет. Все обидочки.

— Это у неё характер такой? — спросил Миша. — Особенность поведения?

— Так принято в деревнях, — тётя Дуня с улыбкой махнула рукой. — Любят покрычать друг на друга.

На неё, конечно, никто голос не повышал, Уважали и её мужа, умершего через некоторое время после войны, и всю её родню, и её саму. В том числе и за то, что городские родственники к ней приезжали: Мишина семья. Отец его был средней руки начальником, к тому же бывший фронтовик, который не мог не держаться в этой деревне победительно. Он был единственный здесь, кто воевал и вернулся с победой: из остальных деревенских мужиков двое были в плену, другие — кто слишком стар для фронта, кто, наоборот, слишком молод.

У Агафоновой тоже был свой мужской козырь в виде сына. Такой же засаленный и вечно красный и потный, как его мать. Шурка Агафонов был признанным умельцем-механиком. Учившийся где-то заочно, он руководящей должности в совхозе не занимал, но именно в их доме был телефон с центральной усадьбы. Мотоциклы и трактора были давно освоенным делом, и он даже что-то мастерил из телевизионных и радио-деталей, хотя без успеха. Но собственная механическая сенокосилка у него имелась, что в деревнях встречалось нечасто.

...Советская власть казалась прочной, на века, и с каждым годом всё как-то улучшала жизнь. Вот и автолавка начала приезжать в деревню, и теперь уже не требовалось ходить в соседнюю, в магазин. Брали все примерно одно и то же: хлеб, колбасу (если была), консервы; конфет, водки, вина... Но и тут Агафониха удивила Мишу: однажды взяла в автолавке не то двадцать, не то тридцать буханок хлеба.

В один мешок всё не вместилось, и она растряхнула второй.

— Куда ей столько? — спросил мальчик у матери.

— Корову кормить, — негромко ответила мама.

И опять это было как-то неподдельно, что ли, как и ругань Агафоновой по адресу соседей. Вроде нельзя, а гляди: делают, и ничего...

...Кстати, где он это слышал? «Неоднократно подчёркивалась недопустимость кормления хлебом личного скота...» Ну конечно, зерно ведь покупаем в Америке — этого, правда, открыто не признавали, как открыто не говорили и то, что

русскому крестьянину во время коллективизации якобы «сломали хребет». А раз «сломали», горожане дорогие, значит — кормите. В этой деревне всего-то коров держали в четырёх дворах. А если бы во всех? Да во всех деревнях России? Это сколько же зерна пришлось бы в Америке покупать?

...Тётя Дуня тоже, пока был жив муж, пока была помоложе, держала и корову, и свиней, и овец. О прошлом свидетельствовал пустой теперь хлев (так называемый «тёплый двор») и над ним просторный и тоже пустой сеновал.

В войну в этом доме стояли немцы, и ещё до самого конца XX века на двери из «холодного двора» на крыльцо была различима немецкая надпись мелом: «Tür» («Закрывай дверь»). Надпись была лишь на этой двери из «холодного» двора, называемого так, чтобы отличить его от «тёплого» двора — хлева. В «холодном дворе» располагался и нужник.

В конце XX века главной причиной закрывать эту дверь, кроме запаха нужника, были, пожалуй, куры, которые норовили зайти на крыльцо, а их туда пускать не следовало. Каков был смысл надписи в военное время, Миша не доискивался, как не задумывался и о том, почему всё меньше деревенских держат у себя живность.

Он просто видел, что это так, хотя и здесь, наверное, большого ума не потребовалось бы, чтобы догадаться о причинах. Коллективизация лишила крестьянина инициативы; теперь партия гнала на Запад нефть и газ, а на вырученные средства подкармливала народ, доставляя в том числе и на село мясо и прочую еду.

Данная деревня относилась к Киришскому району, бюджет которого, а отчасти и зарплаты совхозных работников, пополнялся из средств «Киришинефтеоргсинтеза», крупного нефтеперерабатывающего предприятия. Какое тут подсобное хозяйство, помилуйте? Зачем?

Деревня стояла на реке Волхов, и именно по Волхову в годы войны пролегла линия обороны.

Фронта как такового не было, просто форсировать реку для немцев в этом месте не имело смысла: они её пересекли ниже по течению и продвинулись до Тихвина, на 70 километров восточнее Волхова.

Здесь они расположились в домах деревни, а на противоположном, лесистом берегу засели советские бойцы. Отец с Мишей при помощи деревенских нашли там остатки всего двух блиндажей: один был против верхнего по течению конца деревни, другой против нижнего. Не линия фронта, а скорее посты наблюдения.

В то же время с помощью снайперской винтовки с того берега можно было достать любого немца, поэтому они, наверное, вели себя смирно и жителей не обижали.

Но это пришло в голову позже, а тогда, в детстве, Миша просто слушал рассказы тёти Дуни о войне, адресованные не детям, а почти всегда только взрослым. Но говорилось при детях, которые, как и взрослые, почти не задавали вопросов.

Наверное, и сама рассказчица не могла уже отделить стилизацию от правды, ведь мы всегда подстраиваемся к тому, что от нас хотят услышать. «Ну как, дескать, вы тут жили, под немцем?» — «А вот так и жили!» (с вызовом; дескать: вам бы хлебнуть нашего лиха).

По словам тёти Дуни, один немец хотел её изнасиловать, но она вытащила вставную челюсть и показала ему, он отстал. Можно было усомниться: в 1941 году ей было ровно 45 лет, а, как известно, «в сорок пять баба ягодка опять».

Может, и не было попытки изнасилования, но надо же было доказать, что здесь имела место война, а не мирное сожительство с немцами, к тому же спокойными из-за возможных снайперских винтовок с того берега.

Следующая её история напоминала эпизод из рассказа «Судьба человека», хотя вряд ли тётя Дуня позаимствовала её из фильма или прямо из прозы Шолохова. Скорее всего, рассказы такие ходили по всем областям, где стояли немцы: о том, как русские пьют водку обязательно полным стаканом. А немцы, по словам тёти Дуни, пили водку глоточками из рюмок. Но её муж, дядя Петя, если соглашался выпить, то настаивал, чтобы налили стакан до краёв.

«Пета, умрошь!» — якобы пугались немцы, но он требовал именно стакан доверху и выпивал его.

«О-о, гут! Пета, гут!..»

Ещё один, не раз повторявшийся, рассказ был о том, как тётя Дуня отхлестала тряпкой по сапогам немецкого офицера. Один раз вымыла пол — он прошёл в грязных сапогах, второй раз — опять прошёл. Так на тебе! — отхлестала по голенищам. По её словам, он сначала рассвирепел, но потом рассмеялся, и даже ему это понравилось.

Совсем глухо — очень бегло — она упоминала, что в войну все дома деревни, кроме двух, сгорели. Это произошло во время наступления наших войск и отступления немцев. Один из двух сохранившихся был её дом. Стало быть, вся деревня была построена уже после войны, и по размеру дома были меньше тёти Дуниного. Но ещё более просторный — двухэтажный — дом имелся до войны у родителей её мужа; его, по словам тёти Дуни, разметало взрывом, и от него ничего не осталось.

Наверное, с родителями Миши пожилая женщина говорила об этом подробно, но детям такие темы неинтересны, и он не вслушивался. Он видел, что теперь её дом в деревне самый большой, и уже это казалось ему объяснением того, почему другие относились к ней с уважением.

И тётя Дуня держалась со многими этак начальственно, вполне могла веско сказать своей подруге, такой же старушке: принеси, мол, вон то или сходи туда-то. А когда это выполнялось, с удивительной весомостью одаряла помощницу, например, частью тех самых яблок, которые были принесены из сада.

— На-ка вот, возьми.

Когда та отказывалась, голос повышался:

— Возьми, кому говорю!

— Ну, спасибочки...

Ни тётя Дуня до пенсии, ни её покойный муж в совхозе не числились. Он плавал на баржах, она работала бакенщицей, то есть зажигала и тушила сигнальные огни вдоль Волхова, пока не внедрили фотоэлементы.

Тётя Дуня держала пчёл, которыми повсюду пахло в доме: мёдом, воском, прополисом, пчелиными рамками. В этом запахе почти терялся другой, церковный: лампадок перед иконами, пожелтевшего старого Евангелия. И с каждым годом всё сильнее затеняли дом блестящие листьями на солнце, мотающие ветвями на ветру антоновские яблони в палисаднике.

Эта деревня для всех её жителей и была — Россия. С её далями во все стороны, с её облаками в солнечный день, похожими на пирамиды, дворцы или даже на расширяющиеся книзу церковные колокола.

Одновременно золотые и снежные, облака скучиваются к горизонту, сливаясь в сиреневое марево. Вверх по Волхову видно особенно далеко, различимо даже очень отдалённое село под названием Городище — имя, конечно, восходит ко временам, когда здесь пролегал путь «из варяг в греки». Из тех же веков пришло и название самой деревеньки: Наволок.

И не только эти виды, вложенные один в другой, говорили о величии страны, но, может быть, ещё больше — знание того, что лес на той стороне Волхова тянется на десятки километров, и нет через него сообщения ни с какими деревнями.

Потом, конечно, — ещё дальше на восток — деревни появляются, но за ними опять начинаются ещё более неоглядные леса.

Ровесник Миши в этой деревне был только один, по имени Дима. С ним, в основном, и бегали. Другие ребята — кто по-

моложе, кто постарше. Но так или иначе, в большинство домов деревни они заглядывали и имели представление, чем живёт та или иная семья.

И вот что интересно: практически каждое хозяйство было особым миром, так сказать, само себе царём. При большом сходстве уклада, тех же икон в красных углах, тех же кухонь и печей, люди были совершенно разные.

«Первый мужик» на деревне, конечно — Валентин Барков. С железными мышцами и обветренным, красным, самоуверенным лицом, он относился к той категории мужчин, из которых получаются хорошие военные. Мог бы ходить в разведку и брать языков, но по молодости он не воевал.

Работал Валентин шофёром грузовика, а женат был на служащей совхозного управления, она же и депутат сельсовета. Кто главный в семье? Иногда Валентин приезжал домой пьяным и жал на сигнал машины, гудел до тех пор, пока жена не выйдет из дома его встретить. Долго жал, а выходила она или нет — Бог весть, туда старались не соваться в такие минуты.

На горушке поставил дом Сусел — Суслов, из отсидевших. Возможно, именно в связи с ним Мишин отец предупреждал: деревня за сто первым километром, люди здесь специфические. Сусел редко показывался и был похож не то на проштрафившегося начальника, не то на проворовавшегося кладовщика. А может, бывший полицай? Пухлый, бледный, небритый, с белёсыми рыбьими глазами и трясущимися руками... Чаще в деревне мелькала его жена Устинья, худая и смуглая, как цыганка.

Дом Суслов срубил оригинальный, точнее, это было два сруба, соприкасающиеся углом, как шахматные клетки. Снаружи почти одинаковые, только один «летний», другой «зимний»», первый синим покрашен, второй жёлтым.

Ещё один отсидевший, Юрка Боханов, Бохан, был смуглый, как чёрт из подземелья. Может, шахтёром поработал, может, просто кожа такая. А ещё впалая грудь, татуировки, говорил: весь больной насквозь... Женился на Клавдии, у которой был уже один сын, и прижил с ней ещё троих детей, средний из них и был Мишин ровесник Димка.

Тесноватый дом Бохановых — по соседству с тёти Дуниным, у них брали молоко: они держали корову. Боханов и его жена работали на небольшом скотном дворе, пока он ещё был в деревне.

К Бохановым Миша и телевизор ходил смотреть — у тёти Дуни не было своего. И вот — известный фильм «Офицеры» и известная сцена в нём: немцы того и гляди захватят поезд с

ранеными, и врага надо остановить. И звучит команда: «Офицеры и коммунисты — вперёд!»

— От суки! — вдруг взвился с кровати Юрка Боханов. — Офицеры и коммунисты — шаг вперёд и в тыл, а я пойду офицера и коммуниста защищать?!

— Не ори! — прикрикнула на него жена, он убежал в кухню пить воду, успокаиваться... Миша удивился: как можно столь превратно понять такую простую сцену? Ведь ясно, что офицеров и коммунистов вызывают вперёд именно для того, чтобы первыми бросить в бой!

Да вообще: русский ли он, Боханов? Один раз он чинил мопед на берегу Волхова, продул какую-то втулку, посмотрел сквозь неё на свет и изрёк:

— Чисто-чисто, как у меня в заднице.

Не мог себе представить Миша, чтобы русский мужик сказал такое. Но не фраза про втулку, а скорее реакция на фильм «Офицеры» позже представлялась ему доказательством... Но чего? Ведь тот выкрик целил в него, Мишу, это его отец был офицером и коммунистом, сам же Боханов не воевал, хотя по возрасту, кто его знает, может, и мог бы. Но реакция была такой естественной... Или, наоборот, хитрая игра? Умело разыгранная «импульсивная выходка простого мужика»?

...Наискосок от тёти Дуниного дома стоял дом Тепляковых. Дядя Миша Тепляков, высокий и худой, чуть похожий на мордвина или чувашина, вечно сидел на реке, в лодке на якоре, ловил рыбу. А по вечерам они иногда с отцом Миши сиживали на лавочке на берегу и толковали в том числе и о войне: отец о том, как воевал, дядя Миша о том, как был в плену у финнов. Его не избивали, как будто бы и не пытали специально, просто зимой в мокрой одежде заперли в нетопленном помещении. В результате — болезнь лёгких, ревматизм на всю жизнь.

Деревню окружали леса. Поля тянулись неширокими — метров сто — полосами вдоль дорог и реки. Это были совхозные поля, но у деревенских в лесах были и свои пожни, и тётя Дуня водила Мишу на этот бывший свой покос. Скорее как бы на прогулку, потому что сено уже не заготавливала.

В начале семидесятых провели мелиорацию, и леса вырубили. Оставили лесные клинышки здесь и там, а остальное распахали и засевали с тех пор кормовыми травами для животноводства. Ровные канавы пересекли поля на многие километры, и видны стали от каждой деревни две-три соседних, чаще всего — на всхолмлениях.

Но удивительно: близ деревни Наволок лес давно исчез, а Миша и в возрасте сорока с лишним лет его хорошо помнил и, казалось, легко мог бы найти тёти Дунину пожню и другие поляны, и грибные места. Тут куст запомнился, там — поворот тропинки, здесь — дерево приметное.

Хозяйство Евдокия Васильевна вела одна, и жизнь без мужа и детей могла бы озлобить её, но характер её был — ровный и деятельный, настроенный на положительное, так сказать, характер пчеловода: с улыбкой от одной румяной щеки до другой предложить гостям медку.

Раз в год приезжала она в Ленинград: и в церковь сходить (в Невскую лавру), и погостить. Привозила того же мёду, солёных огурцов, грибов. «Как вы дотащили?» — «А вот доташшыла...»

Они были как одна семья, и Миша удивился, узнав, что тёте Дуне за летний постой родители платили. Но старушке-то нужна была прибавка к пенсии. К совсем глубокой старости она и ещё одних родственников начала у себя принимать, одновременно чуть и натравливая одних на других. И дом завещала и тем, и другим. После её смерти пришлось делить.

И всё-таки до конца жизни оставалась Евдокия Васильевна бодрой и, по мере сил, весёлой. Таков же был и характер всех деревенских: не было той разновидности озлобленных индивидов, которые встречаются в городе. Жизнь на людях, как видно, не поощряет угрюмство.

Та же баба Клава Агафонова была, на самом деле, работящей и, так сказать, нацеленной на позитив. А противоречия, которые, будучи пионером, заметил Миша... Мало ли, что померещится в детстве? На то и взрослый разум, чтобы снимать домыслы.

Через много лет, уже на четвёртом десятке, повидавший белый свет и даже поработавший в Германии и в Америке, на новенькой машине августовским солнечным днем летел он всё в ту же деревню на реке Волхов. Серьёзных дел там не было, но участок всё-таки достался по завещанию, нужно было за ним приглядывать.

Гнал по хорошей дороге, глядя на белый пух Иван-чая и на желтоватый пух колючки определённого рода, розовосизые головки которой похожи на собрания святых на старых иконах.

И шёл навстречу ему вдоль дороги по кромке поля тракторист или комбайнёр, вытирал руки ветошью, и вся его одеж-

да была похожа на чёрную, масляную ветошь — и комбинезон, и клетчатая рубашка под ним; кажется, запачкано было и лицо.

...И такая неизбывная бедность увиделась Михаилу в этом механизаторе — и во всей его жизни, и в работе, в которой наверняка приходится ремонтировать изношенную технику, а запчастей нет и денег тоже нет...

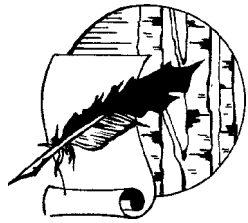
Когда-то, в детстве, увидев такого сельского труженика, он ничуть не удивился бы: и сами жили небогато, и вся страна ещё, так сказать, преодолевала и боролась.

Это тогда; но теперь, когда все, кто хотел, и приватизировали что-то, и просто, как говорится, прибарахлились, и, как он, Михаил, из-за границы вернувшись, при новых машинах и при деньгах, — теперь-то этот комбайнёр выглядел каким угодно: жалким, презренным, смешным, но только не обычным.

Они встретились глазами, и хотя машина пролетела быстро, Михаил его запомнил...

Он ещё не знал, что через пару лет и сам не сможет больше оставаться в либеральной тусовке и предпочтёт рискнуть всем и превратиться в неудачника, зека, сумасшедшего — в кого угодно, но только... не во врага...

г. Санкт-Петербург



Анна ТОКАРЕВА

НЕ УСТАНУ ЖДАТЬ

МЕТЕЛИЦА

Запуржило, заметелило.
Разбуянился марток.
И валяюсь на постели я
То повдоль, то поперёк.

Я не лодырь, не бездельница.
Просто холодно в груди.
Госпожа моя, метелица,
Умоляю, уходи.

Не качайся, словно пьяница,
Не отпугивай весну.
У меня рассада тянется
Паутинками к окну.

Быть ей надо коренастою,
А она хила на вид.
Припорошенными настами
Убирайся без обид.

Придержи подол, красавица,
И быстрее — наутёк!
А не то с тобой расправится
Сам Алексий Водотёк.

У него ручьи в запаснике,
А в кувшинах — ручейки.
Ждут его указа пасеки,
Ждут указа рыбаки.

Будешь пчёлами ужалена
Иль утоплена в реке.
Уходи-ка по проталинам
Да исчезни вдалеке.

ДУШИЦА

В закатном свете твинькнет зяблик,
Забьётся ящерка под пень,
И солнцу цвета спелых яблок
Сиять на небе станет лень.

Душица охнет под ногами.
Живи, не бойся — не сомну.
Хочу с тобою, дорогая,
Лесную слушать тишину.

Давай затихнем в сладкой дрёме,
Забудем нервность суеты.
Пусть зверобой стоит на стрёме,
Пока в обнимку я и ты.

Всё, что тревожило, сердило
Пусть улетает на века
Туда, где сонное светило
Целует облаку бока.

* * *

Совсем недавно, в Марьев день*,
Гуляло марево по травам,
И солнце тучку набекрень
Сдвигало лучиком лукавым.

Цикады пели вразнобой
О травяном целебном соке,
А я сушила зверобой,
Цикорий нежно-синеокий...

Но разве август виноват,
Что тучам в небе стало тесно,
Что вымок яблоневый сад,
И не поют цикады песни?

---

*8 августа — Марьев день.

Я перед августом в долгу,
Его ругала, негодуя.
А он на вымокшем лугу
Дарил мне пижму золотую,

Великодушен был, не зол,
В ладони сыпал облепиху...
Спасибо, август-хлебосол,
Спасибо, август-припасиха.

РАССТЕГАИ

Беляши, хинкали, пицца,
Роллы... Господи, прости.
Удиви меня, столица,
Пирогами угости!

А столица предлагает
Хачапури, чебурек...
Но желает расстегаев
Всякий русский человек.

Со слезами умоляю:
«Дай мне русскую еду!»
В легендарном «Разгуляе»
Расстегаи я найду.

Пусть с простой, обычной рыбой —
Не с ломтями осетра,
И за это вам спасибо,
«Разгуляя» повара!

Дух старинный, дух московский,
Ты бесследно не исчез.
Улыбнётся Гиляровский
Одобрительно с небес.

ШАЛЬ

За прозрачной занавеской
Мрак и тишина,
Да струится холод дерзко
В щёлочку окна.

Мёрзну даже в тёплой шали,
Пальцы — в рукава.
Вроде окна утепляли
К свету Покрова.
Вроде пышут батареи
Преданно огнём...
Приходи ко мне скорее
Ночью или днём.
Будет тихо шаль на кресле
Время коротать...

Ты меня согреешь, если
Не устану ждать.

* * *

Твоя душа как океан:
Там волны вдребезги — о скалы.
А мне судьбою жребий дан —
Пугаться рокота устало.

Лишь иногда заветный штиль
Мне — передышка и награда.
О, вечный странник мой, не ты ль
Так обещал всегда быть рядом?

Мой крест — тебя перекрестить
И отпустить опять в дорогу,
И всё понять, и всё простить,
И попросить совет у Бога.

В проёме тёмного окна —
Моя невольная прописка.
И долог день, и ночь длинна,
И ты — в заложниках у риска.

* * *

Не ищи меня, ветер, на ромашковом поле.
Я своё отгадала, обрывая цветы,
Принимая плененье за обманную волю,
Принимая лукавство за порыв доброты.

Не ищи меня, солнце, на оставленных плёсах,
На песках раскалённых, возле кромки воды.

Я в реке размышлений утопила вопросы
И настроила сердце на иные лады.

Не ищи меня, месяц, золотой непоседа,
На еловой подстилке у дымящей золы.
Нет ночных светляков, лишь жуки-короеды
В Берендеевом царстве оголяют стволы.

Отыщи меня, милый. Пусть дороги — ухабы.
Пусть в родной глухомани что ни лес — бурелом.
Позови меня, милый... Непокорная, я бы
Побежала немедля. Наугад. Напролом.

ПАСТУШОК

Сивуха вчера получилась отменной на диво.
Не сытый, но пьяный, и нос, как всегда, в табаке,
Упал пастушок, одурев, в лопухи и крапиву
С гранёным стаканом в мозолистой, крепкой руке.

По-прежнему месяц сгибается желтой подковой,
По-прежнему солнце по небу бредёт вкругаля.
Очнись, пастушок, — разбрелись, одичали коровы,
Татарником злым зарастает родная земля.

Не пей, пастушок, это жуткое горькое пойло,
В траве отыщи запылённый забытый рожок.
Гони поскорее бурёнок в уютное стойло,
И вновь на рассвете из стойла гони на лужок.

Труби, пастушок, на рожке иль играй на свирели
Покуда ещё розовеют в лугах клевера,
Краснеют рябины, кидаются шишками ели,
И редкий петух кукарекает где-то с утра.

ЕВДОКИЯ ПЛЮЩИХА

И морозно, и тихо,
И умолкли грачи...
Евдокия Плющиха*
Потеряла ключи

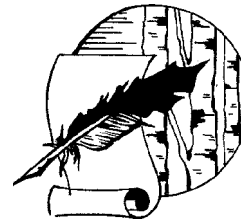
* 14 марта по народному календарю — Евдокия (Авдотья) Плющиха, Свистунья, Весновка — хранительница ключей от вешних вод.

От желанных весенних
Чудодейственных вод
И, кляня невезенье,
Слёзы горькие льёт.

Ходит-бродит с рассвета
По сугробам она:
Без ключей тех заветных
Не наступит весна,
Не разломятся льдины
Замурованных рек,
И косяк лебединый
Не вернётся вовек.

Евдокия Свистунья,
Не горюй, не кричи.
Ты дождись полнолунья —
И найдутся ключи!
Вспомни опыт былого,
Верь в победу тепла.
Не бывало такого,
Чтоб весна не пришла.

г. Егорьевск Московской обл.



Михась ПОЗДНЯКОВ

ДВЕ РУКИ... ДВЕ ЛЮБВИ...

* * *

Дарите, дарите любимым
Цветов луговых благодать,
Черемуху с розовым дымом,
Озер соловьиную гладь.

Дарите любимым, дарите
Прохладу мелодий лесных,
Звезду, утонувшую в жите,
Улыбку — одну на двоих.

Не камни дарите, не злато,
А то, что не купишь никак:
Росинку в кувшинке щербатой,
Березовый вешний сквозняк.

Дарите полёт журавлиный,
Криничных лугов доброту,
Багряные гроздья рябины,
Сады в белоснежном цвету.

Дарите... Пусть небо утонет
В зрачках, что верны до конца.
Дарите сердца и ладони...
Сердца и ладони... Сердца...

* * *

Звуки вальса Шопена...
С поволокою взгляд.
«Всё, что было — нетленно!» —
Мне глаза говорят.

Этот жест звонкорукий —
В целом мире один.
И вливаются звуки
Прямо в гемоглобин.

Будто вновь за плечами
Молодое крыло.
То, что было меж нами —
Неужели прошло?

Звуки вальса Шопена
В такт сомнениям душ...
Почему ж всё мгновенно?
Почему ж? Почему ж?

Звуки вальса прощают
Всех обманов вино...
Нам Шопен возвращает
То, что было давно.

Будто всё — неизменно,
Будто всё — на века.
Звуки вальса Шопена...
И любимой рука...

* * *

О этот взгляд полуживой
Девчушки... Там, в сиротском доме.
В нём, кроме боли ножевой,
Лишь только время на изломе.

У незакрытого окна
Стояла (видел через дверь я)
Старушка юная — она —
С глазами, полными безверья.

А за окном цвела весна,
Чуть слышно музыка играла.
Была надеждами полна
Вся мощь вселенского хорала.

А рядом, как удар под дых,
Вот эта жуткая картина,
Где при родителях живых
Одна... Сиротка-сиротина...

* * *

Двух умельцев издавна ценило
Наше молчаливое село.
К одному, счастливое, спешило,
Ко второму — горюшко вело.

Первый повторял: «Живем — не тужим»,
Гостя поздравляя всякий раз.
А второй печалился, что нужен
Он соседям в самый чёрный час...

Первый по утрам перед иконой
Всё просил работы, всё молил.
А второй, работой обделённый,
Проклинал ее что было сил.

Оба — ладны, оба — всё умели,
Оба — будто вестники судьбы.
Только первый ладил колыбели,
А второй выстругивал гробы.

* * *

Приедь, я покажу тебе края,
Где выше окон выросла крапива,
Где только эхо, грусти не тая,
На голос мой ответит сиротливо...

Где лозняком захвачены сады,
Где правит одичавшая природа,
Где рушатся колодцы без воды,
Где ты... Душа... И таинство восхода...

А воздух! — хоть в бокалы наливай,
Июльский свет светлей любой светлыни...
Приедь... Я покажу не край, а рай,
Где боль моя нахлынет и отхлынет...

* * *

Молодик неугомонный...
Сад заброшен... Грустный вид...
Клен слабеющую крону
Над хатенкою клони́т.

Лишь сова за дальней ивой
Всё хохочет сквозь года,
И дворняга ей лениво
Отвечает иногда...

По деревне опустелой,
Где три хаты на версту,
Редким путником несмелым,
Растревоженный, иду.

Тьма колючая такая!
И деревня, ей под стать,
Всё меня не замечает
Иль не хочет замечать...

Обогну родную хату,
Погляжу за окоём,
И заплачу виновато
Об Отечестве своем.

* * *

Забродье, милое Забродье,
Поклон мой искренний прими.
Я кланяюсь твоей природе,
Горжусь простором и людьми.

Сегодня пусто здесь... Не стало
Людей... Прервалась жизни нить.
Зато могу с тобой, усталый,
Я по душам поговорить.

Стоит березка одиноко
У покосившихся ворот.
Колодец пересох до срока...
Полью водой березку... Пьет...

Остановлюсь под старым кленом,
Как перед мудростью земной.
О, сколько в шелесте зеленом
Тревоги, светлой и святой!

Бреду по улочке... Немею:
Звенит здесь искренность во всем.
Я без Забродья — не сумею,
Мы живы, если мы — вдвоем...

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ

Есть названья извечно святые,
В каждой буковке — искры любви...
Две сестры — Беларусь и Россия,
Две сестры по судьбе и крови́.

Обе искренни и синеглазы,
Над обеими — лёт журавлей,
Отражаются ивы и вязы
В чистых водах, что неба синей.

В душах — вольницы вечной стихия,
И от пращуров в них — непокой.
Две сестры — Беларусь и Россия,
Не отделишь одну от другой.

Наступали годины лихие...
У пучины на самом краю
Две сестры — Беларусь и Россия
Шли на битву в едином строю.

Мир — другой... Но кого ни спроси я,
Эти чувства всё так же остры.
Две страны — Беларусь и Россия,
Две руки... Две любви... Две сестры...

Перевел с белорусского
Анатолий Аврутин

Ирина ПРИЩЕПОВА

МИР ЕДИНСТВЕННЫЙ И НЕПОВТОРИМЫЙ

ЭССЕ

ПЕШКОМ ЧЕРЕЗ ИСТОК

Лёд встаёт на Байкале месяца на четыре в году. Первое время приходится отвыкать от шума прибоя и привыкать к немой оцепенелости моря. О прежнем живом Байкале напоминает только ангарский исток, где в холодной воде самозабвенно плещутся белобрюхие уточки, прилетевшие сюда на зимовку. Незамерзающий исток — находка для них: он даёт им все необходимые условия для выживания немилосердной зимой.

Проходит недели две-три, и по льду начинают ходить люди и ездить машины. Машинная дорога змеится вдалеке от истока: там безопаснее. А пешая тропа идёт совсем рядом с ангарской водичкой. Если смотришь издали, кажется, что люди идут по самому краю дугообразной кромки льда. Для жителей порта Байкал такие переходы привычны. Хотя путь не всегда безопасный, но необходимый, так как паром ходит только утром и вечером. А тут полчаса — и ты на противоположной стороне. К тому же неравнодушному глазу — масса впечатлений.

Ветреным днём (а ветры здесь очень частые) всепроникающий хиус даже изнутри промораживает, насквозь продувает. Кусается крепкий морозец. Кипит, исходит паром вода. И если ветер дует с Ангары, в нескольких десятках метров ничего не разглядеть от испарений. И в молочном тумане, уходящем широкой полосой к другой стороне Байкала, можно заблудиться и замёрзнуть. В этом случае нужно держаться истока, стремиться, чтобы вода была в зоне видимости. А миновал полосу тумана — иди там, где хочется.

В былое время ставили вешки, которые указывали путь при плохой видимости. Вешками служили ёлки, выброшенные после новогодних праздников. Направлять людей, быть для них спасением — в этом была их последняя миссия. С ними, как с хорошими друзьями, было надёжно идти через исток в морозный ветреный день, когда в десятке метров ничего не видно. Идёшь, а у ног летит и летит гонимый ветром бесприютный снег. Быстро заметает позёмка тропу, не оставляя даже намёка на неё. А выше — всё в тумане. Иногда белая пелена разрывается, и через подвижные, кипящие клочки тумана приоткрывается кусочек неба. Пейзаж фантастический. Кажется, что ты попал в неведомый мир и видишь частичку какой-то незнакомой, застывшей, мятущейся планеты. Бывает, вспомнишь, что под тобой огромная байкальская глубина, и кольнёт сердце от боязни потерять навсегда мир, такой привычный, необходимый, и мелькнёт желание быстрее ступить на исчезнувшую в морозных туманах землю. Приятно в такие минуты видеть одну за другой зелёные ели, возникающие из морозного молока. Исчезает одна — а впереди уже появляется другая. И не дают они сбиться с пути, вселяют уверенность. И жаль, что весной унесёт этих зелёных друзей река и утопит где-то в своих глубинах.

Иногда сильный ветер с Ангары меняет течение реки на обратное, и вода, неистовствуя, врывается на лёд, захлёстывает его. Там она застывает, образуя второй слой льда, некрепкий. Между двумя слоями остаётся вода. Если встанешь на такой лёд, он будет трещать и сильно прогибаться. И надо быстрее уносить ноги подальше от коварного места.

Хорошо шагать через исток в тёплую солнечную погоду. Белейший снег слепит глаза, небесная лазурь чиста и глубока, веселы горы. Над ангарской синей гладью чуть возвышается подводная скала Шаман-камень. Вокруг неё плавают и ныряют утки. Ноги ступают то по насту, то по скользкому прозрачному льду, изборождённому нескончаемым множеством трещин, образующих диковинные узоры. Байкал

временами стонет, ухает, трещит, пугает. А ты, не боясь его угроз, всё идёшь себе вперёд...

Весной лёд расходится по швам, пропитывается талой водой, постепенно разрушаясь. А значит, нужно быть осторожнее, чтобы не попасть в трещину или полынью. Стоит выбирать время, когда можно относительно безопасно перейти исток и радостно войти в свою гавань.

В последние годы огорчает большой приток туристов, жаждущих побывать на Байкале. Раньше хоть зимой исток Ангары отдыхал, а теперь здесь и в холодное время бывают десятки тысяч туристов. Все, кому не лень: и стар, и млад, и трезв, и пьян. И русский, и китаец, и немец... И всем подавай развлечения. И не смолкает раздражающий рёв катеров на воздушных подушках, и быстро скользят по льду, укрытому снежком, чёрные вереницы снегоходов. И нет уже такого приятного впечатления от перехода через ангарский исток. Грустно смотреть и на собачьи упряжки. Порой несколько собак, увязая в снегу, высунув длинные языки, еле тащат двух-трёх здоровяков. И удивляет: неужели нельзя пройтись пешком или на лыжах? Погулять, набраться впечатлений. Почему же обязательно надо мчаться с ветерком, оставляя на льду пятна бензина? Зачем нужно мучить животных? Ведь Байкал — место святое. А святые места не предназначены для развлечений. Они дают человеку возможность бережно прикоснуться к Божьей благодати, поразмышлять, исцелиться духом.

Нельзя Байкал, Святыню из Святынь, использовать в своих мелких интересах, заставлять без меры работать на себя, как ездовых собак.

Заговорит ли в человеке разум? Останется ли ангарский исток чистым, сказочно красивым, несущим счастье бережного общения с ним?

ВЕСЕННИЙ ДУХ

Бегут ручьи, на дорогах грязь, лужи. Чернеют склоны гор, выжженные во избежание летних пожаров. В их бессолнечных ложбинах ещё лежит снег. Он, утративший пушистость и ставший ноздреватым, придаёт байкальской чаше скучноватый глянец. Скалы серые, на них стоят тускло-зелёные сосны. Вроде бы в природе нет ничего привлекательного. Но оно — во всём. Ведь идёт ранняя весна! Она с каждым днём уверенней ступает по байкальской земле. Она чувствуется и в грязных лужах, и в чёрных склонах, и в ноздреватом снеге, и в пригревающем солнце, и в лёгких облачках. Проснулись мухи. Кружат первые бабочки, и жадно следят за ними глаза,

отвыкшие за полгода от этих чудо-насекомых, пленяющих яркими расписными нарядами. От тёплой земли поднимается марево, и в нём колышутся, плывут, слегка растворяясь, травы, стволы деревьев. И, кажется, это струится, поднимается вверх сам ласковый весенний дух и по деревьям достигает неба. А оно такое синее — глаз не отвести! И вершины высоких деревьев восторженно утопают в безбрежности небесного океана. Появилась первая травка, ещё очень низенькая и почти незаметная. Но она уже есть, она живёт и набирается сил. Кое-где видны пуховые шишечки зарождающихся подснежников. Совсем немного — и неистребимая жизнь забурлит, задышит, зацветёт. И наступит на Байкале весна, пышная, пьянящая.

ТРИ ДНЯ В КОНЦЕ АПРЕЛЯ

Ласковый, по-настоящему весенний денёк выдался на Байкале в канун Пасхи, в самом конце апреля. Было солнечно, безветренно, по-настоящему тепло — полное весеннее умиротворение и расслабление. Томился на солнце байкальский тёмно-изумрудный лёд. Он, в январе крепко сцепившийся с берегом, в апреле связь с ним потерял. И теперь ветер, даже не очень сильный, способен отправить его в последнее плавание. Вдоль сухого каменистого берега тянулась узкая полоска воды, появившаяся две недели назад. В ней виднелись зеленоватые камни, зимовавшие под прочной ледяной крышей и лишь недавно увидевшие свет.

Вдруг невдалеке раздались давно не слыханные голоса. Чайки! Приятно оттого, что прилетели милые птицы-рыбáчки. Прилетели, а рыбачить и негде! Две чайки уселись на камнях и застыли, в недоумении глядя на узкую полоску воды возле самого берега и простирающееся вдаль и вширь огромное ледовое поле. Их вид говорил: «Мы вернулись, нам кормиться нужно, а тут такой непорядок! Что же ветры-то спят?! Пора бы им грянуть как следует, а льду бы и честь знать!» При моём приближении птицы спешно взлетели: надо обезопасить себя, мало ли что!

Я стала подниматься по крутой тропке. Красивы в конце апреля склоны наших гор! Здесь встретишь все оттенки зелёного цвета. Зелень только нарождается, она жиденькая и слабенькая, но уже обрела свои характерные черты. Задорно смотрят вверх жёлто-зелёные мелкие пучки мягкой травы. Другие пучки, ярко-зелёные, состоящие из более жёстких травинок, тоже устремляются ввысь. Во множестве виднеются и малахитовые островочки травы, жмущейся к земле.

Вот проклюнулся мышиный горошек. Он совсем мал, но уже узнаваем. А вот тянутся ввысь стебельки будущих цветов. В юной траве яркими солнышками желтеют первоцветы. В их мягкой желтизне во множестве деловито копошатся насекомые. Хорошо кругом, зелено. Счастье видеть пробуждение природы. Её весеннее младенчество всегда вызывает тихий восторг...

Следующий день, праздничный, приготовил подарок. С утра было тепло, но внезапно сорвался ветер. Он гнал по дорогам пыль, раскачивал деревья. Небо сделалось свинцовым. Трещины, давно образовавшиеся у береговой линии льда, стали понемногу увеличиваться. Ветер не стихал, он изо всех сил старался сделать великое дело — очистить Байкал. И ему это удалось. Оторвав лёд от берега, он погнал его вглубь. Несмотря на неприветливую погоду, не хотелось уходить от Байкала: ведь происходило событие значительное, бывающее всего раз в году.

Не зря прилетели чайки: им, не потерявшим связь с миром природы, дано чувство высокого полёта, дано точное знание, когда нужно начать путь в родные пределы и когда его окончить...

Разгульный ветер буянил до позднего вечера. Серость постепенно сменилась ночной темнотой. В потёмках пошёл дождик, и ветер стал стихать.

Утро выдалось тихое, ясное. Байкал был так трогательно красив, что не наглядеться. Счастье увидеть после четырёх месяцев ледового господства хрустальные воды, раскинувшиеся от снежных хребтов Хамар-Дабана на противоположном берегу до свежего зелёного откоса, который круто сбегал к морю всего в нескольких шагах от меня. Байкал, привыкший к прочным ледяным цепям, оторопевший от свободы, до конца не пробудившийся, был недвижим. На стеклянной поверхности синей воды виднелись неподвижные сахарно-белые льдины и льдинки. Горы на восточной стороне с острыми белыми гольцами видны были ясно, и выглядели большими, больше обычного, будто некто неведомый и сильный придвинул их ночью. Они отражались в лоне вод так чётко, что отражения их казались полной копией снежных вершин, их продолжением. Только были они перевёрнутыми, вдвое увеличивающими высоту байкальских гор.

Кое-где зажглись солнцем одуванчики. Засинели первые низенькие ирисы. И трава, и цветы, и деревья — все растения, умытые ночным дождём — были в сияющих серебряных росинках. Ангельски чистая вода, белые льдины, несколько невесомых крохотных облачков, росистая травка, первые

цветы — картина, на которую не насмотреться. И воздух такой по-весеннему пьянящий — не надышаться!

И пусть ветрам не один день ещё носить по озеру-морю неприкаянные льды, но весна пришла. Земля байкальская ожила, отогрелась, зацвела. Отогрелась и зацвела душа.

ГРОЗА

Ранний летний вечер, но в доме вдруг стало темно, как ночью. Выхожу на улицу. И здесь не намного светлее. Солнце скрылось. Потемнели строения. Потускнела зелень. Смотрю, как со стороны леса на байкальские воды, в которых играет солнечный свет, быстро надвигается чернота.

Потянуло прохладой. Порывисто подул ветер. Заволновались, зашумели деревья. Прогремел первый гром. Дождь обрушился сразу. Стеной. По дорогам побежали грязные ручьи. Озеро-море помрачнело, закипело.

Всё ближе гроза. Всё ослепительнее молнии. Всё внушительнее раскаты. Они то быстрые, обрывистые, то долгие, опоясывающие небо. Почти беспрерывно катаются они в небесах, образуя звуковые цепи. Мечется в темноте нескончаемое эхо. Не успеет отгреметь гром, как уже сияет новорождённая молния. Не скупится небо на дождь и молнии. Шлёт и шлёт оно земле свои могучие приветы. И земля откликается, вторит им. И не кончается эта перекличка. И жутковато в эти минуты, и хорошо!

Вдруг словно тысячи молоточков застучали по крышам. Запрыгали, покатились по земле большие градины. Каждая льдинка врезается в крышу так сильно, словно намеревается пробить её. Стоит в эти минуты выйти из-под спасительного навеса — и сразу не поздоровится. Беру в ладони круглую ледышку, упавшую недалеко от меня. Она величиной с перепелиное яйцо! Градина начинает таять, по-зимнему холодя руку. И приятен этот зимний скоротечный привет среди жаркого лета!

Быстро заканчивается пляска града, но гроза продолжается. Вот совсем рядом сверкнула молния, ослепив меня, и сразу за ней раздался оглушительный раскат удивительной силы. От такой близости к небесному электричеству становится не по себе. Но уходить в дом не хочется. И я всё смотрю на землю и небо и то и дело вижу рядом с собой яркие вспышки, которые неизменно сопровождает оглушительный гром...

Глядя на грозу, слушая её грозную, гордую симфонию, понимаешь, что стихия может быть и страшной, и прекрасной. На какую красоту мы замахнулись, какую мощь решили

пересилить? Зачем ломимся в природу, очертя голову? Нам, нерадивым отпрыскам, беречь бы родную планету, лелеять и благодарить её за то, что мы есть в этом мире. А мы угрожаем ей рукотворными грозами. Если природные грозы — очистительные, возрождающие, то рукотворные несут гибель, грязь, удушье. Есть ли ещё в беспросветной бесконечности космоса зелёные оазисы, подобные нашему? Если и есть, то их не может быть много. А возможно, наш зелёно-голубой мир единственный и неповторимый. И, уничтожив Землю, мы уничтожим единственную во Вселенной жизнь...

Больше двух часов продолжалась гроза. Вечер сменился прохладной беззвёздной ночью. Обновлённый воздух стал свежим, бодрящим. Не хочется спать, не хочется идти в дом. И я отправляюсь на берег. Слышится лёгкое дыхание невидимого в темноте Байкала. В волнах купаются несколько протянувшихся от огоньков порта желтоватых дорожек и одна оранжевая — от семафора. Над морем то слева, то справа возникают быстрые трепещущие вспышки, на мгновение выхватывающие из тьмы воду. Грома уже не слышно. Тихо и так упоительно-свежо, как бывает только после грозы...

До утра трепетали зарницы. Ночь была прохладной и спокойной. А утром гроза вернулась. Такая же яростная, мощная, прекрасная.

ЛЕТЯЩЕЕ ЛЕТО

Лето! Началось долгожданное лето! Наконец-то пришло на суровую байкальскую землю тепло! И я даю себе слово быть на природе как можно дольше, вкусить летних радостей как можно больше и наслаждаться каждым мгновением.

Лето — пора любимая. На Байкале лето особенное. Прохладное. Щадящее. Жарких дней немного. И так хорошо, что всё оно впереди!

Начало июня. Оно у нас совсем весеннее. Листочки свежие, некоторые ещё полностью не раскрылись. На горах буйно цветёт пьянящая черёмуха. Трава яркая, молочная, нежная. И вся она украшена разноцветьем притягательных цветов наших. Благоухают леса и поляны. Нежны краски воды и неба. Дождей в это время мало, и так не хочется уходить из этого солнечного юного мира. Для меня в эти дни находиться в доме — это «разбазаривать» лето. Но приходится. Есть дела.

Идут своей чередой дни. Июнь перевалил за середину. Осыпается снежком черёмуха. Одни цветы сменяются другими, и горы быстро меняют наряды. Солнце начинает припекать, насыщая теплом землю, согревая байкальскую воду. Расцве-

тает сирень, наполняя воздух нежным ароматом. И опять ловлю себя на мысли, что хотела бы находиться вне дома гораздо больше...

А вот и июль подошёл. Расцвели во множестве жёлтые лилии, похожие на звёзды. А рядом с ними красуются молодые саранки. Они кудрявые, сочно-красные, словно в яркой помаде. И так хороши лилии и саранки, растущие рядом, среди цветущих трав, что глядеть — не наглядеться!

Тысячами солнышек открылись миру ромашки. Забелили они поляны, придали им праздничный вид. В царстве высоких трав прячутся ягодки земляники. Беззаботно порхают бабочки. Не устают трудиться дикие пчёлы. Появились крепенькие ребята-боровики. Поспела одна из самых любимых ягод — черника. Провожу в лесу целые дни. Бываю и на байкальском берегу. Вода стала гораздо теплее. Можно искупаться. Ночи стоят такие тёплые, что жаль их тратить на сон!

Август. Черника крупна и вкусна. Поспела душистая смородина. Вызревает, нежит на солнце белые бочка брусника. Ветви кедров тяжелы от смолистых шишек. Когда-то в молодые годы я забиралась за шишками на высокие кедры. И мне, стоя или сидя на ветке, среди мягкой длинной смолистой хвои, очень нравилось смотреть с высоты на таёжные просторы. А теперь смотрю вверх на шишки и вздыхаю, вспоминая молодость. Понимаю: надо торопиться радоваться жизни, надо набираться впечатлений, получать радость от ходьбы по родной цветущей земле, пока позволяют ноги, пока есть силы...

Вот Персеиды подарили незабываемую ночь. Пролились они на Землю звездными слезами, словно оплакали уходящее лето. И стало очень грустно...

Трава, деревья, Ангара, Байкал — всё напиталось теплом и светом. Стрекочут кузнечики, и нехитрая эта музыка тревожит сердце: она прощальная. На деревьях появляется первая желтизна. Всё более света отнимает ночь у дня, всё холоднее становится. Неужели лето заканчивается? Почему так быстро? Промелькнуло оно метеором, на малое время согрев и очаровав, и исчезает надолго. Не найдёшь, не догонишь. И остаётся сожалеть, что могла бы я быть с летней природой ещё больше. Дожить бы до следующего лета, и тогда уж постараюсь не пропустить ни одного мгновения летних радостей!

НА ПОЕЗДЕ — В БАЙКАЛЬСКУЮ СКАЗКУ

Проехать 90 километров вдоль южного побережья Байкала по Кругобайкальской железной дороге — большое удо-

вольствие. Поезд, состоящий всего из двух пассажирских вагонов и тепловоза, идёт по-стариковски тихо, пыхтя, много останавливаясь. Он то погружает пассажиров во мрак тоннеля, то из полной тьмы снова вывозит к свету, к божественному великолепию. А за окном столько диковин — успевай, смотри! Истранно, что многие туристы, не бывавшие ни разу в этих удивительных краях, сев в поезд в Слюдянке, располагаются за столиком и всю дорогу играют в карты или погружаются в телефон, лишь изредка вскользь взглядывая в окно.

По мере удаления от Слюдянки — самой южной точки Байкала — озеро начинает расширяться, приобретать морские очертания. Открываются вольные упоительные просторы. Всё дальше отходят строгие горы Хамар-Дабан, подпирающие небеса. Всё ниже кажутся их снежные вершины, белеющие девять месяцев в году. В этой суровой горной колыбели десятки миллионов лет назад зародился неукротимый дух Байкала.

На Байкал никогда не скучно смотреть: он меняется каждое мгновение. Но, несмотря на переменчивость, есть у сибирского моря одно постоянное качество — пленительная красота. Байкал прекрасен в любое время суток, в любое время года. Едешь на поезде, и без конца открываются перед взором картины, одна чудеснее другой. И неважно, покрыт ли Байкал льдом, или синеет гладью, или играют его воды бурными волнами. За пять часов поездки из Слюдянки в порт Байкал в тёмное время года можно насмотреться на озероморе, щедро освещённое солнцем, и, любуясь закатом, проводить солнышко и насладиться красотой ночного сибирского моря. А если ехать из порта в Слюдянку, то можно наблюдать, как ночь над морем переходит в день, как веселеют угрюмые мысы, как небо разгорается приветным, пробуждающим, чарующим огнём, как просыпается, оживает Байкал, как загадочная серебряная лунная дорожка сменяется золотой, смеющейся.

С одной стороны неспешного поезда — море, с другой — крутые горы, скалисто обрывающиеся перед самой железной дорогой. Скалы эти — следствие взрывов при строительстве дороги. Они обнажают древнейшие горные породы, многим из которых более трёх миллиардов лет! Всего на миллиард младше Земли! Трудно поверить в то, что появились они тогда, когда на планете только зарождалась жизнь. А может быть, ещё и до неё. Мшистые седые камни, дремлющие у прибрежных вод, кажутся воплощением вечности. Настоящее чудо — видеть перед собой вечность, иметь возможность

к ней прикоснуться! И так здорово, что находится она у славного Байкала!

Скалистые горы, разрушаясь, принимают изумительные очертания. Вся Кругобайкалка состоит из неповторимых природных ансамблей, один причудливей и прекрасней другого. Горные громады с самых небес нисходят к морю живописными крутыми уступами, напоминающими каменные волны. А внизу встречаются они с волнами байкальскими, живыми, переменчивыми, игривыми.

В тёплое время года можно увидеть, как часто меняют расцветку горы. Желтоглазые подснежники, нежно-голубые незабудки, красные и жёлтые лилии, белые и синие ромашки, яркие гвоздики, пёстрые травы — всё торопится цвести, всё благоухает. Цветут даже скалы! Глядя на это скалистое разноцветье, не знаешь, радоваться или огорчаться. Печалит то, что растениям плохо живётся среди голого камня, на палящем солнце, без достаточного количества влаги. Радует, что такая красота недоступна для рук человеческих. А летом на дороге людей бывает немало...

Деревья обживают кругобайкальские скалы на протяжении всей дороги. Трудно им живётся. Но место рождения не выбирают. Зимой морозный пар покрывает их толстым слоем инея, одевает в белые сияющие шубы снег, и надолго засыпают они крепким сном. А проснувшись весной, до поздней осени неустанно сверлят они корнями камень, пытаясь достать хоть частичку спасительной земли и влаги. Многие в попытках добыть пищу слабеют, засыхают, умирают. И ещё одна беда подстерегает их ежеминутно: горы, старые как мир, разрушаемые временем и стихией, осыпаются на Кругобайкальскую дорогу. Нередко бывает так: отвалился камень от уступа — и часть корневой системы дерева, и без того слабой и зыбкой, остаётся на весу, обрекая растение, итак не избалованное природой, на нелёгкое выживание, а то и на гибель. Большие камни срываются вниз, разгоняясь, высоко подпрыгивая, ломая деревца. Вследствие таких сильных ударов они погибают или влачат существование в виде жалких обломков, зачастую растущих вбок или — реже — в горизонтальном направлении. Но и среди деревьев, которым живётся нелегко, встречаются настоящие царственные особы. Есть берёзы, избранные небом, настоящие красавицы, изящные, летящие, с белейшей нежной корой. Есть сосны, безупречно стройные, гладенькие, с длинной пушистой хвоей, украшенные множеством шишек. Одному Богу известно, как им удаётся сохранить свою красу в крайне сложных условиях.

Высоко в небе купаются каменные престолы, крутые, недостижимые, порой нависающие над бездной. И даже на них вознеслись деревья, которые живут в своём скалисто-подветренном доме, под самыми облаками. Живут опасно, зато круто! Снизу они кажутся размером с траву, а коршуны, которые любят летать над нерукотворными престолами, видятся еле заметными мошками. А каким маленьким кажется оттуда, из поднебесной, человек — малая частичка земного мира!

Альпинисты и просто отважные туристы порой пытаются покорить кругобайкальские опаснейшие скалы. Кому-то удаётся забраться на некоторую высоту. Чьи-то жизни здесь обрываются, о чём свидетельствуют плиты с именами погибших. Достаётся и путейцам, вынужденным разбирать обвалы. Недавно погибли двое рабочих...

Живописны мысы, уходящие в необозримые глубины. Каждый сказочно красив, неповторим и значим. У поверхности моря образуют они скалистые крепости, каменные дворцы, купола и минареты. И все они похожи на огромных животных, ушедших головой в священную байкальскую тьму. Миллионы лет пьют они глубинную чистейшую воду и никак не могут напиться. Мысам открыт надводный, солнечный, благодатный мир. Им открыты и подводные священные тайны. Что видят они в глубинах, осиянные божественной синевой, купающиеся в белых барашках волн?..

Увлекательна игра на поезде в тоннельные жмурки. Смотришь, жадно впитываешь частичку моря, живущую между двумя мысами, зная, что открылась она тебе ненадолго. Близится, ширится чернеющее игольное ушко тоннеля, через которое предстоит проехать. И остаётся гадать, какой подарок глазу, какой новый мир ждёт там, за следующей горой? И хоть всё здесь хорошо мне знакомо, видано-перевидано с детства, тем не менее каждый раз после очередного тоннеля перехватывает дыхание от встречи с новым полотном Байкала. Меняются картины, и от великолепия проплывающих за окном пейзажей, горных и морских, наполняется восторгом, окрыляется дух.

Удивительно, как через неприступные громады гор люди смогли вручную пробить тоннели, проложить железнодорожное полотно, искусно вписав его в первозданный байкальский мир. Только любя природу и учась у самого Творца, создающего деревья и горы, реки и озёра, даже такие, как славный Байкал, можно было сотворить Кругобайкалку — восьмое чудо света. И теперь это чудо само открывает людям чудеса, даёт возможность встретиться с Байкалом.

НОЯБРЬСКОЕ УТРО

Воскресным ноябрьским утром выхожу из дома посмотреть, как восходит над Байкалом солнце. Летом редко удаётся мне увидеть рассвет: слишком ранним для меня бывает это событие. А вот в пору коротких холодных дней и для любителей поспать есть возможность прикоснуться к чуду рождения дня, зарядиться утренней бодростью.

Ноябрь у нас в Сибири разнохарактерный. То он радует теплом, то пугает морозами до минус тридцати. И пусть сейчас не тридцать, а только двадцать градусов ниже нуля, но после летне-осеннего тепла мороз, усиленный пронизывающим ветром, кажется очень сильным. Иду против ветра. Над головой неприветливое в серых облаках небо. Байкал тоже серый, на мелководье чуть зеленоватый. Снег ещё неглубок, но очень чист.

Исток Ангары исходит светло-серым морозным кипятком. Над ним линия густых пышных облаков, совсем тёмных. Облака висят неподвижно, а быстрый пар с истока летит прочь от Ангары, его породившей и уходит далеко, к противоположным берегам. А в сторону истока свинцовой речкой течёт вдоль берега вздыбленная ветром вода. Метрах в ста от меня поплавками сидят, покачиваясь на водной зыби, уточки. Время от времени уходят они под воду, что заставляет меня более ёжиться от холода. Но вот захожу за спасительную гору, где всегда тепло и уютно и где мечтала бы жить и даже иметь домик. Но мечта эта, как и большинство других, неосуществима. Нет здесь свободного места: скалы, громоздящиеся отвесно, узкая дорожка, старая железная дорога в одну колею, да крутой откос. Но и побродить здесь уже большое наслаждение. Гора охраняет свои пределы, защищает их от ветров. И вот стою я за каменной стеной в тишине и умиротворении. А вблизи ветер совсем свободно гуляет по Байкалу. Дует он порывами. Там, где он прикасается к воде, она темнеет.

Подхожу к откосу сфотографировать светлеющуюся, становящуюся серебряной воду. Увидев меня, с берега спешно взлетают тёмно-серые белеющие брюшками утки. Отлетев подальше в море на безопасное от меня расстояние, они садятся на воду. Жалею, что испугала этих мирных красавцев. Замечаю, что уток множество, растянулись они вдоль всего побережья. Везде на серой зыби видны беленькие птичьи брюшки и, думается, что они оттого белые, что каждый день соприкасаются с байкальской водой. Зимующим славным пернатым здесь всегда нравится, и они держатся до после-

днего. Только когда лёд смыкается, не оставляя даже маленьких участков воды для птичьей рыбалки, птицы вынуждены перелететь на незамерзающий исток, до которого меньше минуты утиного лёта.

Вдруг замечаю, что недалеко от стайки уток, что рыбачат вблизи от меня, появилось большое чёрное пятно. Узнаю нерпу. Достаю фотоаппарат. Но нерпа, показав спину, уходит в глубину. Разочарована тем, что и утки меня боятся, и нерпа. Да, хорошую репутацию получил человек среди собратьев-землян! Все от него удирают так быстро, как могут.

Небо потихоньку светлеет, но серость кажется неистребимой. Место восхода солнца застилает двойная завеса: облаков и ангарского тумана. «Бывают и воскресенья, как будни — думаю я. — Сегодня, похоже, праздничного восхода не дождаться». И вдруг вижу слабый огонёк в ангарском тумане, в том месте, откуда жду солнце. А немного погодя становится оранжевым крохотное прозрачное облачко, висящее выше других облаков. «Праздник рассвета сегодня будет только на небе», — решаю я и поворачиваю к дому. И вдруг, когда я миновала гору-спасительницу и вышла на ветер, небо и море начинают расцветать. Неторопливо, с ленцой, но начинают. Понимаю, что меня всегда губит нетерпение, стремление делать поспешные выводы. Теперь стало ясно, что воскресенье будет, праздник рассвета состоится. И, не замечая холода, сняв перчатки, начинаю любоваться и фотографировать в одно время. А небо всё расцветает. Сначала только ближе к солнцу, которое ещё не видно, но его присутствие уже ощутимо. Унылая картина начинает вбирать в себя весёлые солнечные краски. Большие пышные облака сияют по краям, всё больше пропуская свет. А маленькие, клочковатые сдаются солнышку сразу и весело загораются оранжевым. Воздух между ними становится нежно-голубым. И вот неясное огненное дыхание добралось и до дальней стороны неба и там начинает разбавлять серость, сначала робко, потом увереннее. И зацвело небо утренним восхитительным разноцветным цветком, волшебно заиграло переливами. Небесный вдохновенный огонь, жёлтый, розовый, оранжевый, быстро растворил свинцовость и серебро байкальской чаши и сделал её живой, лучезарной.

Вот солнце чуть окрасило снежные вершины далёких мысов, и свет стал медленно растекаться по горам, всё больше их расцвечивая. Посинел, повеселел, закипел огненным паром Байкал. Испарения его почти прозрачные и только слегка прикрывают синеву воды и сидящих на ней птиц. А пар над истоком взлетел выше гор, но потерял густоту, летит бы-

стро и клочковато. Стало теплее. Или мне это только кажется? Ведь мы привыкли к солнцу, как к очагу земному, и чувствуем тепло его лучей даже тогда, когда тепла этого и нет.

А вот и оно само, юное, счастливое, пробилось через морозную мглу и в радостном приветствии, раскинув лучи-руки, обнимает стылую землю. Заблистал снег. Зацвели нежным разноцветьем байкальские хрустали, созданные сильной волной из смелых растений, живущих на семи ветрах у самой воды на дамбе.

И в немом восторге глядя на цветущее от мороза и солнца озеро, думаю я с благодарностью: «Байкал, Байкал! Как ты расцвечиваешь для меня белёсую зиму! Ты превращаешь мои студёные будни в памятные воскресенья. Если бы не ты, то в зимние холода было бы невыносимо бесприютно и скучно. Как хорошо, Байкал, что ты у меня есть!»

ХРУСТАЛЬНАЯ СКАЗКА

Кругобайкальская железная дорога — дорога тупиковая, малоиспользуемая, и потому здесь вольготно живётся растениям. Они — везде: на шпалах, на откосах, на тоннелях, на близлежащих скалах. У растений, живущих у самой воды — особенно на дамбах — судьба стоическая. Хорошо знакомы они с суровыми байкальскими ветрами и волнами, штурмующими дамбы, словно крепости. Но приспособились они к стихии, научились выносить её свирепое лихачество.

В конце осени и в начале зимы, когда Байкал неспокоен, деревцам и кустам живётся нелегко. Особенно — во время ветра шелоника, который срывается со снежных хребтов Хамар-Дабана и с большой порывистостью устремляется к западному побережью, но, к счастью, берега не достигает. Затихает он над Байкалом, вложив всю свою пылкую могучесть в волны. В великолепной мощи рвутся к берегу посланники грозного ветра-отца, чтобы донести до берега его силищу, напомнить всему живому о его владычестве. Приятно любоваться волнами в безветрии и относительном зимнем тепле (шелоник дует в тёплую погоду). Даже линия горизонта, откуда идёт безудержное шелониково войско, становится волнистой. Огромный вал загоняет суда в гавани, но и там не находят они покоя от сильной трёпки. Сверкает в кипящем Байкале солнечная дорожка. Мечутся, безудержно приближаясь, волны. Участь у них разная. Одни слабеют в пути и исчезают в морском кипении. Иные достигают берега в умеренной силе, громогласно заявляя о себе. А самые воинственные, гороподобные волны, выстроившись в линии, надвига-

ются на землю грозно, неумолимо. Живые синие «горы» с шумом и грохотом обрушиваются на дамбы, на деревца, на кусты. Бетонные стены глухо содрогаются от разгула байкальской стихии и отражают удар за ударом. Волна, сотрясши стену, мигом взлетает на неё. Часть её устремляется в поднебесье, закрывая солнце, рассыпаясь на множество блестящих брызг, а затем окатывает дамбу, омывает берег до самой железной дороги, образуя скользкую, мокрую наледь. Другая часть волны, бóльшая, срывается вниз и, отпрянув от стены, на огромной скорости сшибается со встречной волной. Обе от сильного столкновения взмывают над пучиной, останавливая прыть, рассыпаясь, плеща, шипя.

Волны захлёстывают растения и ручейками стекают с них. Не успеет стечь одна — уже хлещет другая, за ней — третья. Подойдёшь в это время чуть ближе к краю дамбы — и разделишь участь зелёных детей природы, и оценишь их волю к жизни. Ведь их окатывает с лихвой целыми сутками, пока море, бушующее не на шутку, не успокоится.

Когда Байкал клокочет и ярится, все части растений покрываются ледком. Он щетинится на деревцах и кустах длинными изящными сосульками, которые день ото дня становятся всё толще. Терпеливые смельчаки, полностью покрытые льдом, принимают совершенно другой, диковинный облик. А когда крепко скованный Байкал затихнет до весны, ледяная корка на растеньицах станет очень толстой, и они, невидимые в мутноватой толще, станут прекрасными скульптурами, образующими длинные, диковинные ряды.

Невозможно не любоваться растениями в ледяных одеждах, сковавших их, наполнивших светом и тайной. Привлекают взор несколько сосенок-малышек, одетых в толстые блестящие платьица. Их зелёные хвойные веточки, тоненькие стволики, похожие на стебельки, призрачно просвечивают сквозь толщу льда. Но сосенки-крохи, заколдованные водой и морозом, оказавшиеся в прозрачном неведомом мире, не так слабы, как кажутся. Ни коварные байкальские ветры, ни валы, ими порождённые, не погубят малышей. Они способны выстоять и выжить в самую неистовую погоду. Растения, как и люди, ко всему привыкают и, наверное, им только на пользу байкальская закалка.

Непокорно, задорно смотрят ввысь кустики облепихи, растущей здесь во множестве. Толстый ледовый хрусталь покрыл колючие облепиховые ветви, просвечивающие через него коричневатыми прожилками. Ярко-оранжевые грозди ягод, застывшие в блестящей голубоватой глазури, выглядят очень привлекательно.

Рядом с дамбой, у самой воды, живёт высокая молодая плакучая берёза. Кажется, что кривой ствол её летит по-над Байкалом. Ветви берёзки устремлены ввысь и отражаются в воде. Кончики ветвей, очень тонкие, висят длинными прядями. А нижние ветви сплошь покрыты ледяным острым хрусталём, который свисает до берегового песка и мокрых прибрежных камней. Во время ветра ветви колышутся, раскачиваются и издают нежный тихий хрустальный звон.

Байкал даёт вторую жизнь даже высохшим травинкам. Они, ранее неприметные глазу, становятся больше, значительнее. Одни стоят в хрустальном обрамлении прямо, другие чуть пригнувшись, а третьи сгибаются в дугу да ещё врастают в землю поперечными сосульками. И каждой былинке очень идёт ледяное убранство.

А как хороши байкальские хрустали на рассвете и на закате, когда играет, переливается в них множество цветов и оттенков! Восходящее светило озаряет море ярким, всепроникающим светом, и хрустальные растения радостно приветствуют солнце и от встречи с ним становятся ослепительно-весёлыми, золотисто-румяными. В вечернюю зарю они задумчиво-прекрасны. Прощаясь, солнце трогательно прикасается к ним, никого не обходя, украшая их наряды нежным блестящим радужным разноцветьем. Щемяще-грустно гаснут его лучи за тёмным мысом...

Синяя живая вода, белый хрусталь, россыпи брызг. Что может быть лучше, красивее?! Невозможно не восхищаться «выставкой» байкальских ледяных фигур под открытым небом. Греет душу растительно-ледяное царство, творчески созданное самим Байкалом. Да не иссякнет никогда его животворящая сила!

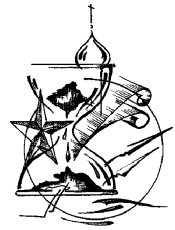
г. Иркутск

Александр БУРЕНКОВ,
директор Института русско-славянских исследований
им. Н.Я. Данилевского

БЫТЬ РУССКИМИ!

Призыв «Быть русскими!» — самая ценная мысль, прозвучавшая на Всемирном Русском Народном Соборе, который прошёл в Храме Христа Спасителя 18 октября прошлого года. Однако скажу сразу: опасения, что Собор при новом руководстве отойдёт от цивилизационного подхода на основе историософии Н.Я. Данилевского, который постепенно ложился в основу всей деятельности Собора при прежней команде управленцев, полностью подтвердились.

Организаторы назвали тему Собора «Народосбережение — настоящее и будущее России», встроившись в фарватер государственного национального проекта «Демография». Преодолеть узость подхода светских чиновников, которые демографические проблемы сводят к стимулированию мер рождаемости, Собор не смог. Не смог как раз потому, что полностью отошёл от цивилизационной теории Н.Я. Данилевского.



В понятие «народосбережения» надо вкладывать, прежде всего, культурно-историческое содержание, которое раскрывается в от-

ветах на следующие вопросы. О сбережении какого народа идёт речь? Речь идёт о сбережении российской гражданской политической нации с русским государствообразующим ядром или коротко — русской нации. Политическая нация формируется государствообразующим народом на этапе отстаивания своей политической независимости и окончательно — на цивилизационном этапе исторического движения (которому в России соответствует XIX век). Какой народ в России является государствообразующим? Русский! Что такое русский народ? Какая главная проблема русского народа? Потеря самобытной идентичности в результате 200-летнего периода «европейничанья» (термин Данилевского), вследствие чего в одном русском народе образовалось два: высшие сословия стали западными до неотличимости, а простой народ оставался русским, постепенно разлагаясь под влиянием высших сословий, что в целом и привело к трагедии 1917—1920-х гг.

Царство, разделившееся само в себе, не устояло. 70-летний Советский период также окончился крахом (уже советской формы государственности) по той же причине — в результате попытки реализации проекта строительства земного рая, не соответствующего русским народным началам, и на основе импортированной с Запада философии материализма. Здесь уже всему русскому государствообразующему народу было отказано в самобытной идентичности — он стал называться советским, и только он из всех народов СССР искренне поверил в саму эту возможность нового исторического этногенеза.

Остальные народы сохранили свою идентичность, спрятавшись за свой национальный уклад, сохранение которого всячески поддерживалось большевиками. Более того, большевики начали «разнародовать» русский народ изнутри, закрепив политически и культурно территориальное деление русского народа Великой (большой), Малой и Белой Руси образованием Союзных республик Украины и Белоруссии, присоединив к тому же к Украине и земли Новороссии и введя пресловутое «право наций на самоопределение». Советский период, конечно, — самый героический в истории России во всех отношениях, но в силу игнорирования интересов русского народа как государствообразующего система или должна была идти на эволюционное реформирование в 1960-е годы путём косыгинских реформ (но Брежнев не смог стать нашим Дэн Сяопином), или была обречена на революционную трансформацию, которая и случилась в 1991—1993 годах.

В настоящее время мы вернулись к дореволюционному состоянию общества: вопиющее социальное неравенство, европействующие высшие сословия (пока еще не оформленные юридически), простые граждане, особенно молодежь, заражённые «западными ценностями». И эта потеря самобытной идентичности касается, прежде всего, русского народа и всех народов православного вероисповедания. Потеряв «советскую» форму идентичности, мы никак не можем стать русскими во всех отношениях. А что у других народов? У большинства из них нет проблем со своей народной идентичностью — они её никогда не теряли. Сегодня они её закрепляют с помощью своей традиционной религии. Поэтому у них нет проблем с рождаемостью.

«У главы Чечни Рамзана Кадырова 14 детей» — сказал на Соборе министр Чечни по национальной политике, внешним связям, печати и информации Джамбулат Умаров, посетовав на то, что у него самого всего 5 детей. Не могу не привести его слова по проблеме народосбережения, сказанные в интервью телеканалу «Царьград» после Собора: «...Потому что в первую очередь мы потеряем русский народ, который был стержнем этого государства. Который вокруг себя объединял все остальные народы. Поэтому я считаю, что миссия настоящих искренних братьев, младших, каковыми являются чеченцы, и представители других народов, их миссия в том, чтобы вот такими полезными и достаточно острыми импульсами пробудить старшего брата и повернуть его к этой важнейшей проблеме». «Без этого соработничества, без упования на Господа в таких благих делах мы с вами ничего не добьёмся. Это вопрос сохранения нашей с вами государственности. Это вопрос сохранения безопасности. Потому что первое, что мы с вами потеряем, это потеряем свой суверенитет, потому что без государствообразующей нации, без неё не будет государства», — сказал Умаров.

Могу только подтвердить из своего личного опыта общения с кавказскими народами, что они искренни в таком своем мнении и очень устали от того, что русский народ как «старший брат» плохо выполняет свою государствообразующую роль. В моей голове уже давно бродит «крамольная» мысль о том, что все малые народы России, которые русский народ сохранил, включил в свою государственность, могут и должны выступить «запасником исторических сил» (термин Данилевского) и дать русскому народу как ядру гражданской политической нации новый импульс для возвращения его к самобытному историческому движению. И именно это мы слышали на Соборе из уст Джамбулата Умарова. Это, по сути,

призыв к межнациональному диалогу всех малых народов России со «старшим братом» — русским. Мы же увязли в самоцензуре, смотрим на официальные лица, речи которых построены на принципе «как бы чего не вышло», «как бы не задеть» национальную гордость того или иного малого народа, как бы не быть обвинёнными в известном «великорусском шовинизме». Обратите внимание, как часто наши официальные лица прячут понятие «русский народ» под эвфемизмом «наш народ», который референты-составители речи Его Святейшества Патриарха Кирилла использовали в полной мере.

Беда в том, что прививание т.н. «ценностей» западной цивилизации к русским народным началам ведёт к деградации русского народа, превращению его в этнографический материал, что означает потерю им его государствообразующей роли и, как следствие, ведёт к краху всего государства, удержать которое не сможет на своих плечах ни один из народов России (хотя татары, похоже, примеряются к этой роли, не отказываясь от титула президента, отмечая юбилей Орды и т.д.). Чеченцы это понимают особенно хорошо, пройдя через горнило кровопролитной гражданской войны. Больше никто из выступающих не смог подняться до предложенного Умаровым уровня дискуссии по решению проблемы «народосбережения», ключом к которому является, прежде всего, «народосбережение» русского государствообразующего народа в качественном культурно-историческом понимании как народа создавшего и удерживающего на себе государство, естественно, в соработничестве со всеми малыми народами России, но всё же при его главенствующей роли. Только при решении этой проблемы будет процветать и вся российская (русская) гражданская политическая нация. Печально, что малые народы России это уже осознают в полной мере, а русское образованное общество — нет. Почему это происходит — тема отдельного исследования.

О критике русских со стороны чеченцев говорили и сами русские. Так, генерал Решетников сказал, что члены чеченского отделения Собора упрекают нас, русских, такими приблизительно словами: когда вы, русские, будете жить как русские? В разговорах — сплошной мат, веру потеряли, полстраны потеряли...

Каждый народ обладает своими особыми психическими и культурными чертами, которые сегодня принято называть генотипом и архетипом народа. У русских — это терпение, уступчивость, смирение, благость. У германских народов — это насильственность, враждебность, индивидуализм по

отношению как к своим, так и к внешним. У чеченцев — это особенный воинственный дух, ставший результатом многовековой истории выживания, что отразилось на народном укладе жизни в горах на основе жилых, сторожевых и боевых башен, расположенных от входа в ущелья и до вершин, которые служили основой военного отпора захватчикам. Выражаясь политкорректным языком, результатом стал особый народный характер, описываемый ёмким русским понятием «молодечество», употребляемом для характеристики казаков, особенно терских. Народ делает свою историю в соответствии с требованиями своих народных начал.

Задача русского народа как ядра политической нации — найти формы соработничества со всеми малыми народами, формы, адекватные их народным началам. Возможно это только при возвращении русского народа к своей исторически державной роли в достижении гражданского благоденствия всей нации, результатом чего и будет естественный рост рождаемости. Для этого нужны прорывные идеи — такие, как «новая индустриализация», «одноэтажная Россия от Балтики до Японского и Охотского морей», «русский миллиард» и т.д. вплоть до идеи «государственно-народного социализма». Именно в реализации таких идей найдется место всем народам России с учетом народных традиций и предпочтений. Надо отдать должное губернатору Белгородской области Савченко, который, по сути, высказал идею одноэтажной России в виде новой градостроительной политики строительства домов усадебного типа и увязал это с льготным кредитованием в зависимости от количества детей и региона.

Другая сторона культурно-исторического подхода к проблеме «народосбережения» объективно связана с украинской проблемой. Собор вообще уклонился от обсуждения этой темы. Это что — не проблема народосбережения русского народа? Причем самая болезненная, которая бьёт как по качественному состоянию русского народа, унижая его национальную честь и достоинство, так и по количественному. Почему гражданское общество русской нации в лице Всемирного Русского Народного Собора не ставит перед Верховной властью задачи объединения разделённого русского народа и не предлагает своё видение путей такого объединения? Не осознаёт? Боится? Не доросло? Или равнодушно уже к этой проблеме? Вся беда в том, что мы все «затолерантились». Не понимаем настоящей роли гражданского общества, возможности которого огромны и активность которого на цивилизационном этапе исторического движения жизненно необходима для государства. В результате, мы уступили мес-

то представительствовать перед властью либералам-западникам и политическим аферистам.

2014 год открыл окно возможностей для воссоединения русского народа. Россия имела все возможности для окончательного решения украинской проблемы. Об этом была масса статей авторитетных авторов в российской печати. Мы имели у себя «в бегах» законного президента Януковича, да ещё и с запросом к России оказать помощь, и имели разрешение Совета Федерации на использование армии. Виталий Чуркин на Совбезе ООН 4 марта 2014 г. демонстрировал обращение Януковича к Путину. Мы могли решить проблему разделения русского народа в полном соответствии с пресловутым международным правом и раз и навсегда закрыть тему украинства на польской и венгерской границе с помощью российской армии (ведь сделали же в Сирии!). И власти предержащие не воспользовались этим шансом. Почему? Одна из причин — самоцензура гражданского общества, неправильное понимание его места в управлении страной.

Проблема неправильного понимания роли гражданского общества и общественного мнения в управлении страной, обнаружившаяся в 2014 году и не давшая возможности Верховной власти использовать открывшееся геополитическое окно возможностей, полностью проявилась и на Соборе. Суть этой проблемы — в нежелании видеть положение дел таким, какое оно есть на самом деле, и формировать собственную повестку общественной дискуссии. Так произошло в 2014 году и происходит постоянно до сего дня. Взяв тему «народосбережения», Собор свёл её к проблеме рождаемости «нашего народа», даже не дав анализа, у каких народов России остро стоит эта проблема. От проблемы, лежащей, казалось бы, на поверхности — проблемы воссоединения русского народа, — Собор ушёл. А на Украине, между прочим, происходит настоящий этноцид русского народа — а как иначе назвать политику навязывания украинского языка? Тот же процесс начался и в Белоруссии, где идет искусственный поиск самобытной белорусской идентичности с целью превращения русских в литвинов, например. Гражданское общество просто обязано формировать общественное мнение даже в крайних формах, отвечающих чаяниям всей русской нации.

Вот как это могло бы выглядеть в различных выступлениях и даже в резолюции:

— есть единый русский народ, искусственно разделённый на русских, украинцев и белорусов; мы, русские России, никогда не признаем случившегося политического разделения;

— никакого украинского народа не существует, «украинство» — орудие и результат борьбы Запада против России, в которой пока Россия проигрывает. Будущее граждан Украины — вернуться в Россию и стать русскими или стать поляками, или превратиться в этнографический материал. Польша сегодня хорошо демонстрирует на практике политику ополячивания в отношении граждан Украины, получивших паспорта Польши;

— надо наконец прекратить т.н. «минские соглашения» (отдав должное их роли на этапе прекращения огня в 2014 г.) как не исполненные со стороны Киева. Надо сказать от имени гражданского общества, что русская нация устала находиться в положении дешифровальщика непрерывных «хитрых планов», одним из которых являются «минские соглашения»; надо сказать Верховной власти, что в нашей истории мы, русские, никогда не умели совершать долгосрочные политические интриги, потому что попросту не умеем этого делать; Запад, особенно в его англосаксонской части, всегда нас обыгрывал; возможно, у действующего президента редкий дар к таким интригам, но мы устали, мы хотим определённости в духе передовых статей газеты «Правда» во внутренней политике и в духе «ТАСС уполномочен заявить» — во внешней. И при такой определённости готовы обеспечить полную поддержку власти;

— поэтому надо признать ЛДНР, предложив им объединиться в республику Новороссия, которая в свою очередь должна обратиться ко всем областям Украины с предложением войти в состав Новороссии с учётом сложившейся внутриполитической ситуации на Украине.

Если гражданское общество России (а ВРНС несомненно претендует на представительство от его имени) не будет ставить перед государством таких «амбициозных задач» (как это делает сегодня и всегда делало гражданское общество западной цивилизации, обливая грязью и Россию, и президента и русский народ), то точно произойдёт окончательное ополячивание русских на Украине и потеря всех их связей с Россией, а под Брянском и Белгородом будут стоять натовские ракеты.

Не с греческим миром нас пытается Запад разделить! Очевидно, эту мысль в речь Патриарха заложили референты — любители паломнических поездок в Грецию и на Афон, ставших модными среди состоятельных православных. Запад пытается нас разделить с православными Украины, средством чего является окатоличивание русских Украины и через это в том числе и ополячивание. Единственно верный путь

решения проблемы сохранения Православия на Украине во всей полноте пролегает только через воссоединение русского народа.

Невольно приходишь к выводу, что отказ организаторов Собора от накопленного предыдущим руководством опыта превращения Собора в общероссийскую общественную организацию на основе чёткой цивилизационной теории Н.Я. Данилевского не позволил раскрыть тему народосбережения ни в ретроспективе, ни в перспективе. Гора родила мышь. В итоговом документе утверждается, что в результате предлагаемых мер население России вырастет аж до 160 млн. человек к 2050 году! Как это понимать? Если сегодня нас 145 млн., то к 2050 году, если сохранится сегодняшняя рождаемость на Северном Кавказе, только численность наших «младших братьев» может увеличиться более чем на 15 млн. человек! Что это за задача даже с точки зрения роста одной рождаемости? Хотелось услышать, что в результате воссоединения русского народа до 2024 года население к этому времени достигнет 200 млн. человек, а к 2050 году — 300 млн., а к концу века — миллиарда!

Даже тема запрета абортов не прозвучала грозно. А ведь эта тема из зала ВРНС должна звучать как ультиматум власти, не иначе! А она прокралась в Резолюцию как жалкий писк о возможности оставления абортов только по медицинским показаниям. Амбициозных показателей рождаемости можно достичь, прежде всего, посредством одной меры — однозначным запретом абортов, как это было сделано в Советский период с 1936 по 1954 гг. и, естественно, аборты были запрещены в дореволюционной России. В обоих случаях наблюдался взрывной рост рождаемости. А потом уже — обязательная поддержка многодетных семей. Некоторые исследователи утверждают, что с 1960 по 2008 гг. в РСФСР-РФ было сделано 185 млн. абортов. Если численность абортов сохраняется на уровне 4 млн. в год, то к этой цифре надо добавить ещё 40 млн. Итого имеем потери в 225 млн. нерождённых человек.

Достоверность этих цифр надо было проанализировать на Соборе, изучить национальный состав женщин, идущих на аборты, положение дел на Украине, в Белоруссии, в Казахстане... Скорей всего мы бы увидели безрадостную картину, касающуюся, прежде всего, народов исторически православного вероисповедания: русских, народов финно-угорской группы, частично тюркских. Нетрудно вычислить, какой прирост населения русского мира мы теряем даже без учёта современной статистики по Украине и Белоруссии.

Если этих нерождённых граждан разбить грубо на три группы, то старшая имела бы уже внуков, средняя имела бы детей, а младшая частично вступала бы в брак. Так как верхний возраст не превышает 60 лет, то естественная убыль условно родившихся за счет смертности была бы незначительна. Предположительные выводы потрясают: с имеющимся населением нас уже к XXIII Собору могло быть не менее 500 млн. человек! Наверняка где-то есть математические выкладки на этот счёт. Есть информация, что именно лидеры западных держав потребовали от Хрущёва отменить запреты на аборты наряду с требованием сокращения армии и осуждения культа личности Сталина. Демография оказывается прочно увязанной с геополитикой. На основе имеющейся статистики можно предположить, что если аборты не будут запрещены, то Россия к 2050 году за 30 лет потеряет из-за абортов 120 млн. человек, а с учётом неродившихся от неродившегося детородного поколения — все 200 млн. Наше гражданское общество и Верховная власть должны осознать, что без «русского миллиарда» нам не удержать в своей собственности одну восьмую мировой суши (ещё совсем недавно мы говорили про одну шестую)!

Задача достижения к 2050 году показателя всего 160 млн. человек в России режет глаза и уши и с чисто политической точки зрения: так как данное утверждение касается только России, да ещё в предстоящем 30-летнем периоде истории, получается, что Собор «ратифицировал» сам факт разделения русского народа на разные государства, «ратифицировал» «минские соглашения», которые подразумевают интеграцию ЛДНР в состав Украины. В результате отказа от цивилизационного подхода тема «народосбережения» оказалась сведённой к теме «народоразмножения» некоего населения, выбравшего не русскую, а европейскую идентичность.

Русская народная линия

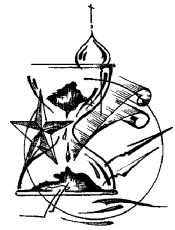
Михаил ЛЕМЕШЕВ

К ГРАЖДАНАМ РОССИИ!

15 лет назад, будучи убеждённым в том, что либералы, захватившие власть в России, ведут целенаправленное разрушение Российского государства и ограбление народа, обрекая его на нищету, я опубликовал в газете «Русский Вестник» (№10, 2006 г.) «Обращение к гражданам России». Копия была направлена президенту РФ В.В. Путину.

В том обращении я с болью в сердце и глубокой душевной тревогой за судьбу России обращался к соотечественникам с призывом защитить наше государство от участи, которую готовят ей внешние и внутренние враги.

Я напоминал, что на чествовании Ельцина, организованном в феврале 2006 года в Кремле, президент РФ В.В. Путин сделал оскорбительное для нашего народа заявление: «Он (Ельцин) дал российскому народу главное — свободу». Однако, утверждал я в своем обращении, отчуждение народа от родной земли и составляет суть и механизм уничтожения политического и экономического суверенитета страны и порабощения её народа. Земля с её просторами, недрами, лесами, водами, сельскохозяйственными и рекреационными угодьями яв-



ляется основой благополучия нации. Посягательство на это вечное благо, данное нам Богом, хранимое народом на протяжении веков, — есть разрушение нашей тысячелетней православной державы.

В своем обращении я подчеркивал: «Мировое правительство в течение последних 10—15 лет постоянно заявляет: *«Ресурсы должны принадлежать не отдельным государствам, а всему человечеству, и пользование ими должно быть под глобальным контролем»*. Известная своей ненавистью к России Мадлен Олбрайт, будучи госсекретарём США, конкретизировала эту задачу, заявив следующее: *«Несправедливо, когда одна страна владеет такой большой территорией, как Сибирь»*.

Устранением этой «несправедливости» активно и занималось правительство РФ последние 20 лет, организуя разграбление невосполнимого национального богатства путём его распродажи за бесценок российскому и зарубежному ворью, когда большинство её населения пребывает в нищете. А высшее наше чиновничество как раз и служит интересам этой воровской клики и её заокеанским покровителям-глобалистам. Президент РФ назвал эту воровскую клику «надменной кастой», но одновременно повысил ей жалованье до размеров, в сотни раз превышающих «прожиточный уровень», издевательски устанавливаемый для вымирающего народа этой же «надменной кастой».

На начало 2005 года, напоминал я в своем обращении, этот «уровень» составлял 2376 рублей на душу населения, при этом 26 миллионов душ не имели и этого гибельного нормативного дохода. Уже тогда, 15 лет назад, 92% национального богатства принадлежало 15% узаконенных воров — «новым русским», а на долю народа «реформаторы» оставили 8% нашего достояния.

Кладовые природы, как тогда, так и теперь хищнически опустошаются. Нефть, газ, лес, уран, цветные металлы, удобрения вывозятся из страны, а выручка за них остаётся за рубежом на счетах новоявленных хозяев. Поэтому в конце своего обращения я призывал граждан России использовать своё конституционное право с тем, чтобы потребовать проведения всенародного референдума с одним судьбоносным вопросом: «Считаете ли вы необходимым национализацию природного потенциала страны?»

Судя по содержанию традиционной и электронной печати, многие граждане России отнеслись к этому призыву с пониманием, резко возросла численность моих единомышленников — подлинных патриотов Родины.

Но проведения референдума «демократичная» власть не допустила. Тем не менее либералы во власти, учитывая ши-

рокое недовольство граждан разрушением социальной жизни страны, пообещало народу радикальное улучшение его жизни. В ноябре 2008 года была опубликована Концепция долгосрочного социально-экономического развития. В ней намечалось экономику РФ вывести к 2020 году на траекторию долгосрочного устойчивого развития со среднегодовым темпом роста ВВП до 6,5%, реальные доходы граждан увеличить на 64—72%, число живущих за чертой бедности сократить до 7%, перераспределить бюджет в пользу развития человеческого потенциала, расходы на здравоохранение увеличить с 3,6% ВВП до 5,5%, на образование — с 4 до 6%.

К несчастью, президент России возложил решение этих задач на «либеральных» дельцов, засевших в государственных органах законодательной и исполнительной власти. Неудивительно поэтому, что обещанное повышение благосостояния не только не было выполнено, но произошло дальнейшее его падение.

Либеральные реформаторы разгромили «неэффективный» социализм и построили «эффективный» бандитский капитализм, при котором экономика страны стала работать не на благосостояние народа, а на обогащение олигархов и чиновников высшего ранга. В результате впервые в мировой практике появилась категория **работающих нищих**, чья заработная плата ниже уровня показателя бедности. Это и есть высшее достижение российского псевдолиберализма. Попутно отмечу, что за последние 2 года число долларовых миллиардеров в РФ увеличилось с 74-х в 2017 г. до 200 в 2019 г. Такая политика власти конкретно выразилась в повышении предпенсионного возраста, в росте налогов, сокращении реальных доходов граждан, их обнищании и вымирании.

Президент Путин, вступив четвёртый раз на пост главы государства, в своих майских указах 2018 года просто продублировал те же цели и задачи, которые были сформулированы в 2008 году. Теперь их решение откладывается на 2024 год.

Разрушение социально-экономической жизни страны принимает катастрофический характер. В этих условиях я принял решение вновь обратиться к гражданам России — встать на защиту своих жизненно важных интересов, развернуть борьбу против либерального угнетения страны.

Дорогие соотечественники!

Всем нам необходимо осознать, что либеральная власть целенаправленно делит народ России на русских и инородцев, на либералов и патриотов, на богатых и бедных, на «элиту» и «быдло», на православных и исламистов и т.п. с тем,

чтобы в народе постоянно сохранялась конфликтная ситуация, чтобы мы боролись не с враждебными нам дельцами во власти, а между собой, теряя при этом созидательную энергию. В этой ситуации псевдолиберальная власть, разглагольствуя о свободе, может беспрепятственно, то есть **свободно** продолжать свою русофобскую людоедскую политику.

В подтверждение этой оценки хочу привести краткую, но красноречивую информацию. Механизм нашего разделения наглядно раскрыл депутат Государственной думы Александр Шерин, избранный от Рязанской, Тамбовской и Липецкой областей, население которых составляют, в основном, русские. При обсуждении проекта бюджета РФ на 2020—2022 гг. он обратил внимание своих коллег на, казалось бы, частную, но очень характерную для единороссов вопиющую практику выполнения закона «О ветеранах». Речь идёт о финансовой поддержке этих достойных глубокого уважения граждан. Депутат сообщил, что на 2020 год в проекте бюджета на эти нужды предусмотрено для Саха (Якутии) выделить 46 млн. рублей, для Дагестана — 48 млн., для Башкортостана — 72 млн., для Татарстана — 104 млн., для Чечни — 225 млн.

Задавшись вопросом, почему такие разные величины средств для указанных регионов страны, депутат резонно решил, что это зависит от численности населения. Однако, сопоставив эти величины с объёмом выделенных средств для Рязанской области, он убедился, что это не так, и огласил следующие, **ошеломляющие** данные. В Башкортостане проживает в 3,5 раза больше людей, чем в Рязанской области, но денег туда намечается выделить в 14 раз больше, чем в Рязанскую. В Татарстане численность населения в 3,5 раза больше, чем в Рязанской области, но денег выделено в 20 раз больше. В Чечне примерно равная численность населения по сравнению с Рязанской областью, но денег намечено выделить соответственно в 43 раза больше («Советская Россия» от 19 ноября 2019 г.). Такая же картина и с выделением средств на все другие нужды по всем регионам страны.

Приведенные сведения наглядно показывают, что неслучайно за последние три года (2017—2019 гг.) в РФ численность вымерших русских приблизилась к 2 млн. душ. В частности, в моей родной Брянской области, где 96% составляют русские, убыль за два последних года составила 118 тысяч. В соседней Смоленской области за эти же 2 года убыль составила 200 тысяч душ. Такая же картина в регионах по всей Центральной и Северо-Западной России.

Дорогие соотечественники! Патриарх Московский и всея Руси благословил нас на борьбу с либерализмом, с этим мировым злом и сатанизмом.

Чтобы выиграть эту борьбу, нам необходимо создать единую многомиллионную патриотическую семью, способную прекратить либеральный террор и геноцид русского государствообразующего народа. Наши неотложные задачи таковы.

Первая. Потребовать от конституционного суда привлечь к уголовной ответственности фракцию «Единая Россия» в полном составе за систематическое нарушение конституционных норм жизни страны: запрещение проведения референдумов, принятие законов, направленных на обнищание граждан, на лишение их прав свободно выражать свои требования в форме собраний, конференций, публичных выступлений.

Вторая. Потребовать от президента РФ отправить в отставку действующее правительство во главе с Д.А. Медведевым и сформировать новое правительство народного доверия; освободить государственные органы власти всех уровней от членов партии «Единая Россия».

Третья. Возродить реальную власть народа в форме Советов трудящихся, наделив их правами народного контроля и самоуправления.

Четвёртая. Осуществить национализацию (возвращение государству) всех природных ресурсов и ключевых отраслей народного хозяйства.

Пятая. Восстановить органы централизованного стратегического и текущего планирования и Государственный комитет по науке и технике. Без решения этой задачи невозможен научно-технический прорыв в число экономически развитых стран.

Михаил Лемешев — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, лауреат премии «Голос к народу», кавалер Золотой медали М.В. Ломоносова и Звезды В.И. Вернадского 1 степени.

Анна КОМИССАРОВА

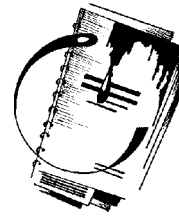
КРУПНЕЙШАЯ АФЁРА 90-х

Алмазный тупик

Торговля алмазами, которыми в лихие 90-е полнились хранилища Гохрана, имела важное стратегическое значение для российской экономики. Осуществлялась она по международным правилам алмазного рынка, через посредника-монополиста — корпорацию De Beers с представительством в городе Йоханнесбурге (ЮАР). Однако такое положение дел не устраивало Россию, которая добывала четверть всех драгоценных камней в мире.

Постепенно на государственном уровне стали все чаще обсуждаться возможные способы выхода из-под крыла монополиста De Beers — в частности, создание собственных международных компаний для огранки и продажи алмазов. Это позволило бы России не отдавать посредникам миллионы, а то и миллиарды долларов ежегодно. Но дальше разговоров долгое время дело не шло. Да и контракт с De Beers, по истечении которого теоретически можно было бы поменять условия игры, действовал до 1995 года. Однако все изменилось гораздо раньше.

...В один из дней 1992 года на пороге кабинета главы Российского комитета по



ДОСЬЕ "МГ"

драгоценным металлам и драгоценным камням (Роскомдрагмет) Евгения Бычкова появился некто Андрей Козленок. Козленок успешно окончил Плехановку, защитил кандидатскую диссертацию и имел опыт работы главбухом в знаменитой столичной клинике «Микрохирургия глаза». В 1988 году Козленок становится гендиректором фирмы «Совкувейт инжиниринг» — она занималась хозяйственной деятельностью объединения, действовавшего при московском ГАИ и занимавшегося автомобильным обслуживанием иностранцев. Козленок одно время даже имел собственный кабинет в здании столичного главка МВД на Петровке, 38, а еще наладил для столичных гаишников производство автомобильных знаков. Однако к главе Роскомдрагмета Бычкову Козленок пришел с совершенно новой для себя идеей.

Из грязи в князи

План Козленка состоял в том, чтобы создать иностранную фирму, которая позволит России напрямую выйти на международный рынок торговли алмазами и бриллиантами. Офис компании должен был появиться в США — стране, которая славилась антимонопольной политикой и откровенным противостоянием с De Beers. Козленок также настаивал, что компания обязательно должна быть частной: по его мнению, госпредприятие не могло быть успешным в рыночных условиях США.

Глава Роскомдрагмета Бычков с доводами Козленка согласился и успешно продвинул проект на госуровне: добро на открытие фирмы дал в итоге глава правительства России Егор Гайдар. Правда, этому событию предшествовала довольно темная история. По некоторым данным, тот же Бычков в октябре 1992 года познакомил Козленка и Юрия Сорокина — директора московского завода «Кристалл», который занимался производством бриллиантов.

Козленок предложил своему новому знакомому за определенную плату помочь с реализацией бриллиантов в США. Сорокину понравилось, с какой серьезностью потенциальный партнер подошел к делу: Козленок до мельчайших деталей расписал план сотрудничества и обозначил цены буквально на всё — от транспорта и аренды магазинов до рекламы и сейфов под драгоценности.

При этом директора «Кристалла» отнюдь не смутило, что все расходы по сделке с Козленком он должен был покрыть стопроцентной предоплатой. Не насторожил Сорокина и тот факт, что деньги ему предстояло перевести не на счет юриди-

ческого лица, а частным лицам — гражданам США Ашоту и Давиду Шегирянам, которых Козленок представил как соучредителей. Между тем братья Шегиряны, став партнерами Козленка, сделали огромный карьерный скачок: до этого один из них занимался покраской бордюров на улицах Сан-Франциско, а другой играл на флейте в ресторане.

Договорной капкан

Вскоре стороны заключили договор, согласно которому Сорокин двумя авансовыми переводами отправил на банковские счета американских бизнесменов 1,296 миллиона долларов. Эта сумма стала уставным капиталом детища Козленка: спустя неделю после поступления денег трио предпринимателей зарегистрировали в Сан-Франциско фирму Golden ADA. Аббревиатура ADA расшифровывалась как American Diamond Association — «Американская бриллиантовая ассоциация».

Фирма расположилась в выкупленном пятиэтажном здании, где также возникло предприятие по огранке алмазов. Козленок стал обладателем 60 процентов акций компании, а братья Шегиряны получили по 20 процентов. Казалось бы, партнеры сдержали слово. Однако время шло, а директор «Кристалла» Сорокин никаких дивидендов не видел. Тогда он попытался расторгнуть контракт с Козленком и Шегирянами, но оказалось, что Golden ADA полностью защищена его условиями, и до окончания срока договора в 1994 году Сорокин так и не смог ничего сделать, хотя пытался обращаться даже в правоохранительные органы.

Более того, на директора «Кристалла» стали давить и требовать от него продолжать поставки бриллиантов, предусмотренные контрактом с Golden ADA. Делать это Сорокин категорически отказался, перенес три инфаркта и в конце концов ушел с поста директора завода. То, что «Кристалл» пострадал от аферы, удалось доказать лишь в 1996 году. Правда, компенсация заводу оказалась на редкость скромной: он получил два автомобиля — «Mercedes» и «Волгу», которые ранее принадлежали Андрею Козленку.

Большая игра

Вскоре после истории с «Кристаллом» Golden ADA вышла на международный уровень: она заключила с Роскомдрагметом контракт, согласно которому из России в США надлежало вывезти драгоценные камни и металлы. Они дол-

жны были стать залогом под крупный кредит в 500 миллионов долларов, который американская сторона предоставляла российской экономике, а Golden ADA в этой схеме становилась посредником. Впрочем, история с кредитом так и осталась на бумаге: никаких денег из США в Россию не поступило.

Между тем глава Роскомдрагмета Бычков вновь принял самое активное участие в том, чтобы эти условия контракта были одобрены российской стороной — точнее, министром финансов Борисом Федоровым, чьей подписи оказалось достаточно для начала вывоза драгоценностей из Гохрана в США. Сразу после министерского одобрения весь проект был засекречен. Уже позже, когда «алмазное дело» начало активно раскручиваться, Федоров начал утверждать, что стал жертвой обмана: якобы важный документ ему на подпись подсунули злоумышленники, а он не заметил и в суете подмахнул бумагу.

Однако в курсе договора были представители многих инстанций. После того, как Ашот Шегирян и Евгений Бычков подписали документ, сделку согласовали в Министерстве внешнеэкономических связей России, Минфине и Государственном таможенном комитете. Согласно договору, продажа вывезенных драгоценностей была возможна лишь с ведома и при назначении цены российской стороной, а посредник — Golden ADA — получала за свои услуги десять процентов от суммы сделок.

Но, как и в случае с заводом «Кристалл», контракт был составлен столь хитрым способом, что принимающая сторона не давала никаких гарантий сохранности российских драгоценностей. В документе не было прописано, как именно они должны реализовываться и по какой схеме деньги от их продажи будут переводиться в Россию. Более того, не было заключено даже соглашение о страховании драгоценностей.

Золотые дельцы

Несмотря на все эти моменты, в кратчайшие после подписания договора сроки российская сторона выслала Golden ADA 40 тысяч карат (восемь килограммов) алмазов и 25 тысяч карат (пять килограммов) бриллиантов. Камни отбирала группа оценщиков, специально по такому случаю прибывшая из Израиля. Специалисты оценили стоимость одного карата российских алмазов примерно в тысячу долларов. Таким образом, стоимость всех 40 тысяч карат составила 40 миллионов долларов. Однако существует версия, что сто-

имость камней специально занижалась в десять раз, и алмазы на самом деле стоили не 40, а 400 миллионов...

Кроме драгоценных камней, хранилища Diamond center, принадлежащие Golden ADA, пополнились пятью тысячами золотых монет (в том числе редких), полутонной серебра (в основном посуды) и почти 50 килограммами различных дорогостоящих украшений. Всего с мая по июнь 1993 года из России в США было вывезено ценностей примерно на 95 миллионов долларов — и это лишь по оценке израильских специалистов. При этом сокровища Гохрана везли не только на специально оборудованных грузовых, но и на обычных пассажирских самолетах.

Впрочем, вскоре после того, как российские сокровища оказались за океаном, их начали совершенно бесконтрольно распродавать: деньги в карманы Козленка и Шегирянов потекли рекой. На них владельцы Golden ADA стали покупать элитную недвижимость — к примеру, пять шикарных коттеджей на знаменитом озере Тахо в Калифорнии, не говоря о яхтах и автомобилях. Интерьер дома Андрея Козленка украшали огромные часы из чистого золота, яйца Фаберже, статуэтки и подлинники картин известных художников. А свой досуг он проводил за игрой в шахматы — причем фигурки были сделаны из драгоценных металлов и инкрустированы бриллиантами.

Ко всему прочему, руководство Golden ADA обзавелось собственным самолетом и транспортным вертолетом «Ка-32», которым была задобрена полиция Сан-Франциско — города, где базировалась фирма. Правда, хитрый Козленок хоть и подарил вертолет местным полицейским, но оговорил условие, что иногда будет использовать свой подарок для нужд Golden ADA. На торжественное мероприятие по поводу передачи вертолета собрались все сливки общества Сан-Франциско — от мэра города и шефа местной полиции до крупных бизнесменов.

Ход «Звездой»

Пытаясь обзавестись полезными знакомствами, Андрей Козленок постоянно мелькал в США на светских приемах, где познакомился с вице-президентом США Альбертом Гором и супругой президента Хиллари Клинтон. Козленок хотел закрепиться и в политике: он спонсировал предвыборную компанию одного из кандидатов на пост губернатора штата Калифорния — впрочем, безуспешно.

Одновременно с этим Козленок задумал войти в российскую алмазодобывающую отрасль и даже присмотрел перс-

пективное месторождение драгоценных камней в Перми. Долго обрабатывать областную администрацию совладельцу Golden ADA не пришлось: пермским чиновникам хватило обещания привлечь инвесторов для туристической поездки на Багамы. После этого Козленок получил добро на геологоразведку и добычу алмазов.

А в 1994 году был подписан новый договор о продаже российских алмазов на сумму 88 миллионов долларов. Перед его заключением Козленок специально создал при Golden ADA дочернюю компанию — акционерное общество закрытого типа (АОЗТ) «Звезда Урала», которая, по сути, являлась фирмой-однодневкой. В этом была логика: по международным правилам Россия не имела права продавать чистые алмазы напрямую зарубежным предприятиям (в первом случае 40 тысяч карат алмазов были отправлены под залог). А вот отечественным фирмам, в числе которых оказалась и «Звезда Урала», — вполне.

После подписания всех необходимых бумаг «Звезда Урала» передала Golden ADA два ведра алмазов, поступивших из Гохрана. Передача формально состоялась на так называемой давальческой основе — с целью дальнейшей огранки и возвращения в Россию. Впрочем, возвращать алмазы Козленок не собирался.

Через ряд подставных фирм он переправил камни транзитом через Швейцарию в Бельгию, где продал одной из местных фирм. По другим данным, алмазы отправились в Южную Африку. Как бы там ни было, денег за драгоценности российский бюджет так и не получил, несмотря на оговоренные в контракте сроки — 60 дней с момента получения камней «Звездой Урала».

Под прицелом спецслужб

Тем временем Козленок не останавливался на достигнутом: вместе с братьями Шегирянами он открыл несколько дочерних предприятий в США, России и Бельгии — фирмы занимались авиаперевозками, продажей картин и недвижимости, производством и сбытом эксклюзивного холодного оружия, ювелирных изделий и инструментов для обработки алмазов.

Но троице не удалось избежать уголовного преследования: практически одновременно ими заинтересовались ФБР и ФСБ России. Причем российские силовики сначала обратили внимание на деятельность руководителя АОЗТ «Звезда Урала» Николая Федорова — его заподозрили в налоговых махинациях.

Проверяя всю подноготную деловых связей Федорова, ФСБ обнаружила сомнительную операцию с ведрами алмазов, а затем вскрылась и предыдущая афера. Выяснилось, что по самым скромным подсчетам России был нанесен ущерб более чем на 180 миллионов долларов, при том что от Golden ADA в Россию поступило всего 13 миллионов долларов.

Козленок какое-то время пытался сохранять лицо, несмотря на усиливавшиеся подозрения. Например, он заявил российским чиновникам, что кронпринц африканской Ботсваны в ходе напряженных переговоров с ним согласился на реализацию африканских алмазов через российские фирмы, минуя при этом De Beers. Правда всплыла лишь через год, когда выяснилось, что никакого кронпринца не существует.

Залечь на дно в Антверпене

Козленок быстро смекнул, что нарвался на большие проблемы, и поспешил продать Golden ADA. Покупателем фирмы стал ее финансовый консультант Раджив Госсейн, который отдал за компанию несколько миллионов долларов. Впрочем, после сделки Козленок принялся утверждать, что его вынудили переписать Golden ADA на Госсейна: неизвестные бандиты якобы похитили Козленка и увезли в Мексику, чтобы вынудить его подписать нужные бумаги, и даже захватили в заложники его сына.

По словам Козленка, новый владелец Golden ADA заключил договор с заинтересованными лицами и за пять миллионов долларов согласился ликвидировать фирму, а также уничтожить документы о ее деятельности. После этого Госсейн реализовал часть наиболее ценного имущества Golden ADA и перевел деньги на свои счета в швейцарских банках, после чего переехал на ПМЖ в Малайзию. Правда, спокойной жизни там Госсейн не обрел и вскоре был убит.

Что до самого Козленка, то он обзавелся липовым паспортом на имя гражданина Греции Андреуса Илиадиса, изменил внешность при помощи пластической операции и отправился в бельгийский Антверпен. Там он решил обосноваться надолго и даже приобрел трехэтажный особняк: Козленок знал, что между Россией и Бельгией нет соглашения об экстрадиции преступников. Поэтому он не особо переживал, когда 21 января 1996 года его доставили в полицию для допроса: российские правоохранительные органы установили, где находится Козленок, и решили побеседовать с ним как со свидетелем.

К слову, в октябре 1997 года представителям российского следствия удалось допросить в США Ашота Шегиряна. Тот незадолго до этого пытался бежать из Штатов по поддельному паспорту на имя Мартина Эша, гражданина Доминиканской Республики. Однако Шегиряна задержали в лондонском аэропорту Хитроу, вернули в США, возбудили против него уголовное дело о неуплате налогов на 63 миллиона долларов и поместили под домашний арест.

Правоохранительные органы США пытались всячески помешать тому, чтобы Шегирян давал показания российской стороне. Американцы планировали арестовать имущество Golden ADA и использовать его для покрытия многомиллионного долга Шегиряна перед казной США, но российские следователи в итоге все же его допросили. Ашот заверил, что не участвовал в принятии судьбоносных для Golden ADA решений, подписи за него якобы подделывал Козленок, и вообще они с братом — всего лишь жертвы обстоятельств.

Впрочем, оправдания Шегиряна не помешали российскому следствию обвинить его в мошенничестве. Но на этом всё и кончилось: обвиняемый был гражданином США, и шансов на его выдачу России фактически не было. А его брат Давид и вовсе сумел ускользнуть от правосудия: по оперативной информации, он затерялся на просторах Латинской Америки и находится в розыске до сих пор.

Международный переплет

Между тем план американцев получить средства от продажи имущества Golden ADA, которое оценивалось в 164 миллиона долларов, провалился — его в конце концов признали собственностью России. Американцы могли претендовать лишь на сумму неуплаты налогов фирмы — 10 миллионов долларов вместо 118 миллионов, которые изначально требовали налоговики США.

А положение Андрея Козленка, который рассчитывал на безбедную жизнь в Антверпене, внезапно оказалось очень шатким. Вскрылся неприятный для него факт о поддельном паспорте на имя грека Илиадиса, а срок его рабочей бельгийской визы стремительно подходил к концу. В итоге Козленка арестовали, а Россия и Бельгия начали обсуждать, каким образом можно экстрадировать фигуранта громкого дела на родину. Аферист решил воспользоваться этой задержкой: убедил суд выпустить его под залог в два миллиона бельгийских франков, купил билет на самолет и рванул в Афины,

куда успел перевести часть капиталов. Однако в аэропорту прибытия правоохранительные органы Греции задержали Козленка за незаконное пересечение границы.

Примерно в это же время «алмазное дело» лишилось важного фигуранта: в камере столичного СИЗО свел счеты с жизнью Сергей Довбыш — один из ключевых подельников Козленка, которого обвинили в хищении 20 миллионов долларов и хранении нелегального оружия, боеприпасов и золота.

Несмотря на то что между странами существовало соглашение «Об оказании правовой помощи по гражданским и уголовным делам», Греция не сразу выдала Козленка России. До этого целых полгода адвокаты предпринимателя пытались убедить греческое правосудие в том, что дело в отношении их подопечного сфабриковано и носит политический характер. Давили юристы и на жалость: мол, в российских тюрьмах ужасные условия, а у их подзащитного якобы диагностирован цирроз печени.

Кроме того, аргументом адвокатов стала загадочная смерть в СИЗО Сергея Довбыша. По мнению юристов, его могли устранить и замаскировать расправу под самоубийство, а значит, и жизнь Козленка в России окажется под угрозой. Но все эти доводы не помогли: в мае 1998 года греческий суд постановил экстрадировать мошенника в Россию. Фемиду поддержал министр общественной безопасности Греции, который отклонил прошение о предоставлении Козленку политического убежища. Через несколько дней после решения суда главного фигуранта «алмазного дела» доставили в Москву.

По всей мягкости закона

Оказавшись в московском СИЗО «Лефортово», Козленок сразу же отказался от дачи показаний. Он решил держаться избранной ранее линии — мол, ничего об аферах не знает, руководящих должностей в Golden ADA не занимал и ничего важного не подписывал. А для того, чтобы обезопасить себя, Козленок передал следователям через адвокатов, что сводить счеты с жизнью в камере он не собирается.

Из нескольких десятков человек, проходивших по «алмазному делу», на скамье подсудимых в итоге оказались четверо: Козленок, бывший глава Роскомдрагмета Бычков, глава «Звезды Урала» Николай Федоров и бывший руководитель департамента финансов правительства России Игорь Московский. Приговор, который был вынесен в мае 2001 года,

оказался более чем мягким: реальные сроки — 6 лет и 3,5 года лишения свободы соответственно — получили лишь Козленок и Федоров.

С учетом продолжительности следствия и судебных слушаний, Федорова после оглашения приговора освободили прямо в зале суда. А в ноябре того же 2001 года пересмотрели срок и Козленку: он сократился с шести до четырех лет лишения свободы. Что же до Бычкова и Московского, то они не сидели ни дня: получив по три года, оба сразу же попали под амнистию как обладатели государственных наград.

Андрей Козленок освободился в 2002 году и заявил ожидавшим у стен колонии журналистам, что едет к маме. Его дальнейшая судьба неизвестна: по некоторым данным, главный фигурант дела Golden ADA уехал из России и сменил фамилию. Между тем из похищенных в ходе алмазной аферы 183 миллионов долларов в Россию вернулись лишь 44 миллиона. Куда делись остальные деньги, до сих пор остается тайной.

Lenta.ru

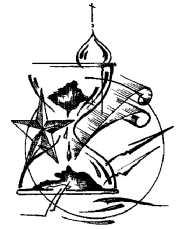
Валерий ГАБРУСЕНКО

ТРОЦКИЙ И СТАЛИН

К 140-летию двух вождей Октября

Родились они с разницей всего в полтора месяца: Лев Троцкий (Лейба Бронштейн) — 25 октября (ст. ст.) 1879 г., Иосиф Сталин (Джугашвили) — 9 декабря того же года. У них было много общего. Оба обладали железной волей, блестящими организаторскими и аналитическими способностями (после Ленина рядом с ними поставить было некого), оба — властолюбивы (иначе не стали бы вождями), оба — глубоко образованы (хотя высшего образования не имели), оба — убеждённые революционеры, оба прошли тюрьмы и ссылки, оба сыграли ведущие роли в Октябрьском перевороте. На этом, пожалуй, общее и заканчивается.

Троцкий происходил из семьи богатого еврейского землевладельца-арендодателя и скупщика зерна. Обучение начал в хедере (иудейской начальной школе), детство провёл на хуторе в окружении русских крестьянских детей, к которым относился с глубоким презрением (здесь, видимо, сказалось влияние не только семьи, но и хедера, где воспитание национальной толерантности и, тем более, терпимости к Православию в



«учебные программы», мягко говоря, не входило). Позднее, ещё в дореволюционной эмиграции, презрение к русским детям переросло в открытое (публиковавшееся в брошюрах и газетах) презрение к России, которую он называл не иначе как «варварской страной». Уже тогда он не скрывал своего отвращения к родине и обрушивался в печати на всякие попытки обнаружить в России, её культуре и истории хоть что-то позитивное. Видимо, эти чувства и привели его к стремлению уничтожить презренное государство, хотя жизни русского народа он, по существу, никогда не знал.

В 1896 г. он окончил реальное училище в Николаеве, учился блестяще, был одним из первых учеников, много читал русских и зарубежных классиков, но уже в годы учёбы в нём обнаружились высокомерие, неуживчивость и раздражительность. Учась в последнем классе, познакомился с социалистами, участвовал в дискуссиях, где проявил себя искусным полемистом, побеждая в спорах не глубокими знаниями (которых у него ещё не было) и основательной логикой, а, как он сам вспоминал, «тоном иронического превосходства».

Тогда он и выбрал дорогу на всю жизнь — революционную деятельность. Писал листовки, занимался пропагандой среди рабочих-сектантов (православные рабочие пропаганде поддавались слабо) и стал одним из организаторов Южнорусского рабочего союза. Едва достигнув 18 лет, был арестован, два года провёл в одесской тюрьме и получил сравнительно мягкий приговор: 4 года ссылки в Иркутскую губернию. Находясь в тюрьме и поняв, что причина быстрого провала Союза — неумелая конспирация, стал тщательно изучать историю масонства, организацию которого высоко оценил и даже написал на эту тему брошюру. Стал ли он впоследствии сам масоном, неизвестно — точные сведения об этом отсутствуют.

В ссылку Троцкий уехал с молодой женой, писал там статьи, которые иркутские газеты публиковали и оплачивали, а через два года бежал, оставив на руках жены (с её согласия) двух дочерей. Из Иркутска с поддельным паспортом он отправилмя в Самару к соратнику Ленина Кржижановскому. Оттуда его вызвал к себе в Лондон сам Ленин, один из вождей РСДРП и член редакции «Искры».

В Лондоне Троцкий приобрел благосклонность Ленина, но неприязнь другого члена редакции «Искры», будущего лидера меньшевиков Плеханова, не терпевшего его цветистые и поверхностные газетные статьи. Зато в полемическом искусстве он переплюнул всех революционеров-эмигрантов, больше привыкших к голому теоретизированию в спокойной об-

становке эмиграции. Первая же «проба пера» — открытая дискуссия, в которой Троцкий легко расправился с анархистами и народниками, — была столь успешной, что Ленин намеревался включить его в состав редакции газеты, но Плеханов опять оказался против. Тогда же Ленин обратил внимание не только на полемический, но и на ораторский дар Троцкого: умение убеждать и зажигать аудиторию.

На II съезде РСДРП (1903 г.), где произошло размежевание социал-демократов на большевиков и меньшевиков, Троцкий поддержал большевиков, однако спустя некоторое время с большевиками поссорился, обвинив Ленина в расколе, и перешёл к меньшевикам. Потом поссорился и с ними, приостановил партийную работу и занялся журналистикой. Некоторые его биографы считают, что причина таких зигзагов — не в политических разногласиях, а в неудовлетворённом честолюбии Троцкого. 24-летний молодой человек считал себя уже вполне достойным быть вождём партии (неважно, большевистской или меньшевистской), но «все места были заняты». Впоследствии он неоднократно, хотя и безуспешно, пытался объединить большевиков и меньшевиков — под своим руководством.

В те же годы он близко сошёлся с «гражданином мира», социалистом и агентом мировой закулисы, выходцем из России и её ненавистником Парвусом (Гельфандом), познакомился с его теорией «перманентной (непрерывной) революции» и остался верен ей на всю жизнь, а с Парвусом много лет поддерживал тёплые отношения. Суть «перманентности» в том, что после победы в одной стране (в то время наиболее вероятной была Россия), революция на штыках переносится в другую наиболее подходящую страну, и так далее, до полного захвата власти над миром «рабоче-крестьянского правительства».

В 1905 г. Троцкий пробрался в Петербург, сразу окунулся в гущу революционных событий, вскоре стал председателем Совета рабочих депутатов, был арестован и приговорён судом к вечному поселению в Сибири, но по пути в ссылку бежал и обосновался в Вене, где занимался журналистикой, наслаждался жизнью в «цивилизованной» стране и, по утверждению американца Дж. Недавы, играл в шахматы с Ротшильдом в Cafe Central. В статьях он часто и в грубой форме нападал на своих политических противников и чаще всего на Ленина. Ему довелось быть военным корреспондентом на Балканских войнах (1912, 1913) и получить некоторые военные знания. С началом Мировой войны (1914), из опасения быть интернированным — переехал в Швейцарию, затем в

союзницу России Францию, откуда его за антироссийскую пропаганду выслали в Испанию.

В 1916 г. Троцкого выслали и из Испании, и он с семьёй (второй женой и сыном) отправился в США и решил там надолго обосноваться, не рассчитывая на близкую революцию в России. В Америке он быстро обзавёлся связями в социалистических кругах, актив которых состоял преимущественно из евреев, в т.ч. эмигрантов из России, и включился в бурную жизнь: писал статьи, выступал перед многочисленными аудиториями, срывал овации залов и купался в лучах славы. Хотя факты его встреч с финансовыми воротилами США не зафиксированы, историки указывают на ряд свидетельств полученной Троцким большой финансовой поддержки от банкира Я.Шиффа — того самого, который финансировал «русскую» революцию 1905 года и кредитовал Японию в войне с Россией.

После Февральского переворота для Троцкого и большой группы революционных эмигрантов из России зафрахтовали пароход и отправили в Россию, но из-за задержки в Канаде прибыл он в Петроград только в апреле, уже после своего главного конкурента Ленина. Ожидаемых «оваций» он не получил (встретили его куда скромнее, чем Ленина), но сразу же начал кипучую деятельность: стал неформальным лидером Петроградского совета и почти ежедневно с утра до вечера выступал на всевозможных митингах и собраниях. Современники отмечали его уникальную способность гипнотического воздействия на массы. Именно он сыграл главную роль в распропагандировании солдат Петроградского гарнизона и моряков Кронштадта, которые вскоре стали военной опорой большевиков.

По приезде в Петроград Троцкий создал надпартийную «межрайонную группу» (с той же целью: быть главным революционным вождём), но, быстро поняв, что самой мощной революционной силой являются большевики, объединился с ними и на VI съезде РСДРП (август-сентябрь 1917 г.) был избран членом ЦК. 12 октября (ст. ст.) он возглавил Военно-революционный комитет (формально как орган Петроградского совета, а фактически подчинявшийся ЦК РСДРП), созданный по его инициативе под предлогом борьбы с контрреволюцией, а на самом деле — для военного руководства восстанием. ВРК внёс решающий вклад в события 25 октября (7 ноября) 1917 года.

В те же дни для оперативного решения текущих вопросов и политического руководства восстанием было создано политическое бюро ЦК из 7 человек, в которое он вошёл вместе с

Бубновым, Зиновьевым, Каменевым, Лениным, Свердловым и Сталиным. Позднее Троцкий писал, что Октябрьской революции не было бы, если бы не Ленин, но её не было бы, если бы и не он, Троцкий. Звучит хвастливо (вообще тщеславие распирало Троцкого всю жизнь), но это не так уж далеко от истины.

Сталин родился в бедной семье грузинского сапожника. В 1888—1894 гг. учился в Горийском православном духовном училище, затем в Тифлисской духовной семинарии. Учился он превосходно по всем предметам, быстро и в совершенстве овладел русским языком, хотя всю жизнь говорил с акцентом; очень много читал, писал лирические стихи, которые даже печатали в тифлисских газетах.

С 15 лет стал читать запрещённую литературу, а затем начал и революционную деятельность, на которую его подтолкнули «иезуитские», по его словам, порядки в семинарии — подсматривание, подслушивание, тайные обыски личных вещей, доносы, запрет на чтение светских книг (чего не было в других семинариях России).

Именно тогда он вошёл в местную организацию марксистов, большинство членов которой придерживалось позиций «легального марксизма» и грузинского национализма. Сталин, взявшись за глубокое изучение работ Маркса и Ленина, вскоре занял иную позицию — революционного марксизма и интернационализма. Став руководителем кружка рабочих железнодорожных мастерских, он быстро проявил свои организаторские способности и завоевал авторитет своим умением говорить кратко, доходчиво и убедительно.

В 1901 г. вступил в РСДРП, в том же году написал свою первую статью в местную газету «Борьба», а после раскола партии (1903) присоединился к большевикам. В 1900 г. был одним из организаторов стачки железнодорожных рабочих в Тифлисе, в 1902-м — «главным руководителем беспорядков, произведённых батумскими рабочими» (слова из полицейского отчёта), в 1904-м — организатором крупнейшей в России стачки на нефтепромыслах в Баку. Хотя Сталин больше тяготел к организаторской и пропагандистской работе, в те годы он приобрёл и большой ораторский опыт, выступая на митингах и маёвках, и проявил качества незаурядного лидера.

Первый раз он был арестован в 1902 г. после батумских событий и провёл в тюрьме почти два года. Всего же его арестовывали 7 раз, отправляли в ссылки, из большинства которых он совершал побеги. За 15 лет (1902—1917) в тюрьмах и ссылках он провёл почти 9 лет. Особенно тяжёлой была

ссылка в 1913—1917 гг. в Курейку (Туруханский край), за Полярный круг, где из-за отсутствия всяких занятий, дающих заработок, он оказался почти без средств к существованию. Однако и там он не утратил силы духа: занимался физической работой, охотился, а главное — много читал и писал статьи в революционные газеты. Правда, характера он был неуживчивого. Во всяком случае, живший под одной крышей со Сталиным Свердлов скоро перебрался в другое место, написав жене, что Джугашвили «парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни».

Революционные заслуги Сталина получили высокую оценку. В качестве делегата Кавказского союза РСДРП он участвовал в работе I конференции большевиков в Таммерфорсе (Финляндия, декабрь 1905), где познакомился с Лениным, в 1906 г. — IV съезда РСДРП в Стокгольме, в 1907 г. — V съезда в Лондоне, в 1912 г. — Пражской конференции большевиков, на которой был избран членом ЦК и членом Русского (т.е. находившегося в России) бюро ЦК.

По большинству дискуссионных вопросов он поддерживал Ленина, хотя и не всегда, — вождя большевиков, далёкого от реальной жизни в России, частенько заносило. Сталин, «революционер-практик», как он себя называл, знал эту жизнь лучше и возможности партии оценивал реалистичнее.

Из последней ссылки Сталина освободил Февральский переворот. В марте 1917 г. он прибыл в Петроград и сразу же включился в революционную работу: до приезда Ленина руководил ЦК партии, входил в редколлегию «Правды», публиковал статьи, проводил антивоенную пропаганду, участвовал в I съезде рабочих и солдатских депутатов, от большевистской фракции был избран членом ВЦИК Петроградского совета, руководил VI съездом РСДРП и выступил с отчётным докладом (Ленин тогда был в подполье), а 12 октября был избран членом Политбюро ЦК и членом ВРК.

Тогда и произошло близкое знакомство Сталина и Троцкого. Оба они работали в одной упряжке и до 1918 года тянули её в одну сторону.

Противостояние. На следующий день после революции Троцкий, как имевший международные связи, занял пост наркома иностранных дел, а Сталин, признанный специалист по национальному вопросу, — куда более скромный пост наркома по делам национальностей.

Троцкому было поручено заключить сепаратный мир с Германией, однако на немецкие условия (сохранение немецкой оккупации Польши, Зап. Белоруссии и части Прибалтики)

он не согласился и объявил об одностороннем прекращении военных действий и демобилизации армии (его затягивание переговоров, тактика «ни войны, ни мира» была вызвана расчетом на революцию в Германии, т.е. той самой идеей «перманентной революции»). Это вызвало негодование Ленина, который отменил приказ о демобилизации и которого поддержал Сталин. Договор (Брестский мир) был всё же заключён, но на куда более тяжёлых условиях — немцы времени не теряли и беспрепятственно продвинули свои войска на восток, почти до самого Петрограда. В результате была потеряна четверть территории Европейской России и громадная часть ее промышленного потенциала.

После «похабного» Брестского мира Троцкий в марте 1918 г. ушёл с поста наркома иностранных дел и стал наркомом по военным делам. Он широко привлекал офицеров (военспецов) Императорской Русской Армии, справедливо полагая, что без их знаний и опыта создать боеспособную Красную Армию будет исключительно трудно. Сталин был противником такого подхода, считая военспецов идейными врагами и потенциальными предателями. Отчасти он был прав, случаи предательства уже были, хотя Троцкий и принял соответствующие меры: семьи военспецов оставались в качестве заложников.

Первый острый конфликт между ними произошёл летом 1918 г. при обороне Царицына от казачьих войск генерала Краснова. Сталин, назначенный председателем Военного совета Северо-Кавказского военного округа, за неподчинение отстранил командующего округом генерала Снесарева, которого от расстрела спас Троцкий (генерала расстреляли в 1937 г.). Из-за постоянных конфликтов с Троцким Сталин в октябре был отозван в Москву и сразу же назначен членом Реввоенсовета (РВС) республики — высшего органа управления и политического руководства вооружёнными силами, только что созданного во главе с Троцким.

Следующий крупный конфликт произошёл в 1920 г. во время контрнаступления Красной Армии в советско-польской войне. Сталин тогда был членом РВС Юго-Западного фронта (командарм Егоров), наступавшего на Львов. На варшавском направлении наступал Западный фронт (командарм Тухачевский). Ослабленный в предыдущих боях, Западный фронт подошёл к Варшаве и, далеко оторвавшись от баз, испытывал острую нужду в оружии, продовольствии и боеприпасах. Расчёт Троцкого и Тухачевского (и Ленина тоже) был на встречную поддержку польского пролетариата, который, следуя Марксу, должен был свергнуть своих поме-

щиков и капиталистов. А далее Красная Армия должна была на своих штыках понести революцию из Варшавы в Берлин. Однако весь расчёт был построен на песке — желаемое выдавалось за действительное: «Мы ждали от польских рабочих и крестьян восстаний и революции, а получили шовинизм и тупую ненависть к русским», — вспоминал Ворошилов.

Чтобы спасти фронт Тухачевского, высшее командование решило перебросить к нему с Юго-Западного фронта конармию Будённого, но из-за плохо организованной работы штабов подошла она уже к шапочному разбору. «Польская» авантюра обошлась в 25 тыс. убитых, 60 тыс. пленных и 45 тыс. интернированных красноармейцев (по жестокости польские концлагеря были не лучше гитлеровских) и потерю Зап. Украины и Зап. Белоруссии. Однако всю вину за катастрофу Троцкий и Тухачевский пытались возложить на командование и РВС Юго-Западного фронта, т.е. лично на Егорова и Сталина.

Опустим подробности событий конца 1920 — начала 1921 гг., когда Троцкий выдвинул идею милитаризации профсоюзов и превращения демобилизуемых частей Красной Армии в Трудовую армию. Развернувшаяся «дискуссия о профсоюзах» была предлогом для отстранения Ленина и захвата единоличной власти. Современник писал своему зарубежному адресату: «...пресловутая дискуссия о профсоюзах угрожала и расколом партии, и заменой Ленина Троцким (в этом была сущность дискуссии, скрытая от непосвящённых тряпьём теоретического спора)». В ЦК тогда сторонников Ленина было меньшинство, и среди них — Сталин. Но на X съезде (март 1921) Троцкий потерпел поражение — первое поражение в борьбе за высшую власть.

Новое обострение отношений произошло после XI съезда (1922 год), когда Сталин занял только что введённую должность генерального секретаря ЦК, т.е. руководителя Секретариата ЦК, которая считалась тогда чисто технической и писалась со строчной буквы. Однако генсек вскоре сумел превратить Секретариат в чётко работающий орган, руководивший организационной и кадровой работой в партии. И сам он выгодно выделялся своей работоспособностью, глубоким вниканием в суть дела на фоне других членов Политбюро, предпочитавших «трибунную» работу или публицистику, а не решение каждодневно возникающих конкретных вопросов. Этими качествами Сталин заслужил высокое доверие членов партии.

В связи с окончанием Гражданской войны, победа в которой была немалой заслугой Троцкого, Ленин предложил ему

пост своего заместителя в Совнаркоме (и потом предлагал ещё дважды), от чего тот высокомерно отказался. Он привык быть «на белом коне» в центре экстремальных событий, и рутинная административно-хозяйственная работа его не устраивала. К тому же он считал себя фигурой, равной Ленину, если не выше, и малопримечательная должность ему казалась недостойной.

Да и на Россию он смотрел как на страну своего временного проживания, лишь до ближайшей зарубежной революции: «...И если раздастся с Запада набат — а он раздастся, — то мы хоть и будем по сию пору, по грудь, погружены в калькуляцию, в баланс и нэп, мы откликнемся без колебаний и без промедления: мы — революционеры с головы до ног, мы ими были, ими останемся, ими пребудем до конца» (из выступления в 1923 г.).

Не веря в возможность построения социализма в России без помощи западных революций, он в то время постоянно прокламировал идею своего друга Парвуса о создании Европейских Соединённых Штатов, где РСФСР была уготована роль одного из штатов. Ещё раньше, во время наступления Деникина на Москву в 1919 году, Троцкий в панике предложил перенести штаб мировой революции из Москвы куда-нибудь в Среднюю Азию, чтобы оттуда руководить революцией в Индии. Его интересовала не страна и не народ, а только сам революционный процесс. И только ему он готов был служить со всем жаром сердца.

Он постоянно критиковал работу Политбюро и Совнаркома, хотя иногда вносил и дельные предложения — например, о ненужности возглавляемого Сталиным наркомата рабоче-крестьянской инспекции и передаче его функций Госплану или о введении монополии внешней торговли. Ряд его предложений впоследствии был воплощён в жизнь.

В мае 1922 г. у Ленина случился инсульт, и отношения Троцкого с остальными членами Политбюро ещё более обострились, особенно со Сталиным. Больной Ленин, обеспокоенный возможным расколом партии, в декабре надиктовал письмо в ЦК: «Я думаю, что основными в вопросе устойчивости... являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который может быть избегнут. <...> Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК.., отличается не только выдающимися способно-

стями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением административной стороной дела».

В 1923 г. на XII съезде, где Ленин уже не участвовал, Сталин предложил Троцкому сделать отчётный доклад ЦК, но и здесь Троцкий отказался. Доклад делал Зиновьев (Апфельбаум). Тогда против Троцкого объединилось уже большинство ЦК во главе с неформальным триумвиратом: Зиновьев — Каменев (Розенфельд) — Сталин, причём на роль лидера претендовал председатель Исполкома Коминтерна Зиновьев — тоже прекрасный оратор и, по существу, единомышленник Троцкого во взглядах на будущее России. Этим он, как и Троцкий, радикально отличался от Сталина, уверенного в «возможности построения социализма в отдельно взятой стране» — России. Самоуверенный Троцкий не сразу понял, что теряет свой авторитет и влияние, а когда понял, обратился к рядовым коммунистам и к армии через голову ЦК, но было уже поздно.

Не будем подробно останавливаться на перипетиях его дальнейшей борьбы за власть. Вслед за ним начали терять авторитет и влияние Зиновьев с Каменевым, и попытка их объединения с Троцким, теперь уже против Сталина, успеха тоже не принесла. В 1926 г. всех их вывели из Политбюро (Каменева в 1925-м), а в 1927 г. исключили из партии. Это было уже окончательное и бесповоротное поражение Троцкого.

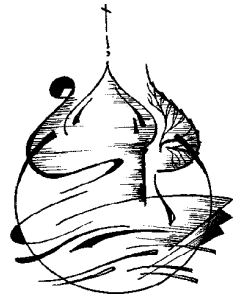
Ныне многие историки, в основном, этнолиберального направления, с откровенным сочувствием относятся к поверженному «демону революции» Троцкому и с неприязнью к его победителю Сталину — «самой выдающейся посредственности», как его назвал Троцкий. Они только обходят молчанием вопрос: что в случае своей победы сделал бы с Россией Троцкий, который ненавидел эту страну и который, как и каждый «революционер с головы до ног», умел только разрушать?

Лариса КУДРЯШОВА

КАК ОСТАНОВИТЬ ЭТОТ СРЫВ?

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые...» Воистину в роковые минуты довелось совершать свое земное странствие нам, очевидцам и участникам событий двадцать первого века. В такие минуты особенно четко очерчены границы добра и зла. В такие минуты требуется постоять за Правду. В такие минуты особенно громко звучит голос Бога. Но слышим ли мы Его?

«Мы утеряли духовную наполненность жизни. Мы поддались на приманку миражей материального благополучия, забыв пророческие слова о том, что «дух животворит, плоть же не пользует нимало...» (Ин. 6: 63) Мы позволили низвести себя до уровня мыслящих животных...» — писал приснопамятный митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев), богослов, историк и горячий патриот России более двадцати десятилетий назад.



Сегодня болезнь нравственного разложения, охватившая российское общество, и духовная раслабленность многократно усилились. И происходит то, что

русский мыслитель и верный сын России Иван Александрович Ильин называл «срывом в духовную пропасть, религиозным оскудением, патриотическим и нравственным помрачением русской народной души». Правда, указывал он и на то, чем закончился подобный срыв, — тот срыв, который подготовил революцию 1917 года, а после ее победы привел к уничтожению лучших сил русского народа. «Народные же массы предались безбожному ожесточению, и лишь медленно, очень медленно, после распыления, разоружения и изъятия земли, начали понимать, что главный поход идет на них, что они обречены на небывалое рабство, на нищету и голод или просто на смерть» — писал в одной из своих статей И.А. Ильин, очевидец тех роковых лет русской истории.

Тогда ценой огромных потерь, скорбей и бедствий, ценой подвига исповедников и новомучеников Церкви Русской, подвига защитников Родины в Великой Отечественной войне и хранением нравственной чистоты и идеалов праведности русский народ сумел выжить и отстроить мощное государство.

Осознаем ли опасность сегодняшнего духовно-нравственного срыва мы, дети постперестроечной России? Сегодня — пошлость торжествует, волны бесстыдства хлещут через край, жестокость изобилует, богоборчество набирает силу. Особенно ярко это обнищание духа и упадок истинной нравственности проявляют себя в культуре, литературе, искусстве, находящих себе в эпоху духовного кризиса обильное количество восторженных поклонников и фанатов. Примеры на виду у всех.

По двести тысяч любителей рока и рэпа собирается каждый год в чистом поле на музыкальный фестиваль «Нашествие». Делатели хип-хопа и не скрывают, что стремятся опрокинуть, разрушить традиционные духовно-нравственные ценности русского народа, включающие в себя понятия милосердия, мужества, веры, верности, доброты и патриотизма. Навязывая как нормальные и необходимые потребности низшей испорченной природы человека, они, подавая пример для подражания, доходчиво и просто доносят до молодежи свое жизненное кредо — наркотики, алкоголь, мат, «свободную любовь», пренебрежительное отношение к старшим, к Родине, к Богу, к жизни и смерти.

Тысячи школьников и юных школьниц от 12 до 15 лет неистово визжали от восторга на концертах заезжей новой «супер-звезды» из Америки — семнадцатилетней рок-исполнительницы. Осчастливившая своими концертами летом 2019 года российских поклонников Билли Айлиш избрала сюже-

тами песен свои ночные и совсем не детские кошмарные сновидения. А сюжеты некоторых песен происходят в психиатрической больнице. Пресса и не скрывает, что певица, с «мертвенно-автотьюновым голосом», в сопровождении которого тревожно звучат «базовый ритм электронной бочки» и «семплы стоматологической бормашины», проповедует негативное мышление, «эстетизирует скуку» и «пограничные психологические расстройства». Вместе с тем, по признанию газеты «Коммерсантъ», «такого невероятного ажиотажа российские промоутеры не видели давно».

В конце сентября известный деятель антикультуры Сергей Шнуров со своей музыкальной группой «Ленинград» собрал на концерт в Санкт-Петербурге шестьдесят пять тысяч человек! Зрители, собравшиеся в изобилии — взрослые и молодежь, мужчины и женщины, — единодушно скандировали хором вслед за исполнителями слова нецензурной матерной брани. В Ростове подобное выступление собрало сорок пять тысяч человек.

То, что не все считают позволительным такое «искусство» — а горожане Санкт-Петербурга и Ростова обращались в прокуратуру с просьбами остановить матерящихся исполнителей ,— нисколько не смущает последних. Песни группы «Ленинград» прямо и открыто пропагандируют наркотики, алкоголизм, жестокость, распущенность, бесстыдство и всевозможный разврат. Но Сергей Шнуров пошел в своих исканиях «новых ценностей» еще дальше. Одна из его последних песен изображает пародию на Божественную Литургию, а сам он во время купания кощунственно попытался изобразить распятого Господа...

Подобные исполнители гордятся своей «больной популярностью», а их поклонники, по словам И.А. Ильина, говорившего о подобных явлениях как о кризисе культуры, «плывут в мутных водах «современности» во всём ее плоском короткоумии».

Невольно вспоминается назидание святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Со словом выходит живой дух человека, не отделяющийся от мысли и слова... Человек! Познай себя, кто ты, и веди себя сообразно со своим достоинством...» И — еще более грозные предупреждения святителя Игнатия (Брянчанинова): «Божественная цель слова в писателях, во всех учителях... — наставление и спасение человеков. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!»

Без сдерживающих нравственных начал, без истинного смысла земного бытия душа человека так опустошается, силы

душевные до того истощаются, что человеку нужно себя подстегивать, чтобы двигаться дальше. Нужны новые и новые порции «адреналина», нужен «драйв» — нужна «зарядка». Сегодня, к сожалению, именно демоническая духовность, возбуждающая самые нечистые и низкие человеческие страсти и негативные эмоции, заряжает большое количество наших соотечественников, ищущих «драйва» и околокультурного «экстрима».

Вот как объясняет этот феномен музыковед Вячеслав Вячеславович Медушевский: «На место истинной окрыляющей силы — духовной — приходит сила демонической духовности. И тогда от исполнения дух захватывает, а сердце в тоске сжимается. Ибо это окрыление — из ада, это бесы вовсю жмут на педали гордыни, а человеку кажется, что он находится в состоянии божественного восторга. Такое состояние нравится слушателям, ибо устроены подобно. Ведь на стадионах цель рок-музыканта — заставить стадион реветь от восторга. Искус силы на православном языке есть грех любоначалия, стремление подавить свободу ближнего своей волей, в том числе и артистической. И тогда она уже не своя, но потерявшая себя, одержимая чуждой силой, вовлекается в вихрь страстей».

Владыка Иоанн (Снычев) писал: «Не преуспев в попытках уничтожить Россию силой, нас цинично, расчетливо и подло толкают на путь духовного самоубийства. При этом не имеет значения, в какие красочные «обертки» облекают смертельный яд богоборчества. Будь то беснование рок-музыки — для молодежи и подростков или обожествление «успеха в жизни» — для взрослого населения, смысл всегда один: не допустить восстановления в народе истинной шкалы ценностей, где религиозно-нравственные понятия милосердия и мужества, веры и верности безусловно довлеют над потребностями низшей природы человека».

Потребностям низшей природы человека служит коммерционализированная, безбожная и бесстыдная массовая культура, захватившая сегодня всё культурное пространство нашей страны. Эстрада, театр, кино, литература, живопись, балет — всё, в большинстве своем, скатилось в плоскость масскультуры, пронизано духом соблазна и растления, во всем — дух опустошенности, оскудения и упадка. Такая культура, провозглашаемая ее делателями и глашатаями «новой», «современной» культурой, превращается в низкопробную антикультуру и коммерцию. Утратив свой подлинный смысл и назначение — умудрять и возвышать человека, показывать истинные пути жизни в его божественном духовном зна-

чении, быть способом постижения подлинной сущности бытия — она служит воспитанию обмирщенного, приземленного человека-потребителя, чувственного и порочного, ведомого и управляемого, подвластного любым манипуляторам. Такая «новая культура» служит орудием духовного и физического развращения.

Музыковед, автор курсов лекций по теме «Музыка и православная культура» Сергей Феликсович Тухленков пишет: «С одной стороны, современная поп-индустрия — это прежде всего бизнес, и бизнес более серьезный, чем мы думаем. Это мода, это одежда, это аксессуары... С исполнителями заключаются контракты, которые очень жестко соблюдаются. Надевая какую-то одежду, обувь, украшения, человек рекламирует определенный стиль. Но в конечном итоге он рекламирует тот или иной образ жизни... И это не просто образ на сцене, это образ бытия, который продуцируется и воспринимается людьми».

М.М. Дунаев, магистр богословия, автор серии книг «Православие и русская литература» отмечал: «Как и прочие дары Божии, дар творчества, дар эстетического наслаждения могут быть волею соблазнившегося человека повернуты от блага ко злу... Разврат эстетический всё больше проникает ныне в художественную жизнь человечества... Сколько бы ни твердили нынешние либеральные теории, что искусство осуществляется вне какой бы то ни было борьбы, над этой борьбой, — истина в том, что искусство активно действует в пространстве этой борьбы... «Кто не со Мною, тот против Меня...» (Мф. 12: 30), — приводит он слова Господа, и констатирует: «Третьего не дано»...

Как всегда это было в драматические минуты нашей отечественной истории, — идет сражение не только за наши материальные и природные богатства и ресурсы, но и, в первую очередь, за душу русского народа. А минуты сегодня воистину роковые — вокруг полыхают войны, в ограде государства нет ни благоденствия, ни единодушия, ни мирного духа, а внешний враг уже стоит у ворот.

Как будто к нам сегодня обращается Господь словами пророка Исайи: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, и всё сердце исчахло... Земля ваша опустошена; города ваши сожжены огнём; поля ваши в ваших глазах съедают чужие; всё опустело, как после разорения чужими...» (Ис. 1: 5, 7).

И не к нам ли относятся слова святителя Тихона, обращенные им к народу русскому в трагическом 1918 году, когда люди решили построить «новый мир» с «новыми ценнос-

тями», отвергнув Бога: «Где же ты, некогда могучий и державный русский православный народ? Неужели ты совсем изжил свою силу? Как исполин, ты — великодушный и радостный — совершал свой великий, указанный тебе свыше путь, благовествуя всем мир, любовь и правду. И вот ныне ты лежишь, поверженный в прах, попираемый своими врагами, сгорая в пламени греха, страстей и братоубийственной злобы. Неужели ты не возродишься духовно и не востанешь снова в силе и славе своей?.. Плачьте же, дорогие братия и чада, оставшиеся верными Церкви и Родине, плачьте о великих грехах нашего Отечества, пока оно не погибло до конца... Богатые и бедные, ученые и простецы, старцы и юноши, девы, младенцы — соединитесь все вместе и умоляйте милосердие Божие о помиловании и спасении России...»

Господь никогда не лишает человека ли, народ ли — надежды. И все святые в один голос призывают нас осознать грехи, в которых кроется корень всех бед, и покаяться. А сколько пророчеств оставили угодники Божии о возрождении и воскресении Руси! И Сам Господь обращается к нам: «Призови Меня в день скорби твоей, и избавлю тебя...» (Пс. 49: 15).

А вот какие слова оставил нам еще один очевидец и участник тех роковых минут, когда по грехам человеческим и по злобе врага спасения была разрушена могучая российская самодержавная страна. Николай Павлович Анциферов — знаток и исследователь Петербурга, родоначальник экскурсионного дела, педагог, историк и писатель. Как будто не было причин для оптимизма у человека, прошедшего за верность отеческим идеалам Соловки и строительство Беломор-Канала, Лубянку, Таганку, Бутырку, Уссурийский лагерь. Но светло и с надеждой звучат его слова: «Я оценивал человека из того лучшего, на что он способен. Так же оценивал я культуру любой эпохи, и сословие, и нацию. Приговор нации нужно выносить не по статистическим данным — каких больше, а учитывая лучших ее представителей. Они не случайны. Они не тип, а симптом того, что скрыто в нации лучшего. Это те праведники, которые могли бы спасти Содом и Гоморру».

Как же хочется надеяться, что сбудется над Россией обетование Божие о том, что если найдется в городе хоть один праведник, то Господь пощадит город. Ну а праведниками — людьми с чистым сердцем, имеющими любовь к ближним и к Богу, ратующими за правду и болезнующими о судьбе земного Отечества, Русская Земля никогда не оскудевала!

Любовь ФЕДУНОВА

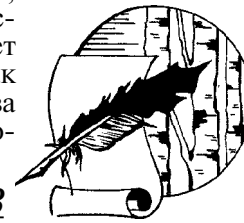
«В МОИ ГЛАЗА ГЛЯДИТСЯ РУСЬ»

О поэзии и судьбе Евдокима Русакова

Стою в полях. И в дымке синей
Я слышу здесь сквозь ветра зов,
Как дышит сердце всей России
В волненье зреющих хлебов.

Евдоким Русаков

Без знания жизни своего народа, его характера, его нравственного и духовного потенциала невозможно никакое движение вперёд. В этом убеждает нас великое духовное наследие — русская литература, которая выявляет живые связи языка, воскрешает основы народного мышления, раскрывает душу народа, его сердечные думы, его талант. Одним из первых в русской литературе это почувствовал И.С. Тургенев, создав сборник рассказов «Записки охотника», кульминационным из которых можно считать «Певцы». Душа народа ярче всего проявляется в его искусстве. Вспомним, как проявились сила, удаль и страсть души в пении Якова: «Русская, правдивая, горячая душа, — пишет автор, — звучала и дышала в нём, и так хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны... Он пел, и от каждо-



го звука его голоса веяло чем -то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль...»

Современный человек технической цивилизацией, которая природе враждебна, отодвинут от всех нюансов и оттенков русского языка, его наречий, рассыпанных по российским деревням. По мысли Н.В. Гоголя, язык провинций имеет «возможность в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека, — язык, который уже сам по себе поэт...»

Голова интеллигентного человека наполнена нередко рациональными, умными понятиями, но часто бесцветными, серыми, тусклыми. В глубинке России, где ещё жива философия «людей от земли», где существует система идей и ценностей, знания о природе и мироздании, разработанные самим народом, язык звучит по-прежнему без помрачений, сохраняя свою «младенческую ясность», сохраняя ту Россию, в которой «приютно и тепло» было бы нашей душе.

Именно об этом мне думалось, когда я неожиданно попала на очередные Русаковские чтения, которые проходили в деревне Перёдки Новгородской области в июле 2019 года, в день рождения самобытного поэта, прославившего не только свой край, но и всю Россию своим сердечным стихом, напомнившим нам о том, что человеческое слово — дар Божий, искра Божия, загорающаяся в людях, способных почувствовать поэзию в природе и в душе человека и передать её через идею вечного движения и красоты бытия:

Нет в деревне никакой тревоги,
Просто — петушиный перекрик.
И луна с пригорка вдоль дороги
Покатилась к лесу напрямик.

Поднимаясь на грачином грае,
Озаряя нивы и покос,
Солнце пышным, сдобным караваем
Зарумянилось в пылу берёз.

Эти строки принадлежат поэту Евдокиму Русакову (1926—2001), судьба которого сложилась удачно, если иметь в виду его поэтический дар и его признание среди земляков, занимающихся литературным творчеством. Об этом подробно рассказывает на страницах книги «Близкие люди» член Союза писателей России Андрей Игнатьев в статье «Памяти

Евдокима Русакова»: «Сельский пастух Русаков имел лишь начальное образование, был обременён большой семьёй да к тому же нездоров — в годы войны юношей был контужен на оборонных работах». Коллеги по перу из литературного объединения при газете «Красная искра» посоветовали начинающему автору закончить вечернюю школу и больше читать. Из стихов Евдокима Русакова ушли постепенно речевые недочёты. Он стал больше работать над собой — и вот в печати стали появляться его стихи: в журнале «Сельская жизнь», в коллективном сборнике новгородских поэтов «У Ильмень-озера». Это было в начале 60-х годов, а в 70-е годы его стихи печатает еженедельник «Литературная Россия», журнал «Звезда» , выходит первый поэтический сборник для детей «Мельница-метелица» (1973), в 80-е годы напечатаны три его сборника стихов: «Заозёрье» (1982), «Июль — мой прародитель» (1987), «Солнце взошло» (1987).

В Союз писателей Евдокима Русакова приняли после издания в 1979 году книги «Живу я в маленькой деревне». Не очень хотели принимать, считая его человеком необразованным. Но поддержал его вступление поэт Михаил Дудин, отмечая в рекомендации, что «стихи поэта искренны и самобытны, написаны со знанием жизни», что «в них есть свежий воздух зелёного леса, чистого поля и ясного неба», а в предисловии к книге «Мельница-метелица» М.Дудин написал о том, что Евдоким Русаков «знает землю», «подлинную цену хлеба», что он «поэт по самой сути склада своего характера, и его стихи естественны, как лёгкий шелест ветра по истомлённому июльским зноем ольшанику.»

Составитель и редактор книги «Близкие люди» Михаил Полевиков называет Евдокима Русакова «самородком от сохи», прославившимся на всю Россию, слово которого живёт в народе, когда «собираются на перёдской земле чуткие сердцем, близкие ему по духу и по творчеству люди, и звучат стихи, звучат, стирая даты рождения и смерти, сметая «случайные черты» бытия, обнажая красоту и чистоту души».

Во время Русаковских чтений по-настоящему начинаешь чувствовать, как дорого поэтическое и песенное наследие Евдокима Русакова его землякам: они начали утро 27 июля с церковной панихиды в храме деревни Перёдки, откуда пришли на могилу поэта, а затем в скверик у сельского клуба, где стоит памятник поэту, а рядом — огромные деревья, цветы и скамейка, на которой когда-то любил сидеть, размышляя о судьбе собрата по перу и о его слове, новгородский поэт Сергей Иванов. Возможно, он вспоминал эти строчки из стихов Евдокима Русакова:

Июль — мой прародитель —
Родил в полях меня.
В крестьянскую обитель
Влил песню соловья.

Берёзкою-соседкой
Он нянчился со мной...
Опять вхожу я в детство,
Парнишка озорной.

Вокруг краса и воля
И я, как колосок,
Бегу в ржаное поле
Подать свой голосок.

Может быть, и сложилась бы счастливо жизнь у парня с густым чубом, цвета спелой ржи, если бы не война: ему было всего 17 лет, когда его тяжело ранило во время бомбёжки на Волховском фронте, где он вместе со всеми рыл окопы. С той поры он стал инвалидом, не расставался с костылём. Однако женился на красивой девушке, которая родила ему двух сыновей и дочь. После того, как от укуса энцефалитного клеща умерла его жена, а один из сыновей стал инвалидом, Евдоким ещё раз женился. С бедностью приходилось бороться постоянно, т.к. на крохотную пенсию жить было очень трудно. Евдоким сапожничал, держал огород, коз, ульи. Жизнь, казалось бы, стала налаживаться у него, но утонул в реке его сын-инвалид, а в 90-е годы была убита его дочь Зина своим же односельчанином (она была почтальоном и в этот день разносила пенсию). Это был страшный удар для отца, потому что дочь была его надеждой и опорой в жизни.

Инсульт приковал его к постели, и он добровольно ушёл из жизни. А жизнь он любил: большинство людей вспоминает о нём как о весёлом, жизнерадостном человеке. Для полноты счастья у него было не так уж много желаний. Представление о счастье Е.Русакова ярко выразил в своём стихотворении его земляк — поэт Михаил Полевиков.

Не лукавя, счастьем назову:
Ранним утром покосить траву,
Окунуться в озера прохладу,
Подойти к пасущемуся стаду,
На пригорке тёплом и сухом
Посидеть, толкуя с пастухом

Обо всём, что есть на белом свете,
В дом войдя, твою улыбку встретить,
Выпить залпом кружку молока,
Что подаст любимая рука!

Были в жизни Евдокима Русакова и радостные минуты, когда жил он в деревне Коровкино с супругой Анной Яковлевной, которая со всей душой приняла на себя заботу и о муже-инвалиде, и его детях. Владимир Краснов пишет: «Дни его обыкновенно проходили в делах будничных. А ночью, когда жизнь в деревне замирала, он устраивался в закутке за печкой и, вооружившись очками, крупным, размашистым почерком набрасывал в ученических тетрадках пришедшие на ум образы и рифмы. Они выстраивались в стихи, которые он перепечатывал потом на пишущей машинке «Москва», правил и снова печатал, складывая написанное в папку».

Русаковские чтения оставляют в душе неизгладимое впечатление не только потому, что на них постоянно выступают и с большим теплом рассказывают о поэте его друзья-поэты, звучат литературоведческие доклады, его стихи и песни, но и проводится экскурсия директором Дома культуры посёлка Перёдки Татьяной Ивановной Муст по «Комнате памяти Евдокима Русакова», где воссоздана, по её инициативе, обстановка его жизни в деревне Коровкино в последние годы. Она лично знала поэта, поэтому её рассказ звучит искренне и глубоко, а голос иногда дрожит — и маленькая комнатка наполняется поэтическими строками деревенского поэта:

Не даёт мечта тебе покоя,
И зовёт она куда-то вдаль...
Уходя извилистой тропою,
Ты назад оглянешься едва ль.

Только стоит дом покинуть отчий,
Тут же и начнёшь о нём грустить.
И во сне ты будешь каждой ночью
На огонь в окошке приходить.

Издавались книги поэта (тираж достигал полмиллиона), его приглашали киностудии, с ним встречались журналисты. Виктор Правдюк снял о Евдокиме Русакове в 1983 году необыкновенно глубокий фильм, который был показан на Русаковских чтениях в 2019 году. Сам режиссёр фильма выступил в рамках фестиваля, поведав о том, как снимался фильм, какие замыслы легли в основу его создания.

В ходе Русаковских чтений мне как руководителю Рубцовского центра Санкт-Петербурга было предоставлено слово. Я поделилась своими мыслями о том, почему сейчас так остро востребована читателями поэзия Евдокима Русакова и Николая Рубцова. В настоящее время, когда чаще всего звучат в воздухе рецепты для всеобщего разобщения, внушается человеческому обществу состояние перманентной вражды, возрастает роль литературы. Задача подлинной литературы — возвращать нас к истокам народной памяти, к ясному осознанию единства всего живого на земле, к тому гениальному художественному образу, который нарисован во вступлении к поэме «Руслан и Людмила» — образу Лукоморья.

Мой однокурсник, критик Юрий Селезнёв, написал в статье «Златая цепь, или Опыт путешествия к первоистокам народной памяти: «Пушкинская «златая цепь на дубе том», как видим, одним концом уходит к корням славянской культуры, питающейся истоками глубочайшей древности; другим — восходит в нашу современность, в нашу культуру, в культуру исторической памяти народа». Эта мысль Юрия Селезнёва нашла зеркальное отражение в поэзии Евдокима Русакова, который вряд ли читал его критические статьи, но принимал её своим поэтическим сердцем:

По-над лесом тумана завеса,
Словно свечи, зажглись колоски,
И, глазастее сини небесной,
Зашептались во ржи васильки.
Ключ откликнулся стрункой звучащей —
Переливисто, звонко, легко...
Так и слышится: в зарослях чащи
Будто гусли рокочут Садко.
И сладка же ты, дрёма земная,
Не осилить тебя, не избыть.
Русь извечная, Русь избяная
Прядет жизни волшебную нить.

«Жизни волшебная нить» — это и есть та «златая цепь», которая органически вошла в поэзию Евдокима Русакова и Николая Рубцова. Мысль о ней выражена в поэтической строке Русакова: «И как большое Лукоморье, в мои глаза глядится Русь». Свет Руси озаряет каждую строчку этих поэтов, каждый из которых считает себя не гостем в России, а «исконным жителям», её сыном.

Николай Рубцов отразил это во многих звучащих, как призывный колокол, строчках своей поэзии, в том числе из стихотворения «Тихая моя Родина»:

Школа моя деревянная!..
Время придёт уезжать —
Речка за мною туманная
Будет бежать и бежать.

С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.

Свет рубцовскй «Горницы», его «Русского огонька» нередко стихийно отражается в стихах Евдокима Русакова. Например, в стихотворении «Изба» он видит, как «села мелькает огонёк». Но только он не путник, зашедший на огонёк, а «исконный житель» деревни, который мучит себя вопросом:

...Какие связывают нити
С тобой, крестьянская изба?
Встречаю звёзды на рассвете,
Вдыхаю запахи земли.
Родное всё... И мне об этом
Толкуют в небе журавли.
Суком могучим, комлем, корнем
Я затерялся меж венцов.
И всё красивей и узорней,
Моя изба, твоё лицо!

Поэт Евдоким Русаков осознаёт себя в своём поэтическом художественном пространстве «суком могучим», «корнем» того самого Древа жизни, которое соединяет земное и небесное, Мать-сыру-землю и Солнце — и в этом он видит свою ценность как поэт. Земное — это тропинка и васильки во ржи, «снеговая рыхлая пороша», застелившая «кровли деревень», «осинника тяжёлый вздох» перед рассветом, «косой побритые» блестящие июльские луга, «умытые косым дождём стога», «петушья перекличка» и тишина, рябинники, «рубином полыхнувшие по полям», клён, который «с широких ладошек кормит землю дожём»...

Земной мир у Евдокима Русакова так богат красотой, первозданной свежестью, идущей ещё от сотворения мира, что не хочется его покидать: здесь всюду — плоды природы и рук

человеческих. Именно простой человек, труженик, крестьянин и соединяет земное и небесное, сам является олицетворением Древа жизни. В стихотворении «Возница Евдоким» он рисует образ мужика, который, «отвергнув рай перин», лежит на возу духовитого сена:

Он близок небесам
И птицам, и стихам.
Он созерцатель дня
И пешего — меня.
На облаке из трав,
Штанины закатав,
Проплыл — неотразим —
Возница Евдоким.

«Небесное» в поэзии Евдокима Русакова очень близко к художественным образам народной фантазии, которые ведут не в болото архаики, а, наоборот, вырывают нас из её плена и воспроизводят мир, который пережил Преображение, как будто прошёл, как Иисус, через гору Фавор. Этот светящийся мир, отражающий в душе поэта все тайны мироздания, в большой степени присущ и поэзии Николая Рубцова. В стихотворении «В святой обители природы» есть такие строки:

Усни, могучее сознанье!
Но слишком явственно во мне
Вдруг отзовётся увяданье
Цветов, белеющих во мгле.

И неизвестная могила
Под небеса уносит ум,
А там — полночные светила
Наводят много-много дум...

В основе изображения мира «небесного» Евдоким Русаков использует народное художественное чутьё, которое органически входило в систему его духовных ценностей с самого раннего детства: он родился в поле под суслоном, под открытым небом. Ему было 7 лет, когда умерла его мать Агрипина Александровна. Он был старшим в семье, где было три брата. После второй женитьбы отца мальчик жил у своей бабушки. Закончил в школе только четыре с половиной класса — и пошёл работать пастухом.

Сергей Есенин в «Ключах Марии « подчёркивал, что в развитии поэтического сознания человека особую роль играло

пастушество: « В древности никто не располагал временем так свободно, как пастухи. Они были первые мыслители и поэты, о чём свидетельствуют показания Библии и апокрифы других направлений. Вся языческая вера в переселение душ, музыка, песня и тонкая, как кружево, философия жизни на земле есть плод прозрачных пастушеских дум».

Евдоким Русаков в своих автобиографических заметках пишет: «С 9 лет нанимался в пастухи в чужих деревнях с ранней весны до Покрова дня. Я раньше других встречал в полях зори, меня обливали тёплые и холодные дожди, грело солнышко, ночами светил месяц. Пели мне песни птицы, рокотали тракторы, и я пел с ними вместе. Купался в озёрах, стоял не раз в задумчивости на берегах рек и ручьёв, обивал серебристые росы, блуждал по лесным тропинкам и сам прокладывал новые. Приходилось спать и под кустиком по-заячьи и на сеновалах, и под стогами. Я замечал, как месяц присел на берёзе, круглолиц и рус, как опрокинулось в лужах небо звёздным дном, как журавли таскали тучи в небесах...»

Во многих строках поэзии Евдокима Русакова видно, что пастушеское миросозерцание, в основе которого лежит вечное тяготение человека к пространству, было доминантой его художественного мира, его восприятия «небесного»:

Бросил горстью звёзды в небо вечер,
Тихой грусти ласковой полна,
Тополю усталому на плечи
Положила голову луна.
Вся ему доверилась, как другу, —
Сразу стало тихо и светло,
И река серебряной излукой
Обняла и рощу, и село.

* * *

Село давно легло на отдых,
Но где-то дети гомонят.
А небо — в ярких крупных звёздах,
И слышно, как вздыхает сад.
Рыбак у речки засыпает.
Качаясь, видя чудо-сны,
Земля, как люлька лубяная,
Скрипит на якоре Луны.

* * *

Взблеснула гладь речной излуки,
В ней гаснут отблески зарниц.

Рассвета песенные звуки
Томятся в горле у синиц.

* * *

Цвести земле,
Зреть песне в хлебе,
Где даль светла и хороша.
Подобно жаворонку в небе,
В полях поёт моя душа.

В поэзии Евдокима Русакова, как и в поэзии Сергея Есенина, чувствуется тяга к художественной народной стихии в соответствии с крестьянской философией жизни, опора на золотые россыпи народной речи. Показателен в этом отношении образ самой России, которая является глубоким метафорическим образом всей поэзии Е. Русакова:

Щедро соль Россия сыплет
На рубаху косаря.

* * *

Русь извечная, Русь избяная
Прядет жизни волшебную нить.

* * *

В пустой груди душа строптива,
столкнули Родину с пути:
Прожить сегодня бы красиво,
А там трава хоть не расти.

* * *

Стою в полях. И в дымке синей
Я слышу здесь, сквозь ветра зов,
Как дышит сердце всей России
В волненье зреющих хлебов.

* * *

Гляжу в озёрки тёплые,
Как в капельки росы, —
Ведь это очи добрые
Моей родной Руси.
Всё кровное. И верю я:
Не зря же, сняв картуз,
Здесь дед молился с верою
В свою судьбу и Русь.

* * *

Осень входит в накидке багряного цвета,
Осень входит в Россию, как в прибранный дом.

Народность миросозерцания художника слова имеет большое значение для русской литературы, это её центральный нерв. Степень народности есть мера художественности. Эти истины не могут устареть, особенно когда мы имеем в виду самобытных художников слова, к числу которых следует отнести и Е. Русакова. Неповторимость речи и смысла, размышления и наблюдения автора поражают правдой факта, которая сочетается с поэтическим осмыслением мира видимого, слышимого и осязаемого. Е. Русаков создаёт художественный мир, в котором люди, животные, деревья, предметы вовлечены в бесконечный поток развивающейся жизни, но жизни особой — в мире деревни, сельского пейзажа, крестьянского труда.

Деревня Е. Русакова живёт обычной жизнью, но её окружает особый мир природы, в котором немало сказочного, неповторимого: сладко спит лето, «храня за пазухой тепло»; «в небе — строчкой журавли»; слышно, как ночью «вздыхает сад»; или «как патефонная пластинка, под плугом кружится земля»; «пьёт росу горох»; слышен «осинника тяжёлый вздох»; «сыплет звёзды вечер в сонное гумно»; «зорька с поднебесья улыбнулась сквозь ночную тень»; «рассвет тотчас селу на спину рубаху синюю надел». Золотую цепочку поэтических находок Е. Русакова можно было бы продолжать бесконечно.

Земная жизнь Е. Русакова сблизила его настолько с землёй через нелёгкий пастушеский, крестьянский труд, что он мыслил себя звеном этого деревенского мира, где всё ему близко и знакомо и вызывает в душе тихую радость или грусть. С большим вниманием он относился к своим землякам, рассказывая лаконично об их образе жизни и духовном мире. В стихотворении «Бабкино бюро» с лёгкой иронией он рассказывает о пожилой женщине, у которой «готов прогноз на каждый день»:

Когда из печки угли скачут
И весело трещат дрова,
«Сегодня будут гости, значит...» —
Я слышу бабкины слова.

Коль дым из труб выходит валко,
И куры роются в песке,
Она пророчит, как гадалка:
«Дожди висят на волоске».

Среди многих стихотворений Е. Русакова о своих родных людях можно назвать одним из лучших стихотворение «Без вести пропавший». Образ человека, не вернувшегося с войны домой, западает в сердце навсегда:

Не пришедший до сих пор обратно,
Без вести пропавший у Двины,
Всё идёт,
Идёт на запад брат мой
В дымно-красном мареве войны.
Всё вперёд идёт он,
Всё в дороге.
Он от стужи и дождей продрог,
И усталость связывает ноги,
Но победы день ещё далёк...
Вот уж вся Россия за плечами.
Но поход свой продолжает брат.
Так идёт он днями и ночами —
Всё вперёд...
И не придёт назад.

В этом стихотворении выражена и сердечная боль, и мысль о том, что человек, у которого «вся Россия за плечами», не дожил до Победы и стал только призрачным воспоминанием, но весомым и значимым для души человеческой. Прошлое, настоящее и грядущее здесь выражено лаконично, чётко и проникнуто главным смыслом — не найти в душе человеческой места, где бы улеглась многими забытая «явь войны».

Мир поэзии Е. Русакова широк и многообразен. Всё его творчество пронизано картинами природы, наполнено повествованием о человеческих судьбах людей «от земли». За каждым художественным образом, за каждой метафорой чувствуется огромная земная сила, которая связывает автора с природой Руси. Корни его поэзии идут от земли новгородской, в сказаниях которой отразилась традиция новгородской литературы — вершины в развитии древнерусской художественной культуры и древнерусского искусства, в основе которого заложено философское учение об идеальном небесном мире, а мир земной — лишь его отражение. Литература эта была плоть от плоти, кровь от крови народной. Поэзия Евдокима Русакова сохранила «священный хлеб отеческих преданий», наследие своих прадедов, дедов и отцов. Он сам по себе, своим обликом и духом, напоминает то Древо жизни, Древо Руси, о котором рассказал в своих стихах.

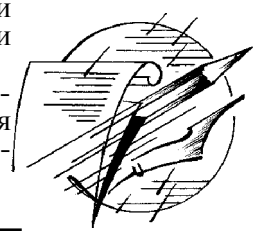
(*Подборку стихотворений Евдокима Русакова читайте в следующем номере. —* ***Ред.***)

Сергей СПИРИДОНОВ

ЛИБЕРАЛЬНЫЕ «ХИВИ» УКРОВЕРМАХТА

Советских граждан, добровольно пошедших во вспомогательные службы и подразделения гитлеровских оккупантов, сами немцы называли «хиви» (Hilfswilliger — желающий помочь). И если некоторые современные историки ставят под сомнение добровольность поступления на службу к немцам по крайней мере некоторых из этих изменников Родины, то усомниться в свободе выбора нынешних «хиви» нет ни малейших оснований.

Речь идет не только о скинхедах и неоязычниках, решивших стать пушечным мясом в «добробатах» и еще больше обогатить жирный донбасский чернозем, и не о беглых городских сумасшедших, вроде актера Анатолия Пашинина. Более опасными являются «хиви» информационного фронта, причем такие, которые остаются на территории Российской Федерации, формально являются нашими согражданами и имеют наглость выступать от имени россиян или, по крайней мере, от части российского общества.



Как правило, это совершенно конченные персонажи, не останавливающиеся не только перед очевидными манипуля-

циями, но и перед откровенной ложью. Никаких рамок — нравственных или хотя бы этикетных для них давно не существует, как нет у них и ни малейшей заботы о своем добром имени, давно и безвозвратно утраченном. Они целиком и полностью нацелены на достижение любой поставленной перед ними задачи. И то, что при этом они выглядят откровенными клоунами или совершенными негодяями, их нисколько не печалит — главное, чтобы хозяин был ими доволен.

Одним из ярких представителей этой когорты пропагандистов — «отморозков», сознательно пошедших на службу к врагам нашей страны и нашего народа, является небезызвестный «либерал» Леонид Гозман, в настоящий момент активно действующий в интересах украинских структур психологических операций (ПСО).

Начал он с того, что в сентябре 2014 г. подписал заявление с требованием «прекратить агрессивную авантюру: вывести с территории Украины российские войска и прекратить пропагандистскую, материальную и военную поддержку сепаратистов на Юго-Востоке Украины».

С 2017 по 2018 годы он вёл авторскую программу «Гозман» на украинском телеканале 112. Тут необходимо отметить, что в России этот персонаж, мягко говоря, не пользуется популярностью. За исключением узкого круга его единомышленников, наши сограждане его считают классическим представителем «демшизы» и активным членом пятой колонны.

Больше всего он прославился в результате известного скандала на День Победы, когда Леонид Яковлевич написал «...у СМЕРШ не было красивой формы, но это, пожалуй, единственное их отличие от войск СС. [...] Не сомневаюсь при этом, что и в СМЕРШ были честные солдаты. Вот только случилось так, что служили они в структуре, не менее преступной, чем СС».

Понятно, что с таким анамнезом использовать его даже для информационных вбросов в российское медиа-пространство проблематично (доверия к такому «источнику» ожидать сложно). Совсем иное дело — украинская аудитория, в глазах которой Гозман должен олицетворять «честную часть народа России», ведущую борьбу не на жизнь, а на смерть с «ненавистным режимом».

Тут надо отметить, что основным объектом украинских подразделений ПСО является собственное население, и здесь их успехи куда более существенны, чем на других направлениях. И в этом есть немалый вклад Леонида Гозмана. Но что же этот мастер разговорного жанра рассказывает украинцам? Приведем несколько цитат.

«Сегодня ночью произошло радостное событие, состоящее в том, что американцы ударили по Сирии, а наши так и не ответили».

«Для меня так на Сирию вообще наплевать... Впрочем, это плохое слово. Правильнее — не очень волнует».

«Можно что угодно говорить, но пацан сказал, но не сделал (о президенте РФ). По этому поводу можно стебаться как угодно».

«Наша пропаганда смогла убедить российских граждан, что на Украине произошел переворот, который был устроен злокозненными американцами. Вы, небось, не знаете, что это американцы у вас майдан устроили, а мы вот знаем» (сказано с сарказмом).

«Крым — это Украина. Считаю полуостров аннексированным и присоединенным к России силой с нарушением всех человеческих и божеских законов».

«Меня в России заставляли извиняться перед какими-то ветеранами спец.войск, когда я сказал, что одна немецкая организация середины прошлого века и СМЕРШ — это очень похожие организации».

«Путина в России никто не поддерживает. Путин уступит».

Как мы видим, чуть ли не основная задача Гозмана, выступающего перед украинской аудиторией» в качестве эксперта, убедить ее в скорейшем «уходе Путина» и неизбежной в этом случае «перемоге».

Кроме того, Леонида Яковлевича киевские специалисты психологической войны используют для «подтверждения» собственных вбросов. В силу чего Гозману пришлось озвучивать и поддерживать «унитазные» претензии Киева.

За решение поставленной задачи он взялся весьма рьяно, и даже появление в Сети видео, заранее снятого сотрудниками ФСБ, на котором на месте зафиксировано всё то, о пропажи чего заявила украинская сторона, не охладило его пыла.

Он продолжал утверждать, что «толчки всё же украдены», а видео — не более чем подтасовка, снятая неизвестно где. При этом Гозман напрочь игнорирует тот факт, что в этом же видео есть кадры, на которых украинские офицеры подписывают акт приема передачи катеров и буксира и никаких претензий не предъявляют. Конечно, Гозман не может не понимать, что он «подставляется» и даже рискует заработать новое «погоняло» — «Унитаз», но он готов рискнуть. И, надо признать, есть ради чего.

Леонид Яковлевич довольно неплохо зарабатывает и сколотил приличное состояние. В 2007 году (более свежих данных о его, несомненно, приумножившемся с тех времен бо-

гатстве нет) Гозман подавал декларацию при выдвижении кандидатуры в Государственную думу. По документам вышло, что его активы значительно превышают 100 млн. рублей, причем в декларации не были указаны дополнительные источники дохода, отчего можно сделать вывод, что итоговая сумма на его счете может превышать 400 млн. руб. без учета элитной недвижимости в центре Москвы, загородных домов и автомобилей.

Впрочем, утверждать, что всё дело исключительно в голом меркантилизме, было бы несправедливо. У Гозмана есть личные счеты к нашей стране и ее советскому прошлому. За восемь лет до его рождения его дед по линии отца, Аарон Гозман, во время войны был признан дезертиром и трусом. И был расстрелян в 1942 году.

Эта восхитительная наследственность получила окончательную «огранку» в США, в международном центре имени Вудро Вильсона, где Гозмана готовили к управлению «новой Россией». И хотя по возвращению в Россию он занял пост советника руководителя администрации президента (с августа 1996 года по март 1998-го), а затем — первого заместителя председателя правительства РФ Анатолия Чубайса, его миссия оказалась невыполнимой. И теперь вместо статуса американского «смотрящего» ему приходится довольствоваться положением «хиви» на подхвате у украинских спецпропагандистов, чтобы морочить головы доверчивым хуторянам и бороться за «возвращение украинских унитазов».

Светлана МАКАРОВА-ГРИЦЕНКО

ПЕРВОЕ УСЛОВИЕ СПАСЕНИЯ

В мае 2019 года в канун Дня Победы довелось побывать в центре Москвы. Можете представить, с каким настроением провинциал шагает по Красной площади, мысля себя чуть ли не участником парада, который пройдёт здесь на следующий день. Ярко-зелёные баннеры на Никольской сообщали о международном музыкальном фестивале, и я уже надеялась услышать любимые с детства мелодии, дорогие сердцу «Дороги» или «Смуглянку». Вот её и пели на Камергерском — англоязычный женский ансамбль из пяти молодых вокалисток, представлявших пять континентов.

Попытки найти коллектив, если не русский, то поющий на русском языке, закончились в тот день одинаково: со всех уличных и площадных сцен звучала только иностранная речь и зарубежные рок-синглы. Прибавьте к этому тотальную латиницу названий магазинов, кафе и ресторанов. К слову, памятник первопечатнику Ивану Фёдорову в московском Театральном проезде по иронии судьбы или чьей-то злой воле окружает только латиница (названия дорогих магазинов). Уличные указатели — на двух языках, причём, английский набран таким же

кеглем, как и русские буквы. Кстати, в московском метро, в отличие от других метро мира (кроме, пожалуй, Германии), не только все указатели дублируют английский текст, но и объявление станций ведётся параллельно на нём же. Смешно, когда собственные имена «Парк культуры», например, «Киевская», «Театральная», которые, конечно, не требуют перевода, старательно картавят на чужой манер.

В те майские дни, провожая взглядом автобус, где широкая яркая надпись между дверей «Уступайте место пожилым людям...» также ярко дублировалась на английском, меня мучил заново и остро воспринимаемый в мае вопрос: «А это действительно мы победили?»

...Ну, конечно, — мы! Наши солдаты сбивали указатели, написанные на латинице в освобождённых городах и сёлах. И песни звучали — наши. Во всяком случае, по России, в Москве... Никто тогда и представить не мог, что в 2018-м нагрянет на нашу столицу чемпионат мира по футболу, и под его прикрытием британские дизайнерские фирмы изменят облик главного русского города, заставят выполнять команды на английском языке...

Вернувшись в Краснодар, свежим взглядом осмотрела афиши и вывески. Ужаснулась: в какой русско-английской языковой каше мы варимся! И эта каша с каждым годом, с каждым днём становится ещё горше и несъедобней. Она — рабский корм, показатель нашей второсортности, которую мы признаем и уже сами культивируем. Надпись на родном русском — отсталость, допотопность, непродвинутость. И неважно, что не все соотечественники понимают написанное, зато писавшие примазались к ним, к первосортным!

Увы, вышесказанное — только «пеночка» на море англоязычного покорения и вестернизации Отечества. Хочу обратить внимание на фестивали и конкурсы, адресованные прежде всего молодым, организуемые в том числе городским управлением по делам молодёжи (чей сайт назван *Molkrasnodar*). Например, крупнейший рок-фестиваль, который проходит и в Москве, и в Краснодаре, называется *«Frost Fest»*, к нему прилагается краснодарский джазовый *фестиваль GG Jazz*... Музыкальный фестиваль в Сочи — *Light Weekend*. Вот его реклама: *«Компанию хэдлайнерам Light weekend составят краснодарская группа «Лейла» и одни из лучших диджеев побережья — Kostenko Bro и Lesya Mars. ...Фестиваль порадует... Fashion-дефиле. ...Пройдут многочисленные флешмобы»*. Далее байк-фестиваль в Апшеронске *«Mountain Bike Weekend»*, в самом Краснодаре — *«Фестиваль науки, технологий и science-art Geek Picnic»*. Плюс международный фестиваль творчества

Asana Festival — 2019 в селе Шедок Мостовского р-на. И на довесок цитата из новостной ленты: *«Фестиваль урожая и виноделия Wine Fest 2019 под Севастополем вошел в список лучших опен-эйр событий России»*...

Вот и представьте, что ваш ребёнок *участник-participant* или *лауреат-winner* подобного фестиваля или конкурса с рабским придыханием произносит его название, подкреплённое дипломом с печатью *Molkrasnodar*...

Это вдобавок к сплошь англоязычным «хитам», заполонившим музыкальное пространство вокруг нас. Так что не стоит удивляться, когда молодое поколение России не только не знает русских и украинских мелодий, не умеет танцевать народные танцы, забыло про национальный костюм, оно уже не воспринимает сложную, развивающуюся мелодию, не чувствует красоты литературного художественного языка. Зато легко выговаривает «лайфхак», «хэш-тег», «флешмоб», «креатив», «релакс», «блокбастер», «буктрейлер», комфортно себя чувствует на ресепшен и в буккроссинг.

Эта интеллектуальная колонизация-оккупация — результат гибридной войны, ведущейся против нас и нашей Родины, одной из главных целей которой являются наши дети. Их уводят в другую культуру, в другой язык — то есть в иное мышление. Из них формируют не помнящих родства. Увы, мировоззренческий разлом, расхождение поколений всё более увеличиваются. Родители не понимают язык детей, и дети не желают, чтобы те их понимали. Взрослым читателям необходимо толковать чуть ли не каждое второе слово, написанное молодыми авторами, когда те используют в своих рассказах подростковые диалоги. Разделение, разрыв, необратимая потеря отношений, связей, устоев, традиций, надежд...

К настоящему времени уже вполне сформированы и понятны контуры «нового человека XXI века», «человека мира». У него нет чувства и понимания Родины, потому что и закрытых границ, по большей части, в «современном мире» уже нет. Истории Отечества для него тоже нет, ведь она так ужасна, что не о чем сожалеть, более того, нужно стыдиться деяний отцов, дедов и прадедов. Отстало и ретроградно верить в Бога, а значит, «новый человек» освобождён от традиционных морально-нравственных принципов. Даже недвижимости лучше бы не иметь, ведь арендовать проще — не привязан к месту и мобилен. Дачи нет, потому что куда интереснее бесконечно колесить по чужим странам, чем творчески преображать свою землю. Ни собственной машины, ни гаража с мастеровыми запасами и заготовками не надо, потому что есть «каршеринг».

Нет нужды заботиться о родителях — повсюду создаются пансионаты для их доживания. Продвинутому, успешному «новому человеку» не нужно семьи: если он не голубой/розовый, то в свободных отношениях, где детей комфортно заменяют кошечки и собачки. (Не могу не вспомнить недавние выступления юных датчан, защитников планеты, которые призывали употреблять в пищу младенцев из-за перенаселения. Чтобы спасти собачек и кошечек!) Соответственно, modern man не нуждается и в «социальной страте», которая появляется вокруг семьи: зачем ему/ей терпеть свояков, свёкров и тёщ, и друзей второй половины?

Не надо долго думать, чтобы понять, как легко манипулировать таким человеком, лепить из него нужные формы и использовать успешными менеджерами по мере надобности...

В августе 2018 года по инициативе Белого дома в *Институте сложности* Санта-Фе прошло специальное совещание разведсообщества США по глобальным конфликтам в ближайшие 20 лет. Один из основных докладов сделали ведущие западные демографы Дэвид Коумэн и Джек Голдстейн. Они отмечали, что Россия — единственная страна в топ-50, у которой с 1992 года наблюдается устойчивое снижение численности населения. Превышение показателей рождаемости над смертностью было только в 2013, 2014 и 2015 годах. Из-за высокого уровня смертности наша страна по индексу продолжительности жизни занимает 116 место между Северной Кореей и Непалом. А по уровню смертности мужчин старше 60 лет — первое место в Европе. В 2017-м убыль населения России составила 136 тысяч человек, в 2018-м — 224 тысячи. В совокупности получается за три года в «минус» ушло более полумиллиона человек — и это в мирное-то время! В то же время по рождаемости мы ничем не отличаемся от соседей из Восточной Европы и лишь незначительно превышаем показатели западноевропейских стран. С 2020 по 2035 годы нас и вовсе ждет феномен, получивший в демографической науке название «Русский крест».

Да, правительство пытается противиться грядущей катастрофе и предлагает ряд мер для хотя бы стабилизации, для «народосбережения». Но ставка делается исключительно на финансовую мотивацию деторождения. Однако российские семьи чувствуют свою незащищенность, неуверенность в будущем — более всего по причинам блокады развития традиционного общества: если бы существовала простая зависимость рождаемости от уровня доходов, то вымирали бы не коренные народы западной Европы, а страны чёрной Африки. Но пока всё ровно наоборот. Малодетность и вымирание — болезнь так называемых «развитых цивилизаций», где культ

потребления фактически подменил идейность, а живой дух заменён медийными симулякрами.

Особо угнетающе эта подмена действует на всё лучшее в русском культурном коде, делая ненужным, а то и смешным святые понятия — самопожертвование, соборность, сыновство. А ведь именно сыновство в Священном писании называется первым условием спасения. Именно в почитании родителей — в передаче традиций, передаче от поколения к поколению культа и культуры — спасение народа во всё новых его поколениях, защита от вырождения и вымирания. И сегодня вместе с материнским капиталом, снижением процентов на ипотеку нужно куда более важное условие для спасения русского народа: угнетённой глобализмом душе для возрождения нужны не идолы-мамоны, а великие национальные идеалы, которые своей красотой и высотой разожгут в русских людях новое желание жить.

Я начала свои размышления с песен, и в заключение не могу не процитировать Конфуция, которого так почитают в разрастающемся населением Китае: «Разрушение любого государства начинается именно с разрушения его музыки. Не имеющий чистой и светлой музыки народ обречён на вырождение»...

Да, обречён на вырождение народ, забывающий свой великий язык и свою величайшую культуру.

г. Краснодар

Роман ИЛЮЩЕНКО

ВЫХОД ПОКА ЕЩЕ ЕСТЬ

С годами всё чаще задумываешься о будущем. Не столько о своём (да и какое оно у хоть и относительно молодого, но пенсионера?), а детей и еще больше внуков. И честно глядя правде в глаза, начинаешь понимать, что «спасибо» за него они нам вряд ли скажут. И дело не в том, что свою жизнь

мы, порой, проживаем так, что наследникам толком нечего и завещать. Сам порядок вещей, законы, порядки, наше окружение лет через 20 изменятся кардинально и самое богатое наследство превратиться со временем в груду битых черепков.

Разве мы не видим, что происходит? Полным ходом идёт депопуляция народа с заменой его на безразличное ко всему население и рука об руку со всё ускоряющейся его деградацией. Да-да, я о великом русском народе-богоносце, народе-победителе, к которому сам принадлежу. И продолжаю этим гордиться, между прочим, не желая ни под каким видом уезжать из России. Но происходящее не может не беспокоить и настораживать.

Мы вымираем ускоренными темпами: наши мужчины занимают первое место в мире по суицидам, женщины, несмотря на принимаемые меры, продолжают массово убивать своих детей за наши же деньги, а молодежь всё больше стремится уехать за границу. Разве можно это не брать в расчёт строя планы на будущее?

Вот и Счетная палата официально признает: *«На 1 сентября 2019 года с начала года количество россиян сократилось на 52,5 тыс. человек. С января по август в России родилось 994,3 тыс. человек — на 83,8 тыс. человек меньше, чем за аналогичный период прошлого года. В этот же период в стране умерли 1,2 млн. человек. Миграционный прирост компенсировал естественную убыль населения на 76%. Ускоряющаяся четвертый год подряд естественная убыль населения создает существенные риски для реализации национальной цели по обеспечению устойчивого естественного роста численности населения РФ»*.

Но есть ведь и другой демографический фактор, который тоже нельзя закамуфлировать никакими Днями народного единства или заменить «Русскими маршами». Из головы не выходит, например, убийство группой пьяных таджиков русского спортсмена Сергея Чуева или зарезанный ещё раньше разъяренными армянами спецназовец Никита Белянкин, который тоже вступился за избиваемого соотечественника. Самое печальное в этих конфликтах — то, что в многомиллионной Москве не нашлось никого из русских или хотя бы неравнодушных россиян, кто мог бы вступиться уже за них.

Можно вспомнить демарш киргизского посольства в ответ на справедливую критику в передаче Андрея Малахова виноватого в убийстве москвича водителя — уроженца Киргизии. И похожий на оправдание лепет телеведущего при полном игнорировании темы обычно таким говорливым нашим МИДом. Киргизы мне особенно близки, потому что не-

давно я узнал, что наш новый участковый — этнический киргиз старший лейтенант российской полиции Тынтычбек Сатикеев.

Освежил тему совсем недавний демарш профессора Федерального государственного вуза — ВШЭ азербайджанца Гасана Гусейнова, во всеуслышание назвавшего «клоачным и убогим» мой родной русский язык. И он даже не извинился! И это несмотря на прямое заявление президента России в защиту русского языка! Это, похоже, становится нормой. Нормой, спроецированной в будущее.

Но даже если абстрагироваться от всех этих роящихся где-то в стороне от нас межнациональных и демографических конфликтах и кризисах с соответствующей подоплёкой, никуда не деться от своего дома.

И вот тут я расскажу свою историю, которая завтра может стать типичной для многих других москвичей. В нашем новом доме, где я проживаю с женой, взрослой дочерью, её мужем и кошкой, на лестничной площадке находятся еще три квартиры, все они приватизированы и сдаются в аренду. Соседи слева — уроженцы Северного Кавказа, многодетная дружная семья. Соседи слева — уроженцы Средней Азии: сколько их там живет — мне выяснить так не удалось, так как я видел там постоянно разных людей разного возраста.

Наконец — сосед через стенку. Рома. Молодой парень лет 25. Своё жилье он превратил в подобие блатхаты, притона и, как сейчас говорят в молодёжных кругах, «вписки». Входная дверь обклеена всякими дурацкими стикерами, которые в изобилии продаются на каждом углу, — разрешающие на данной территории все мыслимые и немыслимые запреты. По вечерам за стеной часто звучала громкая музыка и удалые голоса. Правда, до установленного законом времени, так что поводов жаловаться участковому у меня не было. Вот собственно и всё, что я знал про моих соседей. Я как-то до определенного времени не придавал этому значения, ведь, увы, в нынешних городах люди годами, десятилетиями живут, не общаясь с соседями по площадке.

Но однажды рано утром нам в дверь позвонили. Заплаканная, перепуганная и растрепанная девушка в дверях просила помочь донести до машины «Скорой помощи» кого-то на носилках. Плохо соображая, одевшись, я выскочил на площадку. Плачущая девушка оказалась из Роминой квартиры.

Зайдя через распахнутые двери, я увидел бригаду «Скорой помощи», привычно занятую реанимацией. На кровати лежало синюшное голое тело моего соседа и тезки, которого я узнал не сразу. Как я понял, у парня произошел наркотичес-

кий передоз. Глаза в закате, в рот вставлена какая-то медицинская трубка, пульс едва прощупывается. А на полу кальян. Врач деловито заполняла какие-то документы, её напарница разворачивала носилки. Нужен был еще хотя бы один мужчина и девушка побежала к соседям. Азиаты не открыли, зато скоро мы вместе с Магомедом — соседом слева и ровесником Ромы — заносили его в лифт.

Тело загрузили в машину, и она под вой сирены умчалась. Мы молча, думая каждый о своем, поднялись с Магомедом в лифте, сухо попрощавшись. Вот тут я и увидел апокалиптическую картину недалёкого будущего, развернувшуюся перед моим мысленным взором, — нашу площадку, как макет России второй половины XXI века, которую населяют стареющие и бездетные аборигены, не желающие рожать детей и предпочитающие брать от жизни всё и сразу, не вставая с постели. А нашу в прошлом землю, по-хозяйски освоив, делят между собой уроженцы кавказских республик: семейные и многодетные, определенно знающие, чего они хотят в этой жизни и стремящиеся к этому.

С ними конкурируют не менее плодовитые, но более от нас закрытые наши среднеазиатские соседи. Их понять еще сложнее, но у них есть преимущество — на их стороне не просто закон, но и МВД (наш участковый к тому времени, наверняка станет, если не министром, то его замом), прокуратура, другие следственно-надзорные органы, а также поликлиники, больницы, школы — те организации, где уже сегодня мы всё больше и больше встречаем этих «специалистов»... А время идёт. И работает оно на тех, кто точно знает, зачем он живет и почему приехал в эту страну.

Позволю себе представить, о чём Магомед говорил с родителями и братьями, вернувшись домой. Быть может, о том, что ещё одним русским стало меньше и всё идет так, как им говорил в мечети имам. А возможно, отец сказал своим детям: «Не делайте так, как этот русский парень». Им есть кому сказать такие слова.

Был ли подобный отец у Ромы? Судя по нашей статистке, вряд ли, ведь в России треть детей, включая мальчиков, рождается мамами-одиночками, еще треть в возрасте до 16 лет теряет отцов в основном в следствие разводов и алкоголя. И 85 процентов из этих двух третей молодых людей страны — русские!

Есть ли в данной ситуации спасительный свет в конце тоннеля, а вместе с ним и наше будущее? Какое оно при оптимистичном раскладе? Ответ и рецепт у каждого, безусловно, свой.

Каждое воскресенье в нашем храме я наблюдаю одну и ту же картину. Две пожилые женщины и средних лет парень привозят на машине к церкви старенького дедушку. Усаживают в коляску и завозят в храм. Батюшка исповедует его и приобщает Святых Даров. Отбросив земные измерения и долгие рассуждения, спросим себя: разве не в этом смысл жизненных устремлений христианина в будущее — в слиянии его со Христом?

К сожалению, подобной картины, я больше нигде не наблюдаю. Из оставшейся одной трети воспитанных отцами детей, едва ли десятая часть способна на такое в настоящее время подвижничество. Очевидно же, что сам этот беспомощный старичок правильно воспитал своих детей и внуков и сегодня получает их любовь, внимание и уважение.

Вот в этом и подсказка. На лестничной площадке моей дочери и моих внучек тесно от колясок и детских велосипедов, потому что соседи — такие же молодые и многодетные. Вот в этом и наш шанс на спасение и изменение столь неуютного грядущего будущего, воспользоваться которым пока еще не поздно.

Валерий ХАТЮШИН

ПРОТУБЕРАНЦЫ

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ВОСПОМИНАНИЯ.
ФРАГМЕНТЫ КНИГИ

2019 год
(Ноябрь — декабрь)

* * *

После очередных объятий в Кремле Путина и Нетаньяху Израиль выдал США гражданина России Алексея Буркова за якобы его киберпреступления, а на самом деле — как высококлассного программного специалиста. Бурков беззаботно отдыхал на море в Израиле, был арестован и передан американским спецслужбам, которые тут же вывезли его в Америку. Но самое смешное заключается в том, что российский МИД по этому поводу выразил протест не Израилю, а США. Оно и понятно: очередные объятия Нетаньяху в Кремле не за горами...

20 ноября Израиль нанес привычный ракетный удар по окрестностям Дамаска. Можно не сомневаться, что на скорые объятия в Кремле «двух старых друзей» этот авиаудар не повлияет.

* * *

Сколько бы российские власти ни делали т.н. «жестов доброй воли» по отноше-

нию к Украине, они, эти дурацкие «жесты», всегда будут оборачиваться против нас. И ведь никогда, в прямом смысле — н и к о г д а не было иначе. Вот и на этот раз кремлевские «миротворцы» наступили на любимые грабли. Спрашивается, ну для чего надо было возвращать «нэзалэжной» три военных катера, участвовавших в *поросенковской* провокации в Керченском проливе? Ну ладно, моряков обменяли, хотя и этот «жест» был напрасным — пусть бы отсидели положенный срок за вооруженное нарушение нашей границы. Ну, обменяли — и обменяли. Но катера-то для чего было возвращать? Или «жесты доброй воли» — это неизлечимая наследственная болезнь всех кремлевских сидельцев? В крайнем случае, эти военные катера так же нужно было обменять на три наших торговых судна, до сих пор находящихся под арестом в «нэзалэжных» портах. Да, обменять, обойдясь без всяких глупых «жестов», как всегда, рассчитанных на американо-европейское к нам снисхождение... Но вышло, как и должно было выйти, — по сценарию бородатого анекдота: «Кажин раз на том же месте...»

Украинское министерство обороны обвинило Россию в краже из этих допотопных плавучих корыт унитазов и плафонов. Тут же эту «новость» подхватили все западные информационные агентства и стали поносить Россию за ее «обычную природную тягу к воровству». И сколько бы наши сотрудники ФСБ ни демонстрировали видеокадры о наличии на катерах всей сантехники, сколько бы ни показывали акт о приемке украинскими моряками этих «плавучих» корыт без каких-либо претензий к нам, это уже никого ни на Украине, ни тем более на Западе не интересовало. В их эфире звучало только одно: «Россия украла унитазы!» А наши оправдания и «доказательства несправедливости обвинений» там были никому не нужны. И тут даже нельзя употребить известную присказку: «Ложки нашлись, но осадок остался...» Потому что для русофобских украинских и западных СМИ «ложки», то бишь унитазы, вовсе не нашлись. Они по-прежнему «украдены наглым агрессором».

Подобный исход, имея богатый предыдущий опыт в отношениях с замайданной Украиной, можно было предвидеть заранее. Но это если хотеть его предвидеть. А кремлевским «менеджерам» очень хочется совсем другого: красной икрой их не корми, только дай сделать какой-нибудь «жест доброй воли», потому что без этих вожделенных «жестов» им прямо-таки по ночам не спится. И даже, наверное, им снится во сне, как они делают очередной «гуманный жест», по-видимому, получая от этого неизъяснимое удовольствие...

Но унитазный «осадок» с их «гуманной» руки теперь долго будет объектом украинской пропаганды и украинского «гумора».

* * *

Задумавшись, любой разумный человек вынужден будет признать: двухтысячелетние годы стали хуже и страшнее девяностых. Тот беспредел бандитизма и властей по отношению к простому человеку, который мы переживаем сейчас, в 90-е годы и не снился. Это теперь, а не тогда через судебные решения спокойно выкидывают людей из квартир за долги по ЖКХ или по грабительским, а чаще всего по мошенническим кредитам. Это теперь, а не тогда грузовики с сидящими за рулем мигрантами каждый день врезаются в рейсовые автобусы, о чём уже, за редким исключением, даже перестали сообщать центральные СМИ. Тогда, в 90-е, такого количества азиатских мигрантов в стране не было. Тогда, в 90-е, не было такого количества мошеннических фирм и вольготно плодящихся под сенью закона аферистов, как теперь. Практически вся сфера торговли в крупных городах и почти вся в государственных поликлиниках, не говоря уже о частных клиниках, захвачена мигрантами. Если у вас обманным путем забрали деньги с банковской карты или со счета в банке, то государство вам их не вернет.

Тогда, в 90-е, люди покупали и читали книги и журналы. И тиражи журналов были приличными. Теперь же стало экзотикой, если в метро увидишь кого-то с открытой книгой. Все поголовно сидят и стоят, уткнувшись в телефоны, разглядывая картинки, играя в детские игры или раскладывая пасьянс. То есть обыдление населения за последние 10 лет увеличилось в несколько раз в сравнении с 90-ми годами. Нам говорят: мол, тогда была война в Чечне. А что, разве сейчас нет войны? Разве Донбасс, где убиты тысячи русских, — это не война? Разве кавказско-азиатская преступность, захлестнувшая, как арканом, все крупные города России, — это не война? Причем преступность в огромном числе случаев — безнаказанная, а наказания — «гуманизированные». А мы всё продолжаем повторять вслед за телеящиком: «лихие 90-е...» Да, были лихие. Но нынешние годы впору назвать преступно беспредельными. И никакие достижения в области вооружений, строительства мостов и новых станций МЦД в столице не изменят к лучшему жизнь простых людей, еле-еле сводящих концы с концами.

* * *

Новые «зимние вишни» или уничтожение народа.

19 октября 2019 г. в Ростове Великом ночью загорелся восьмиквартирный дом. Погибли семь человек, из которых пятеро — дети. Среди погибших — мать троих детей. Задержан подозреваемый в умышленном поджоге.

По сообщению СУ СКР по Рязанской области, ночью 27 октября 2019 года после тушения пожара в жилом доме, расположенном в селе Сановка Шиловского района обнаружены трое погибших детей — две девочки 2015-го и 2019 годов рождения и их брат 2018 года рождения.

О причинах пожара ничего не сказано.

Вот что я писал в «Протуберанцах» в марте 2012 года:

«По всей стране чуть ли не еженощно происходят поджоги домов и квартир с многодетными семьями. И сразу же СМИ сообщают о гибели в огне детей. Естественно, тут же эти «всезнающие» СМИ начинают долдонить о «взрывах газа», о «непотушенном окурке», о «неосторожном обращении с огнем»...

9 марта в селе Моховое Пермского края в квартире четырехэтажного дома сгорела семья из девяти человек — двоих взрослых и семерых детей от 4 до 13 лет. Радио и телеящик в один голос начали слаженно трезвонить о такой вот форме «самоубийства» отца семейства. Но на второй день начальник пожарной команды, бывшей на месте трагедии, заявил: «Поджог». И больше уже никто ни в каких новостях об этом не вспоминал. Да и к чему вспоминать, если уже на следующий день, 10 марта, сгорела другая многодетная семья в городе Энгельсе Саратовской области?.. (само собой — из-за «взрыва газа»). К тому же в этот день куда важнее и интереснее для еврейских СМИ была тема оранжевого митинга на Новом Арбате...

Ночью 14 марта в селе Нефёдово Серпуховского района Подмосковья сгорел частный дом, где проживала многодетная семья. Двое детей погибли, а трое взрослых и пятеро других детей доставлены в реанимацию с отравлением угарным газом. МЧС, естественно, сразу же, до какого-либо расследования заявило о «коротком замыкании электропроводки». Ясновидящие...

Ночью 15 марта в поселке Каратузское Красноярского края загорелся частный дом. В пожаре погибли мать и трое маленьких детей.

Никто ни в СМИ, ни в каких-либо органах власти даже и не пытался систематизировать эти практически ежесуточно происходящие страшные геноцидные происшествия. Само собой разумеется, ни о каких выводах с их стороны и речи не идет».

А эта запись была сделана в марте 2013 года:

«В России стало меньше еще на одну многодетную семью. В ночь на 3 марта в г. Карталы Челябинской области в частном доме во время пожара сгорели отец, мать и трое детей. По сообщению СКР, «причиной возгорания послужило неосторожное обращение с огнем». Ну кто бы мог в этом сомневаться?! На что-то иное фантазии следователей, естественно, не

хватает. Видимо, о своем «неосторожном обращении с огнем» им по мобильнику среди ночи сообщили погибшие отец и мать... И очень удобную (для всех) версию Следственного комитета тут же растиражировали толерантно-либерально-демократические СМИ».

Между прочим, пожар в кемеровской «Зимней вишне», унесший жизни 64 человек, из которых 37 — дети, произошел тоже в марте (25 марта 2018 года)... Видимо, этот месяц для «зимних вишен» не случаен...

* * *

Украина — это страна, состоящая из чужих территорий, подаренных ей Россией, которую она ненавидит. Страна, так и не ставшая государством. Страна, существующая на сегодняшний день за счет транзита российского газа, которым она шантажирует Россию и за который ведет бесконечную тяжбу с Россией в европейских судах.

Во главу этой страны международными банкирами через телевизорный обман населения поставлен ржачно-эстрадный человек с целью, точнее, с одной из главных целей — продавливания закона о распродаже украинских земель. Конечно же — продаже тем же международным финансово-промышленным корпорациям. Для этого эстрадный президент протащил в Раду своих единоплеменников, которые с великой радостью данный закон приняли. Согласно этому закону продавать украинскую землю гражданам России запрещено — с тем, чтобы земли, подаренные Россией Малороссии и Украине, больше никогда не стали российскими. Такова чисто специфическая благодарность «нэзалэжной» своим благодетелям.

Европа и США, естественно, с такой же великой радостью восприняли закон о продаже украинской земли. Данный закон, по мнению руководства их финансовых элит, еще сильнее отрывает Украину от России и является некой гарантией невозвращения бывших российских территорий ее истинному хозяину, т.к. после их покупки транснациональными корпорациями воевать за эти земли России в будущем придется уже с Европой.

Собственно, это и являлось основной целью всей майданной эпопеи, затеянной в Брюсселе и Вашингтоне. Для этого и внедрили украинскому населению через виртуально-телевизорный образ «Слуги народа» ржачно-эстрадного «президента».

Но, как говорится, люди предполагают, а Бог располагает. Госпожа История чаще всего по-своему распоряжается ходом событий. И все эти ничтожные «законы» состряпанные финансовыми умами, со временем, я не сомневаюсь в этом,

будут выброшены в мусорный бак позорной европейской истории, наподобие всех ее «законов» и «договоров», принятых и заключенных до 1941 года.

Подлинным, т.е. истинно з а к о н н ы м хозяином «украинской» земли является Россия. И закон этот утвержден Свыше. И отменить или исказить его инородным временщикам не получится. А потому скоро или не очень закон этот будет исполнен. Для госпожи Истории не существует законов, не утвержденных Свыше.

* * *

Атеистам (в первую очередь — для самих себя) нужно постоянно оправдывать свой атеизм. И оправдывают они его чаще всего через проявление ненависти к священникам, через поношения и «разоблачения» священнослужителей, а вследствие этого — через ненависть к Церкви как таковой. И в конце концов поношение священников и Церкви приводит их к поношению Христа. Это неизбежно и это всегда закономерно. Отсутствие веры не может обходиться без ненависти к вере. Потому что иначе отсутствию веры в их собственной душе нет оправдания.

* * *

1 декабря в Сретенском районе Забайкалья туристический автобус, следовавший из Читы в Сретенск, пробил ограждение моста и упал в замерзшую реку Куэнга. Сразу погибли 19 человек. Более 20 были ранены. Еще до того, как автобус был извлечен из реки, центральные СМИ, как по команде, начали повторять одну и ту же причину трагедии: лопнувшее переднее колесо автобуса... Очень странная закономерность: именно на мосту оно «лопнуло» — не раньше и не позже... Выжившие пассажиры действительно слышали хлопот перед падением автобуса с моста. Но что это был за хлопок? И отчего в точности на мосту?..

Повторяю еще раз: подобные катастрофы с автобусами происходят у нас в стране **чуть ли не ежедневно** в течение уже многих лет. Такого нет нигде в мире, даже на анархической Украине. Гибнут тысячи людей. И разве не пора ли уже властям систематизировать эти практически каждодневные трагедии? Разве не стали они прямо-таки кричащим поводом, чтобы всерьез задуматься о **системных**, спланированных терактах на дорогах?.. В любой другой стране даже при меньших количествах автобусных аварий с многочисленными человеческими жертвами уже давным-давно задумались бы об их не случайном характере. Но российские власти, наобо-

рот, изо всех сил стараются или скрыть их, или преуменьшить трагедийность этой настоящей войны на дорогах. А центральные СМИ, как обычно, — сообщили, посмаковали, поохали и через два дня забыли, предварительно внушив российскому доверчивому обывателю свою моментальную неоспоримую версию случившегося: «уснувший за рулем водитель», «лопнувшее колесо», «отказавшие тормоза»...

* * *

Так называемые «украинские эксперты» на российских телеканалах нагло и цинично оправдывают убийство людей в Донбассе. Но их любезно приглашают на все политические передачи нашего телевидения. И по окончании эфирного времени телеведущие им всегда говорят: «Большое спасибо!» То есть на российском телевидении им **позволено оправдывать** убийство гражданского населения, т.к. изо дня в день их приглашают вновь и вновь.

Таким образом, под либеральным флёром дурного плюрализма и «свободы мнений» на российском телевидении абсолютно безнаказанно и вольготно обосновались **украинские экстремисты**, если не сказать — ментальные террористы. Более того, некоторые из них крикливо заявляют, что жителей Донбасса убила Россия! И никто (ни руководство ТВ, ни телеведущие, ни власти страны) не пресекает эту циничную наглость! Каждый раз на следующий день, как ни в чём не бывало, им вновь предоставляют наш эфир для оправдания 14 000 погибших в Донбассе и для оскорбления России. Много раз я спрашивал и себя и других: для чего это делается? Хоть одна страна позволила бы нечто подобное в своем эфире по отношению к себе самой? Вряд ли. Или, может, работники нашего центрального ТВ — такие непревзойденные мазохисты, что получают ни с чем не сравнимое удовольствие от циничной лжи и унижений своего государства? Тоже вряд ли.

Глядя на эту каждодневную телевакханалию, невольно приходишь к убеждению, что руководители Первого канала, России-1, НТВ и ТВЦ — это представители той самой «пятой колонны», которые сознательно стравливают народы бывшего СССР и разжигают между ними вражду. Ну как иначе можно оценивать присутствие и наглые разглагольствования на этих телеканалах откровенных русофобов, озлобленных бандеровцев и дремучих укроподобных «историков»? Кто их сюда притащил? Кто их здесь обхаживает? Кто оплачивает их «работу»? Только те, кто сами по своему умозрению и своим моральным качествам — точно такие же.

Людмила ВОРОБЬЕВА

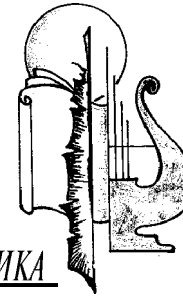
«С ГОДАМИ ВИДИТСЯ ПРОСТОЕ...»

О книге лирики Светланы Супруновой «Прошу тишины»

И там есть муки и печали,
И там есть пища для страстей,
Но люди там не утеряли
Души единственной своей.
Там золотые волны света
Плывут сквозь сумрак бытия,
И эта милая планета —
Земля воскресшая моя.

Н. Заболоцкий

С чего начинается поэзия? Однозначного ответа нет. Поэтических факторов великое множество. Но в наше до предела напряжённое время, когда человек перестаёт быть центром всего и главной ценностью, литература тоже теряет свои прежние ориентиры, ей всё сложнее передавать свой духовный опыт, свою высшую справедливость. Там, где каждый стремится лишь к самовыражению, теряется и прежняя традиция литературоцентричности. Человек в современной литературе аналогично лишается своего утверждённого первенства, и он уже



не чувствует себя в безопасности. Раздор в умах, направлениях и оценках, происходящий в искусстве и литературе, соответственно отражается и в творчестве. В нём, как и в жизни, нет былого единства. Вероятно, вполне закономерен и расцвет постмодерна.

Между тем, бытие наше осуществляется как в простых, так и в сверхсложных формах, не зря оно играет на усложнение и на упрощение, не зря восходит и нисходит. Все поэтические формы от экспериментально-усложнённой и до выверенной традиционной — угодны поэзии. Здесь важно только одно условие — стихотворение призвано быть проводником. Простая и доходчивая истина, как замечает русский писатель Борис Екимов, всегда ближе. А поэзия и должна быть простой, сложные формы от «лукавого». Ведь люди во всём мире испытывают одни и те же похожие чувства. Читателям нужна не мудрёная литературоведческая выкладка, что годится порой для узкого интеллектуального круга экспертов, а художественная литература с её реалистичной почвой. Хаотичное время постмодерна, так или иначе, пройдёт. Изощрённые поэтические игры перестанут быть интересны и захочется по-человечески тёплых, родных слов. Настоящая литература и начинается с великого уважения к человеку, к его личности, с уважения и признания единственной истины. В противном случае — мы обречены на голый цинизм и приукрашенную фальшь.

Поэзия подлинная и начинается с внутренней тишины. «Прошу тишины» — так называется новый поэтический сборник Светланы Вячеславовны Супруновой. Прошу тишины — и ты сразу понимаешь, что далеко не все слова — самое главное в жизни. «Лишь те слова, которые нужны...» — и составляют духовные смыслы их автора. Буквально первое стихотворение, открывающее книгу, берёт за душу своей доверительной манерой и уводит от суетливых жизненных треволнений:

Ненастье, дороги раскисли. / Уходим, пустые во мгле.
Дела остаются и мысли, / С которыми шли по земле.
Уходим, никто не вернётся, / Не видим дороги впотьмах.
Как мало от нас остаётся, / Как мало мы были в гостях!
Смеялись, любили немного, / Шумели под небом всерьёз.
Мы так и не видели Бога / В стране кабинетов и слёз.
Дома и деревья застыли, / И нас омывает дождём.
Зачем мы сюда приходили? / Куда под ветрами идём?

Перед нами — тонкий лирик с неторопливой, вдумчивой интонацией, с конкретным лексическим полем, на котором нет цветистости, но при этом оно цепляет, не отпускает, щемит

душу своей пронзительностью, остаётся где-то там, в неведомых сердечных глубинах. И тут же приходит осознание того, что поэзии совсем не обязательно быть глобальной и монументальной. Светлана Супрунова — поэт «тихой лирики» в противопоставление с ушедшей в прошлое громкой эстрадной поэзией больших стадионов; подобные поэтические определения давал в своё время литературовед Вадим Кожинов. Впрочем, подкупает и то, что С. Супрунова не стремится к быстрому резонансу, хорошо зная, что современная литература, утратив «трибуну», перестаёт быть глашатаем и вождём, полноправным «властителем дум». Она находит собственный, возможно, в чём-то скромный, но зато надёжный и вполне понятный путь.

Однако с чего же всё-таки начинается поэзия? О «соре», из которого «растут стихи, не ведая стыда», нам «пожаловалась» Анна Ахматова. У Светланы Супруновой стихи рождаются, растут и вызревают в благословенной тишине.

С годами видится простое, / И всё яснее каждый год.
Обиды, суета — пустое, / И правда в том, что снег идёт. <...>
И знаешь, что не одинока, / Что где-то высоко луна,
И чьи-то голоса далёко. / Благословенна тишина!

Тишина — ключевое слово лирической книги С. Супруновой, оно окутывает её поэтическое пространство, требуя к себе спокойного внимания, душевного равновесия, сосредоточения ума и сердца. Кто-то из классиков сказал, что поэзия — это талант быть умным без ума. И мы заведомо многое прощаем поэтам, ведь чего не знает ум, то обязательно допишет трепетное слово, рождённое чувством. С. Супрунова относится к художникам непостижимой простоты, к тем художникам слова, которые обладают ясностью и проникновенностью. Она является автором пяти поэтических сборников, лауреатом международных, а также российских литературных премий и конкурсов. Вместо биографии, которая у неё необыкновенная, не побоюсь сказать, ещё и героическая, можно представить стихи-воспоминания, исполненные откровения и печали, в чём-то, не исключено, даже сожаления:

В пути — светло, в пути — покой. / Старушка, помолившись Богу,
Меня дрожащею рукой / Перекрестила на дорогу.
Меня возили поезда, / Моталась я куда попало,
Летела, шла, и мне всегда / Дорог российских не хватало.
Так и жила — на стороне, / И песни слушала чужие,
Старушка же писала мне / Про хворь свою и сны плохие...

Дороги проходят через всю судьбу С. Супруновой — земные дороги нашей планеты, а в основном, конечно, — дороги России. После окончания ленинградского медицинского училища, поработав медсестрой в хирургическом отделении, в 1985 году по направлению военкомата она уезжает в Афганистан, в медсанбат провинции Баграм. Затем, по возвращении, параллельно учится в Калининградском государственном университете на филологическом факультете и Литературном институте им. М. Горького. С 1995 по 2000 годы — вновь воинская служба в горячих точках страны, на этот раз — Таджикистан. Девять лет С. Супрунова работала старшим литературным редактором в издательстве «Янтарный сказ», сегодня возглавляет редакцию научного журнала Калининградского государственного технического университета.

Гёте когда-то написал о том, что многие стихи тех или иных авторов «оригинальны не потому, что они преподносят нам что-то новое, а потому, что они умеют говорить о вещах так, как будто это никогда не было сказано раньше». Значит, каждый художник неповторим по-своему. Всё ново и в поэзии! В книге С. Супруновой «Прошу тишины» живёт сам автор, живёт скромно и неброско, но его незримое присутствие ощущается постоянно, он рядом, здесь и сейчас. Даже в убегающем, эпизодическом кадре стиха есть это чувство присутствия, оно тоже имеет реальную подкладку, имеет свой поиск опоры, имя которой — Русь. Отсюда и логическая выверенность: поэтическое слово С. Супруновой не растекается мыслью по древу. В стихах «Памяти Михаила Анищенко» речь идёт не только о невосполнимой утрате и потере прекрасного поэта, но и о том, что вместе с такими людьми уходит и Русь, гибнет целый мир, эпоха, сосредоточенная в одной значительной личности. И неправда, что нет незаменимых!

Всего три шага до погоста, / Но, не довольствуясь крестом,
Наверно, это очень просто: / Дождинкой стать и стать листом. <...>
Земля зовёт, почти не дышит. / На свежий холм перекрещусь.
Россия ничего не слышит, / Но, рот зажав, рыдает Русь.

Как видим, в одном небольшом произведении автора — невероятно много сказано! Поэзия С. Супруновой проникнута состраданием, и тема Руси Небесной неслучайно выходит в её творчестве на первый план. Вот и в стихах «Дивные силы», очень русских по своей поэтической природе, живёт глубокое национальное чувство, не показное, а выдержавшее определённые испытания и ставшее жизнью и судьбой поэтессы.

Я повернулась на восход безродно, / Мне показалось, что на полчаса,
И вот уже кириллица не модна, / И с запада слышнее голоса. <...>

Распутная, а может быть, святая, / Какие силы есть в тебе, о Русь,
Коль от тебя, ругаясь и рыдая, / Сто раз уйду и столько же — вернусь!

Как права она в своих горьких прозрениях! Необычный образ Родины, многострадальный и бесконечно печальный, предстаёт и в других стихах:

Всюду, и в холод, и в зной, / В белом платочке, убогая,
Всё семенила за мной, / Словом обидным не трогая.
Мне бы на берег другой, / Села я в лодку забытую.
Слышу её: «Я с тобой», / Слышу тоску неприкрытую. <...>
Шли средь болота и ржи, / Сколько исхожено, пройдено!
«Кто ты, бабуся? — скажи». / — «Родина, девонька, родина». <...>
Только и дел: дорожить / Тропкой последней, не пройденной.
«Чем до скончания жить?» / — «Родиной, девонька, родиной».

Старинный эпический слог влечёт её, почти переходящий в рыдания, он льётся, будто бесконечная и полнокровная река. О любви к родине нечто похожее писал Борис Зайцев в книге, посвящённой Сергию Радонежскому, в которой прозаический текст приобретает подлинную поэтическую окраску: «В нём наши ржи и васильки, берёзы и зеркальность вод, ласточки и кресты и не сравнимое ни с чем благоухание России». Сильная метафора, рвущая душу на части, что пригвождена навеки вечные к этой неутихающей и невысказанной боли, к неуёмной тоске по родине, главенствует в стихотворении С. Супруновой «Всё то же: дождь неделю льёт...»:

Всё это боль, всё это Русь / С её печалями земными,
О ней пишу словами злыми, / А по ночам о ней молюсь.
Откуда в сердце эта злость, / Что в нём хорошего осталось?
Наверно, чтоб не трепыхалось, / Оно посажено на гвоздь.
Покоя так и не найдя, / Сбегу в глухую деревушку,
Зайду в забытую избушку — / И кровь пойдёт из-под гвоздя.

Какой может быть комментарий в данном случае, когда мы зримо получаем ответ на вопрос о самой сущности поэзии?! Феномен поэтической составляющей наиболее точно выразил Борис Пастернак, который во многом объясняет и метафору С. Супруновой, сказав, «что строчки с кровью убивают, / Нахлынут горлом и убьют!» Поэтому два её стихотворения: «Дивные силы» и «Всё то же: дождь неделю льёт...» — по праву могли бы войти в лучшие современные антологии поэзии, их можно смело отнести к программным. Они концентрируют в себе классическую стройность и собранность речи, подтверждают верность отечественным литературным традициям.

В поэзии, в большей степени, и ценно: не интеллект, а сердце, не утверждение, а поиск, не проповедь, а исповедь. Книга «Прошу тишины» включает три раздела. Первый называется «Некуда душу девать», этими строками автор завершает стихи «Огни полуночные ярки...»:

Ужели уют прозевала, / Россия, куда ты вела?
Наверное, не дострадала / И крест ещё не донесла.
И выдохнусь, слёзы истрачу, / Пройду меж убогих опять —
И взгляд под руками упрячу, / Но некуда душу девать.

Не находит себе места сердце поэта, изливая печаль русской души в спасительную строку. Даже если цитировать отдельные строки из произведений С. Супруновой, то и тогда они займут немало места. Действительно, сложно удержаться, чтобы лишний раз нет-нет да и не привести их для пущей убедительности, как, например, стихи о малой родине, перекликающиеся с её же стихами об «Эмиграции». Она мягко, но и в то же время твёрдо отвечает всем уехавшим, кто покинул некогда единую страну: «Совсем не чопорной, живою / Пройду по разным городам / И загоржусь перед собою, / Что я ни фрау, ни мадам. / Возможно, край заморский сладок, / Но только по сердцу житьё / От поля до заросших грядок — / Такое горькое своё».

Литература прежде всего должна выражать правду жизни, а не менять, как теперь вошло в моду, «формат». И С. Супрунова не формат меняет, уходя от раздражающей современности, от её навязчивой идеологии вглубь себя, она хочет рассказать о российской провинции, о её заброшенной глубинке, до которой нет никакого дела власть имущим ещё со времён губернаторства Салтыкова-Щедрина, или денег не хватает, как всегда, потому что воруют, или по обыкновению руки не доходят.

С. Супрунова далека от эскапизма, просто она пытается на происходящее вокруг взглянуть изнутри, даже если картина эта неприглядна и убога.

Мы сегодня с тобой неуклюжи, / Под ногами сухая листва,
На пути то ухабы, то лужи, / До калитки по пояс трава.
И, пробравшись, калитку открою, / И поглажу сухие стволы...
Окна старые вровень с землёю / И обшитые тёсом углы. <...>
Люди добрые, дом умирает! / Мы, продрогшие, ищем ночлег...
В тишине, где так рано светает, / Пять старух доживают свой век.

Тема неперспективных деревень, что давно планируются под снос, достаточно актуальна, хотя кто хочет сегодня слышать об этом и тем более писать?! Однако С. Супрунова озвучивает явно

непопулярную проблему, потому что связь с родной землёй невозможна без истоков, без её стержневого корня — русской деревни, что придаёт словам поэта крестьянскую весомость и прочность. У С. Супруновой есть своя сильная привязка, и она не стремится к витиеватости мысли, которой свойственна некая «библиотечность», язык её классически прост и изящен. Свежая, живая струя душевности обволакивает пространство авторских текстов. Сила слова и заключается в их «провинциальности». Многие русские умы, философы, писатели и художники вышли именно из провинции. Вот и деревушка, которую описывает поэтесса, затерялась в далёкой безвестности, среди огромной России:

Справа речка, а слева опушка, / А грибов-то — под каждым кустом,
Деревянная мокнет церквушка / Под холодным осенним дождём. <...>
Я таких не видала окраин, / Позолота нигде не блеснёт,
И в поношенной рясе хозяин / В одиночестве службу ведёт.
Спозаранку молебен читает / За страну и за завтрашний день,
Уж не крестит, а всё отпевает / Поколенье глухих деревень.
Всё едино — дожди, завируха, / Эту древнюю дверь отопрёт,
Приблудится, бывает, старуха, / И свечу, как на память, зажжёт.
Столько света в приюте убогом, / Что, теряясь, почти не дыша,
Прослезится от близости с Богом / Непутёвая чья-то душа.

Сколько же их, зарастающих травой забвения, доживают свой век на земле русской?! Русь настоящая с её умирающими деревнями и сёлами ещё осталась нам, и что же делать с этим бесценным даром — мы так до сих пор и не знаем. Тишина родного угла, дорогого кусочка земли — благословенное пристанище и убежище великой русской литературы. Поэтесса оберегает эту исконную забытую тишину, вдохнув в неё собственное звучание и собственное содержание. Голос её то тихий, то всеми слышимый вбирает в себя тишину мира, будучи предельно убедительным и достоверным. Возникают внезапные параллели и вспоминается есенинская «шестая часть земли с названьем кратким Русь», и слова В. Розанова о том, что «каждый русский, указавший на сердце своё, должен быть вправе сказать: «Здесь бьётся одна стодвадцатимиллионная часть России».

Нужно сказать, из-под пера С. Супруновой выходят надёжные вещи, в которых ощущается сильное нравственное начало. Неумолимая правда жизни заставляет её создавать по-настоящему прочные произведения. Они аналогично той же крестьянской избе, вобравшей в себя целую народную ойкумену, крепко стоят на земле, врастая в неё своими духовными корнями. И тут даже старая добрая каноническая форма стиха будто встро-

ена в обыкновенную бытовую жизнь. «Цветы сегодня ярче за окном, / Мой тихий дом как будто ближе к бору, / И шлёпаю, укутавшись платком, / По длинному, как память, коридору», — долог и труден путь памяти, путь человека совестливого, верующего, которому присуще чувство вины. «Как много мне надарено с утра / И запахов, и света за порогом, / Душа чиста — всё вымели ветра, / И я осталась с Родиной и Богом», — сила тишины, что снисходит лишь на людей верующих, исцеляет теплом родового очага. Дом — древний образ, олицетворяющий истоки всех начал — вечной и незыблемой обители предков. У С. Супруновой здесь все счастливы и несчастны одновременно — парадокс или скорее реальность российской действительности, её обветшавшей глубинки, забытой Богом. Настолько всё зримо, правдиво, что эта обнажённость видения и пугает, и открывает глаза на происходящее рядом, как в стихах «Поминки»: «Осенний день. / Безмолвье околотка. / Дешёвый гроб трясётся на возу. / В пальтишке куцем сухонькая тётка / Смахнула пальцем пьяную слезу. <...> Потом в избе раскладывали ложки, / Звенели чарки, люд повеселел. / И дождь пошёл, и крест торчал в окошке, / Но вот никто в окошко не глядел». И никуда не деться от столь неприглядной имеющей место быть натуралистичной картины, собственно, как не деться от горькой правды нашего невесёлого бытия.

С. Супрунова, судя по всему, обладает редким даром — способностью фиксировать время, совмещая разные пространственные измерения. Согласитесь, старинный дом, согретые любовью предметы быта могут многое рассказать и о человеке, и об эпохе, в которой он жил. «Ты не думай, что дома и вещи, сделанные человеком, ничего не знают и не помнят, что они не живут...» — эмоционально писал Юрий Казаков. С. Супрунова, пройдя немало дорог, возвращается к своим корням, к своей тихой пристани, находя и конечную цель всех исканий:

То снег, то дождь, а я о том, / Что память вовсе не остыла.
Позвать бы всех в притихший дом, / Кого люблю, кого любила.
Сесть у стола и всё простить, / Поговорить бы нам о многом,
И если не с кем говорить, / То остаётся — только с Богом.

Лейтмотив дороги неизменно присутствует в её творчестве, которое тоже можно сравнить с путеводной нитью. Мощная и духоподъёмная составляющая дороги — убегающий в неведомую даль поезд. «Никому не скажу и уеду, / Ни друзей, ни любви не найдя, / И пойду с чемоданом по следу / Полоснувшего поле дождя», — подлинная мудрость и состоит в постижении гармонии между природой и людьми. «Приживусь на недели,

на годы / Среди ягод и тонких осин...» — не эти ли простые истины усваиваются долго и почему-то трудно, понимаются поздно, но ведь не ищут и не желают иного счастья, «если сытно и тихо в дому»?! У автора — тонкий слух на саму мысль. Нет беспредметности. Ей не нравится непонятное, непрояснённое. Веское и разумное слово, предельно внятное, поэту ближе всего, как ближе и глубокие, выверенные мысли. «Двери тёмные, стальные. / Постучать ли, позвонить? / Я живая, вы живые, / Так давайте говорить...» — родственно-близкие мотивы звучат в таком пронзительно-строгом и нежном стихотворении.

Естественно входят в поэтические тексты, которые у С. Супруновой лишены какой-либо красивости и позы, многословия и фальши, и сакральные истины. Так, поначалу в элегическом произведении «Листья», пока осень, пока листопад, несмотря на неустроенность мира, на его надломленность, остаётся надежда. Авторская попытка прийти к индивидуальной форме гармонии и к согласию с ним достигается не посредством его переделки, подчас и невозможной, а в процессе адаптации к уже существующим реалиям. «Мало жизни в сердце, мысли мелки, / И живу как будто по нужде. / Ивовые листья, словно стрелки, / На остывшей замерли воде. <...> Ничего-то, глупая, не знаю / И ничем всерьёз не дорожу. / Справа храм — туда ли я шагаю? / Слева крест — туда ли я гляжу?» — утеряна вера, поэтому даже сегодня, когда возрождаются храмы, нелегко в давно застывших душах посеять святые зёрна веры. Окружающий нас мир очень разный, где есть свет, там есть и тень. «Зачем смотрю — сама не знаю — / В глаза соседей и друзей, / Чужие жизни наблюдаю, / Забыв на время о своей?» — мы связаны на этой земле и общей болью, и похожими грехами, и маленькими радостями. Значит, должны быть милосердны друг к другу, что говорится и в Писании, о чём ясно и откровенно, по-своему говорит и С. Супрунова: «Взметнулись птицы, откричали. / Всё чаще плач, всё реже смех. / Какие разные печали, / И только крест — один на всех».

Нечто мистически-библейское открывается в её загадочном произведении «Посох», когда жизнь через собственный опыт подводит автора к выявлению границ добра и зла:

В дверь мою постучали три раза, / И от чьей-то тяжёлой руки
Зашаталась на тумбочке ваза, / Облетели с цветов лепестки.
Не услышав ответа в расспросах, / Повернула я ключ до конца,
За порогом увидела посох, / Прислонённый к стене у крыльца.

Вне сомнения, у С. Супруновой — талант преображать увиденное, некое искусство прочитывать тайные знаки человечес-

кой судьбы, при этом всегда оставаясь предельно правдивой перед собой и перед читателем. Приведём полностью и последние две строфы данного стихотворения:

Разглядела я тайные знаки, / Древний росчерк на старой коре,
И завыли, завыли собаки, / Заметалась пурга во дворе —
Как от глаз укрывала кого-то, / Уходящего в ночь от потерь.
Широко распахнулись ворота, / И захлопнулась намертво дверь.

В Нагорной проповеди Иисус Христос провозгласил: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими». Не бывает лёгких путей, лёгких решений: мы постоянно совершаем выбор, и, каков он будет, такова будет и наша судьба. Любое лукавство претит поэту.

Приходя к согласию некоторых противоречивых вещей, автор знает: тут очень важно гармонию не перепутать с равнодушием, с той холодной отстранённостью, когда художник делает вид, что единственно верной истины не существует. Подобные художники, как правило, творят искусственный мир, отличающийся разрывом мечты с действительностью. Но у С. Супруновой — чеховский поиск художественной правды. Она пытается сказать о том, что думать нужно скромно и жить скромно, без амбиций. В её текстах присутствует интересное разнообразие ситуаций и самых простых людей — беспроигрышный вариант «простого человека». Писатель должен стремиться быть как все. Для С. Супруновой необходимо испытывать доверие к тем людям, которым адресована её строка. Она создаёт целостный образный ряд человеческих судеб. Не зря В. Дудинцев считал, что «самое высшее из того, что есть в природе, и самое достойное внимания — это не вещи, а человек». Вот и «Последний друг», как мудро подмечает С. Супрунова, уходит вместе со всеми, уходит в бесконечной череде знакомых и дорогих лиц, чтобы в конечном итоге остаться совершенно в ином качестве: «Идут, идут, и кто-то — в дом соседний, / А я смотрю на этот строй живой, / И все пройдут — останется последний, / Уже не друг, а человек родной».

Каждая жизнь в произведениях С. Супруновой дана в исполненных с любовью отражениях и портретах. Цикл её стихотворений, посвящённый обычным людям, возможно, ничем не примечательным, представляет краткий нравственный абрис всего происходящего, когда достоевская «тайна человека» — всё то, что с ним происходит на этой печальной, грешной земле, не отпускает их автора. Вечно скорбная, одинокая человеческая жизнь понятна С. Супруновой, где неизбежное её герои при-

нимают с молчаливым достоинством. «Живёт в небогатой квартире» «без связей и нужных людей», «живёт, никого не ужалит» её Нина, живёт с душевной осторожностью, умением пройти и не задеть, возразить и не резануть. Здесь необходима честность авторского слова, равноценная верности своим убеждениям, когда-то утверждённая великим исследователем человеческих душ Ф.М. Достоевским. «Бедные люди», «униженные и оскорблённые» ей всегда ближе, чем «богатые, которые тоже плачут». Отсюда и образы лишних людей, задевающие за живое щемящей и трогательной мелодраматичностью: женщина, сидящая «на паперти своей...» и ждущая подаяния, или та же Валентина, всё успевающая и даже пишущая — не стихи ли в своё ночное дежурство?.. «В старом доме», «на ступеньке грязной Пашка беломориной дымит», и жаль до сердечной боли этого непутёвого Пашку, а почему жаль — и не знаешь, и объяснить наверняка не сможешь. «И нам сочувствие даётся, / Как нам даётся благодать...» — недаром уверял нас Фёдор Тютчев.

Весьма примечательно, что открытость души, исповедальность и искренность — особая черта нового литературного этапа. Пространство смыслов, в котором прошлое и настоящее русского народа соединяются, в поэзии С. Супруновой непременно проходят через судьбу каждой личности. Тут имеют значение свои авторские характерные черты и чёрточки, свой ракурс, когда духовный, поэтический и реальный путь художника, словно в зеркале, отражается и в его судьбе, и в творчестве. С. Супрунова как бы и не стремится специально осознать миссию поэта — всё происходит непроизвольно. В её исповедальных стихах, как и в есенинских, читается вечная жизнь:

Далёко, за жухлым листом, / В грядущее мысли уносят.
Была ли кому-то врагом? — / Ведь спросят, наверное, спросят. <...>
Как первый проклюнулся стих, / Как травы ожили с рассветом,
Как быть я хотела для них / Своей, а не просто поэтом.
Как в сердце хватало зимы, / Черпала я, сколько хотела,
Тепла у старушки взаймы, / Вот только вернуть не успела.

Возникает странное чувство защищённости от столь пронзительного и отнюдь не случайного признания, ровный и ясный свет струится в пространстве поэтического текста, открывая целую философию жизни. Неизречённая библейская глубина сокрыта в произведении «Поэт»: «Иных жалел, себя не славил, / Что мог, дарил и отдавал, / И кто-то врал, другой лукавил, / А ты всё слышал — и прощал. / Наглец наглел, скупцы скупились, / Ты знал: такие не уйдут. / Когда клялись, когда божились, — / Ты снова знал, что предадут». Действительно,

поэту дано видеть и понимать больше и дальше, и невероятно велика созидательная сила слова, о чём ещё говорил древнегреческий философ Сократ, она настолько велика, что способна «большое сделать малым, малое представить огромным, вещь, давно всем известную, выразить по-другому, а вещи новые представить на старый лад». И С. Супрунова представляет свой особый взгляд поэта на мир, который становится, «как старая одёжка», когда «ты вырос и тебе он мал».

Второй раздел книги «Прошу тишины» имеет одноимённое заглавие и начинается патриотическими стихами «Бронзовый солдат». Стоит заметить, что темы войны не абстрактна для её автора, у которого есть собственное отдельное видение и войн прошлого, и войн современности. В стихах «Бронзовый солдат» встречаются разные эпохи, когда та далёкая война 41-го вдруг напомнила о себе кровавым донбасским синдромом. «Донбасс в крови. / Опять летит снаряд, / И доползти до дома нету силы. / Стоит за шахтой бронзовый солдат, / И зеленеют братские могилы. <...> Как на посту, прервав когда-то бег, / Стоит солдат под холодом столетий, / И за его спиной — ушедший век, / За плащ-палаткой — снова сорок третий». Оказывается, война, уходящая в защитных плащ-палатках, истоптанных кирзовых сапогах, уже забытая, возвращается и может повториться в не менее страшном варианте и напомнить о себе иным ракурсом. «Сосед галичанский, скажи, / Зачем твои пули летают? / Боюсь не наветов и лжи, / Мне страшно, когда убивают», — обращается поэтесса к кровным братьям-славянам. Мы вынуждены опять постигать язык войны — язык вражды и ненависти, вопреки законам жизни и любви. С. Супрунова отличается характерным нравственно-этическим подходом в изображении войны, философско-психологическим проникновением в её древнюю природу. Вот и афганская война, такая странная, непонятная в новейшей истории вошла в литературу как окопная правда, свидетельство тех, кто там был и вернулся, — своеобразный человеческий документ. Справедливости ради отметим, она может сказать об этом достоверно, так как прошла данный путь, поэтому у неё не совсем женский взгляд на многие вещи и не совсем женская судьба. Любая война ставит человека на грань пограничной ситуации, предоставляя возможность выйти и на другой уровень осмысления реальности.

Отсюда закономерны и, знаю, будут востребованы самой жизнью стихи «Третий тост», отвергающие абсурдность и бессмысленность гибели русских солдат, выполнявших свой интернациональный долг. Сегодня, когда мир сотрясают нескончаемые войны, эта правда стала очевидна:

Нас соберёт однажды время, / Нарушив будничный уклад,
И, лапу положив на темя, / Заставит посмотреть назад.
Вручит стаканы нам по праву / И, насыщая интеллект,
К словам подсыплет, как приправу, / Родной афганский диалект. <...>
Тяжка смертельная пропажа. / Воскреснут лица в тишине,
Которые эпоха наша / В чужой рассеяла войне.

Когда-то все утраты и потери должны получить своё оправдание, надо лишь быть предельно честными к себе и к памяти тех, кто не жалел себя. Тогда почувствуешь, что третий тост отмерен каждому свыше, и он:

За тех, кто под звездой упрятан / От жизни этой, как от бед,
За тех, кто в цинке запечатан / И у кого могилы нет,
Кто жуткий крик в горах оставил, / Чей стон в душе своей храню,
За всех, кто, падая, добавил / Свеченья Вечному огню!

Не укор ли всем нам, не прекращающим войны, и стихотворение «Возвращение», в котором «кроткая старушка» сердцем ощущает их зло и горе, тихо изрекая: «Храни нас всех Господь... / Война — оно занятие пустое, / А сердце всё же просит тишины... / Нельзя ли как-то миром, без войны?» Утеряно великое равновесие Добра и Зла в людях — именно этим, а не только разрушениями, и страшны войны, происходящие на нашей общей планете.

И сумерки надвинулись тревожно, / И я тогда подумала о том,
Что без войны, наверное, и можно, / Когда сердца наполнены добром.
Какая-то неведомая сила / Нам раздаёт смиренье и покой,
Не то добра кому-то не хватило, / Не то другим насыпано с лихвой.

Война, как и 500 лет назад, о чём говорил Макиавелли, заставляет и политиков, и обычных людей «отступать от добра».

Ещё одна ось, одна боевая параллель в книге С. Супруновой — Отечественная война 1812 года. Продолжая патриотическую тему, С. Супрунова вспомнила о легендарных героях той во многом загадочной войны. В духе талантливой пародии написано стихотворение «Давыдов и Жуковский». Перед нами — две выдающиеся личности, овеянные романтической славой. Что же касается Дениса Давыдова, то он стал своего рода неповторимым феноменом и литературной, и военной судьбы. «В усадьбе пахло пирогами, / Жуковский мимо проезжал. / Насытясь ратными делами, / Денис усы свои срезал. / Тряхнувши головой кудрявой, / Он закрутил их для красы, / И пахли дымом, пахли славой / На блюдце розовом усы», — в

такой лёгкой, искрящейся форме создаёт автор произведение, отражающее саму суть натуры бравого офицера, натуры авантюрной и вместе с тем не поверхностной, крайне разносторонней и серьёзной. Денис Васильевич Давыдов (1784—1839) — участник всех войн своего времени, отличался беспримерной храбростью. Военный по призванию, он был поэтом, блестящим военным писателем-мемуаристом, героем Отечественной войны, генерал-лейтенантом. Сам Пушкин высоко ценил самобытный талант Дениса Давыдова: «Певец-гусар, ты пел биваки, / Раздолье ухарских пиров, / И грозную потеху драки, / И завитки своих усов» (1821). Интересно пишет о нём, развеяв миф о якобы его легкомысленном сумасбродстве, отмечая его исключительность во всём, и современный писатель З. Прилепин в книге «Взвод: офицеры и ополченцы русской литературы», где помещены 11 биографий поэтов Золотого века: «Самый известный генерал из числа прославленных русских генералов, <...> военный теоретик, чей опыт рассматривается в военных академиях, — только один: Давыдов. В числе русских полководцев были заметные литераторы: иные писали стихи, другие оставили стоящие мемуары. Но стать легендой — и военной, и литературной — это и по мировым канонам нонсенс».

Не менее будет заинтригован читатель и воспроизведённым в этом романтическом ключе замечательным образом первой русской женщины-офицера, кавалерист-девицы Надежды Андреевны Дуровой (1785—1866), которую тоже открыл Пушкин и явил миру в своём «Современнике», отметив её живой слог и оригинальный стиль её «Записок», дав ей первую рекламу на литературные мемуары. И Надежда Дурова была решительна буквально везде, во всех жизненных и творческих начинаниях. Надо признать, что её загадочный образ сегодня будто всплыл из небытия и стал волновать современных писателей, в особенности поэтов. Не обошла его и С. Супрунова, о чём свидетельствуют её стихи «Надежда Дурова»:

Опять в руках ломались спицы, / Не получались кружева,
И о свободе пели птицы, /Манила неба синева.
Себя слезами орошала — / Конец терпению, конец! —
И пол холодный целовала, / То место, где стоял отец.
И в полукруге серых окон / Блеснули ножницы в руке,
Упал к ногам последний локон, / И конь затопал вдалеке.

И самому автору этих волнительных строк не знать ли, пройдя дорогами войны, какой на самом деле она бывает?!

Луна взойдёт над страшным миром / И поле брани озарит,
И бабье сердце под мундиром / Так не по-бабьи застучит!

Нити из далёкого прошлого ведут поэта в день сегодняшний. Может, поэтому С. Супрунова и обращается к убедительным фактам былой истории, чтобы развенчать лукавую идеологию антипатриотизма, то новое время, «где правнук медаль продаёт», где до последнего стоит старый ветеран, оберегая свои «шесть соток» земли — «кусочек родины своей», как есенинскую «шестую часть земли с названьем кратким Русь». Закономерно, что рядом в её книге идёт и блок гражданских стихов, углубляющих военную проблематику и направленных против революций и войн, когда, по мнению поэта, «так не должно быть — с криками и кровью... без креста». С. Супрунова приходит к глобальным прозрениям значения мира — древнего понимания этого слова, необъятность которого прочитывается в её трепетном произведении «Планета»:

Всё продумала, всем подала, / Всех под куполом синим простила.
Я планету с орбиты сняла / И её на ладонь поместила.
Обезумев, затих океан, / И вода не туда стала литься,
Заметавшись от страха, в карман / Залетела какая-то птица.

Мир, увиденный с такой проникновенной нежностью, автор переносит в окрашенное народным фольклором произведение «Границы», где огромный мир равноценен Родине, которую она «скатала» «в яйцо». Заметим, что стихи С. Супруновой отображают систему концентрированных кругов, словно вписанных друг в друга, они включают в себя мир детства, мир семьи, мир любви — своё одухотворённое индивидуальное пространство, а также мир русских городов и деревень, огромный мир великой России. В поле зрения автора, как видим, образующие вещи, согретые милосердием, состраданием, любовью, наполненные просветлением чувственной женской души. В поисках исконного пути, в поисках истоков С. Супрунова вновь и вновь возвращается и полностью остаётся с темой Руси, России. Эти стихотворения, единожды прочитанные, нельзя забыть, они запоминаются надолго: «Дожди зарядили, так сыро, а мне бы / Хорошей погоды и слов бы простых. <...> Как будто и в небе всё та же Россия, / Тропинки по кругу — куда тут уйдёшь?», или ещё: «Я пригрелась во сне и в тепле... <...> О моя горемычная Русь, / Почему ты обижена небом?» — ей неведом грех благополучия и духовной успокоенности. Образ России — это образ вечной странницы, ищущей веры, правды и добра, что «шла себе своей дорогой... <...>

Мимо брани, мимо дыма, / Меж окурков и плевков... / И прошла Россия мимо, / Не узнав своих сынов».

Впрочем, ничего не меняется в России, русский человек по-прежнему обижен, по-прежнему ищет лишь правды, не мечтая о счастье. «Что нужнее — несчастье иль счастье? / Это вовсе не праздный вопрос», — задумывается иеромонах Роман. Прозаик Леонид Андреев в рассказе «Губернатор» писал: «Ещё не родившись, мы уже тысячекратно обижены». А в современном романе «Правда и блаженство» Евгений Шишкин говорит о том, что «никогда, ни в кои веки, жизнь простого человека в России ни в грош не ставилась». Принимает эту безысходную реальность и С. Супрунова, принимает как необходимую данность, без которой и не умереть, но без которой и не жить:

Злые дожди моросили, / Снова колёса в грязи.
Сколько простора в России, / Место найти б для Руси!
Эту дорогу лихую / Нам ли веками топтать?
Господи, дай нам другую — / Не через дебри и гать!
Ветра б попутного в спину, / И чтобы на сердце тишь.
Голову вверх опрокину: / «Господи, что ж ты молчишь!»

Вспоминается русский писатель Б. Зайцев и его революционный рассказ «Улица Святого Николая» (1921), где он с горечью высказывался: «А ты живёшь в жизни новейшей, вновь беспощадной, среди богатых и бедных, даровитых и бездарных, неудачников, счастливцев. Не позабывай уроков. Будь спокоен, скромен, сдержан. Призывай любовь и кротость, столь безмерно изгнанных, столь поруганных <...> но не гаси себя...» Разве не об этом болит душа и у С. Супруновой, по-настоящему русского поэта, который и говорит неустанно именно о русском человеке, о его тихой, неприметной жизни, до которой власти всегда было недосуг, а сегодня тем паче. И как награда — редкая поэтическая удача — стихи «Баба Оля»:

Докучают в лесу комары. / Выйдешь в поле — надышишься вволю,
А за полем ютятся дворы. / Кто не знает у нас бабу Олю!
Снег и ливни, менялись вожди. / Неохотно расскажет, бывало,
Как, дитя прижимая к груди, / От пылающих изб убегала. <...>
Нынче вьюга следы замела, / До могилы не стёжка — аллея.
Никого не ругая, жила / И ушла, ни о чём не жалея.
Кто плеснул бы на мир белизны! — / И когда загибаюсь от боли,
Всё глядит на меня со стены / Матерь Божья с лицом бабы Оли.

О, сколько их на горемычной русской земле милосердных женщин, подобных бабе Оле, на которых и стоит, и поныне

держится эта земля! Не в них ли и заключается непостижимая правда её?! И течёт поэзия С. Супруновой, как спокойная и прозрачная река, на зеркальной глади которой отражается человек. «Только взглянув назад в своё прошлое, человек в зеркале своём видит свою собственную природу», — считал М. Пришвин. Хочет идти к человеку не за чем-нибудь, а к нему самому и С. Супрунова. Она остро реагирует на людскую боль, постигая простую и сложную философию земного бытия: «Не видя ни поля, ни рек, / Не слыша прибрежный камыш, / Куда ты спешишь, человек, / Куда ты всё время спешишь?» Нравственная категория человеческой души — для неё вовсе не формальный признак, когда «это сложно, очень сложно — утепление души», когда необходимо думать, как прожить, «чтоб этот мир не осудить, / не растоптать чужие души?»

Читая книгу С. Супруновой, впитываешь её тихую радость, мирный дух и терпение. А уставшая душа и сердце просят тишины, исцеляющей и мудрой. «Поймёшь, что не страшно в пустыне, / Что мысли, как прежде, чисты, / И что одиночество ныне / Роднее мирской суеты», — вероятно, только в одиночестве и покое, в стремлении к тишине и рождаются настоящие стихи. Вообще, тепло и доброта — два главных слова и понятия в поэзии. «О дай мне, Боже, тишины, / О дай нам всем добра и мира!» — поэтесса афористична, но эта афористичность не ради красивого слова, в ней большой смысл человеческого существования. Авторские высказывания покоряют великой простотой, о которой оптинский старец сказал: «Где просто, там ангелов до ста. А где мудрено, там ни одного». И просить тишины — значит просить молчания, просить внимания к человеку. Вот почему разговор — серебро, а молчание — золото. Лирическая героиня С. Супруновой идёт к домику «у тихой реки», чтобы найти внутреннее отдохновение, идёт туда, где «всё по-божески, просто», где есть приют душе, вечной страннице и скиталице.

В стихах С. Супруновой не найдёшь непомерных амбиций, нравоучений и морализма. Автор в поиске и сомнениях, ей незнакомы гнетущие чувства зависти, ущербности, ведь страдание всегда рядом с радостью: «Зачем живу? чтоб видеть поле, / Смотреть на запад и восток? / Не зря душа грустит по воле, / Как узник, отбывая срок». Была бы, как говорится, совесть чиста, «и чтоб под этим серым снегом / мне с чистой совестью лежать», — ничего не требуя от жизни, честно напишет она. Лишь творчеству дано многое восполнить, ощутить поэзию как некое духовное дуновение, как некую сакральную тайну:

Отгоревать, отплакать, отсмеяться. / Но вырвутся из снежной целины
На белый свет — как заново родятся — / Лишь те слова, которые нужны, —
Невычурные, самые простые, / И вспыхнет свет божественный в ночи,
И сбудется — заговорят немые. / Утихни, каждый, слушай и молчи!

Сохранить свет души, не изменить себе: «Я почестей и титулов боюсь — / За ними не видать уже поэта», — как верно и точно подмечено, угадано скромным сердцем. У каждого в жизни свой опыт, впрочем, как и своё литературное родство. В литературе был долго потерян единый мир. Говоря собственное слово о жизни, С. Супрунова пытается соединить его раздробленные части, ей многое удаётся, и она вызывает к себе доверительное отношение. А. Межиров замечал: *«Действительность, какая она есть, для стихов не годится. Её надо создавать. Она должна быть преодолена, то есть преображена. Иначе не получится ничего, кроме информации. Но сложность в том, что и уходить от первичной реальности слишком далеко ни в коем случае нельзя. Соразмерить всё это способна только божественная интуиция»*. Особая интуиция, свойственная лишь натурам поэтическим, присуща и С. Супруновой.

Достаточно мощный по своей энергетике стиха третий раздел книги, в котором утверждающе звучит поиск Божественной правды, — «Во спасение свечи горят». Следует признать, тут нет проходящих вещей и строк — буквально каждое стихотворение попадает в цель. Вот что любопытно: тематически произведения повторяются, но при этом возникает ощущение, что уже знакомые темы приобретают иное, более пронзительное и конкретное звучание, когда ты не можешь безразлично пройти мимо, пролистать одно стихотворение за другим, такая в них светлая печаль и светлая радость. Всплывает невольно розановское: «Будьте светлы духом».

Зримый, древний, как мир, образ птицы явственно проступает в стихах «Доев ломоть последний хлеба...», когда лирическая героиня, подобно «распятой птице» с опущенным крылом — «и не упасть, и не взлететь». Потрясающая конкретика образа! Вероятно, этот уникальный момент поэзии приходит с самостоятельно обретённым мировоззрением, как в небольшом произведении С. Супруновой «Огонь, вода и медные трубы». Можно на дорогах жизни и судьбы перешагнуть «через огонь», можно, не утолив жажды, перешагнуть через ручей, но, как известно, неисповедимы пути Господни: «О только бы, услышав трубы, / Не понимать, о чём поют!» — восклицает поэтесса. Впрочем, ничто не ново под луной: нет мысли, которая бы не существовала во вселенной до нас! Между тем, автор находит своё лаконичное и живое слово, исходящее несказанной болью:

Случается, вздрогну невольно, / Своё разбирая житьё,
За краешек прошлого больно / Зацепится сердце моё.
Протянется слева направо / Глубокая рана моя.
Какие же острые, право, / Бывают у жизни края!

С лёгким изумлением воспринимаешь и стихотворение «Вчерашний дождь», о котором, по всей видимости, и писать «уже не стоит»: ну что нового, доселе невиданного, услышишь в нём?! Но последние, ключевые, фразы у С. Супруновой решают всё: «И я внезапно поняла, / Что ливень в нём не разглядела», — делает она неожиданное открытие. Поражает граничащая с озарением феноменальная ясность её строки. К примеру, стихи «Раздумья» приводят в «тихий дом», где «на обоях старых / светлые квадраты от икон», пронзая сердце внезапными прозрениями: «Чую, что-то в жизни пропустила, / Проболтавшись в городе большом». Согревая тело, мы забываем, что «вечно холодно душе». И мается, и страдает «человека выпавшая долька», и не находит себе места на горемычной земле.

Книга «Прошу тишины» убеждает в главном — русская литература жива, несмотря на многие неутешительные прогнозы. В её удивительную живучесть всегда верил Валентин Распутин. «Тишины бы, до самой луны, / Я на небо глаза поднимаю, / Но, проснувшись, опять понимаю: / Не бывает такой тишины», — вопреки всему, она бывает в поэзии, и С. Супрунова наполняет магической тишиной пространство своих текстов. Литература для неё прежде всего совесть и душа, та традиция русской классики, у которой, по словам М. Пришвина, «есть дыхание правды». И «всё больше выстраданный стих» С. Супруновой набирает обороты, их автор смотрит не в зеркала, что чаще всего лгут, а заглядывает «в глубь себя».

Каждый художник рано или поздно обязательно должен выработать собственный литературный метод. Так, для С. Супруновой жизнь отдельного человека — целая история, в которой видятся тысячи других жизней. Целиком и полностью подкупает бескорыстный характер её героинь, представленных автором с традиционной художественной достоверностью: «Бабка Прасковья», «Баба Маня, по кличке Яга», «Клавдия», или та же «худая старуха», прошептавшая вечернюю молитву, «утром с лампадкой погасла», и уже никогда она «не возвратится на пристань, / где плачут так долго, так часто».

По-своему необычны, собственно, их крайне мало в книге С. Супруновой, и произведения о любви, в которых нет, что стало модным, всеразрушающей страсти. Любовь и счастье — понятия вообще неопределённые; их преходящие, краткосрочные моменты автор уловила тонко и до предела обнажённо. Встре-

тились через много лет два когда-то близких и родных человека, но — это мажорное «но», когда «всё будет уже по-другому, / Ты спрыгнешь на мокрый перрон, / Свернёшь неуверенно к дому, / Встречаемый граем ворон...» Всегда всё происходит в жизни слишком поздно, о чём писал в одном из рассказов Л. Андреев: семена душевной усталости, прорастающие в человеке, медленно разъедают его, разрушают саму возможность любви. «Уйти не захочешь впервые, / Впервые легко отпущу», — таков итог долгих ожиданий призрачного счастья. А запоздавшее счастье имеет особенность мстить. «И боюсь, боюсь влюбиться...» — есть поэтому у С. Супруновой и такие откровенно-нерешительные строки.

Чрезвычайно характерно для её лаконичной и ёмкой поэзии обращение к вере, поднимающее творчество уже на другой, высший уровень, осенённый Божественным светом любви. Не страшны даже шквальные «ветра», когда «стены целы и падать не смеют», когда «во спасение свечи горят», когда «эту землю ветра не развеют, / если храмы её устоят». И что бы ни случилось, не предать в дальних странствиях веру родную — единственную связующую нить с русской землёй: «И эхо катится, рыдая, / И я смотрю туда, где Русь, / И, за муллой не поспевая, / Словами русскими молюсь». Ох, как нелегко распознать Бога, меняющего обличья, как в стихах «Ты где, Отец?»: «Дорог полно, людей не перечесть, / Подходит кто-то, даже не назвался. / «Ты ищешь Бога? / Это я и есть», — / И, высморкавшись в руку, рассмеялся. <...> Обувку износившая, в пыли, / Я обошла околицы и дали. / «Не проходил», — на западе рекли, / Вздыхали на востоке: «Не видали» <...> Из облака проклюнулась звезда, / Глухую деревушку осветила. / «Куда ушёл?» — «Не сказывал — куда». / «Когда придёт?» — «Да я и не спросила», — весь путь человеческий и состоит в разгадке и узнавании небесных знаков жизни и судьбы, в открытии в себе Бога. Только узнаем ли, распыляясь в сиюминутном и мелочном?

В поэзии С. Супруновой присутствует тот элемент чуда, волшебства, что дарует красоту в близком и повседневном, когда горести забываются, а в памяти остаётся только свет и радость. И порой нужно лишь сесть в поезд, «поверив в преданность дорог», а главное — «не растеряться, если встретят». Сойти на нужной станции, утонуть в травах и, хотя бы на миг увидеть, что мир существует и без нас. Ещё уметь замолчать, а затем вновь вернуться и понять, что мы «разучились слушать тишину», что говорить можно и сердцем, рождающем сокровенное слово, ведь не зря «перо и лист доверил нам Господь». Создавая свою поэтическую «постройку на века», Светлана Супрунова не страдает величием, а желает лишь одного: «Пускай хоть камешком в

опору / Моя закатится строка». По-чеховски просто, искренне, без зависти в её лирических строчках прочитывается человеческая жизнь:

Мне уже не хочется иного, / Был бы хлеб, а небосвод бы — чист,
Лишь бы чувство превратилось в слово / И легко легло на свежий лист —
Без высокомерия и злобы, / Без витийства, простенько легло,
Не ждало похвал мирских и чтобы / Мёрзнущему стало бы тепло.

Найдите время для себя, впустите в себя тишину, открыв книгу Светланы Супруновой. Расскажите поэзию яркими отдельными строками, увидев там себя, почувствовав неравнодушную душу поэта и просто женщины, влюблённой в эту горькую и всё же такую неповторимую жизнь, навстречу которой она идёт с открытой душой, налегке, оставив далеко позади груз тревог и волнений, идёт с верой, надеждой и любовью к миру и людям: «Я всё та же, с добрым словом, / И впервые без зонта».

Вышла в свет новая книга Валерия Хатюшина **«Вино и хлеб. Духовная лирика»**. Книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия» и в книжном киоске Союза писателей России (Комсомольский пр-т, 13).

Цена почтовой доставки заказной бандеролью 300 руб. Номер карты Сбербанка: 2202 2005 6546 0175.

Свой почтовый адрес можете сообщить по телефону: 8 916 718 25 52 или по эл. почте: mg0002015@yandex.ru

---

Вышла в свет книга нашего постоянного автора, новосибирского ученого Валерия Габрусенко **«200 русских гениев»** — биографии гениальных русских изобретателей, конструкторов, открывателей и выдающихся личностей в области науки, техники и медицины. Биографические очерки снабжены фотографиями их героев. Книгу можно приобрести в редакции журнала «Молодая гвардия» Цена почтовой доставки заказной бандеролью 500 руб. Номер карты Сбербанка: 2202 2005 6546 0175. Свой почтовый адрес можете сообщить по телефону: 8 916 718 25 52 или по эл. почте: mg0002015@yandex.ru